

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2017 / №1

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и археологии (07.00.00) и политологии (23.00.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Archeology (07.00.00) and Politology (23.00.00).

ISSN 2072-8360 (print)

2017 / №1

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления МГОУ (зам. председателя)

Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. – д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д.пед.н., проф., МГОУ

Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. – д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д.филол.н., проф., МГОУ

Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. – д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. – д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. – к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., МГОУ; **Багдасарян В.Э.** – д.и.н., проф., МГОУ; **Воронин С.А.** – д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва); **Гайдук В.В.** – д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа); **Гонзалес Дж.** – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия); **Журавлев В.В.** – д.и.н., проф., МГОУ; **Захаров В.Н.** – д.и.н., проф., МГОУ; **Ковалев В.А.** – д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет; **Мартынов М.Ю.** – д.пол.н., доц., Сургутский государственный университет; **Михайловский Ф.А.** – д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет; **Наталици М.** – д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия); **Сельцер Д.Г.** – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; **Сулакшин С.С.** – д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии; **Фукс А.Н.** – д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2017. – № 1. – 124 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40712**

© МГОУ, 2017.

© ИИУ МГОУ, 2017.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow State Regional University»:

Moscow Region State University

— Issued 5 times a year —

Series editorial board «History and Political Sciences»

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

A.V. Abramov – Ph. D. in Politology, Associate Professor, MRSU; **V.E. Bagdasaryan** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU; **S.A. Voronin** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa; **J. González** – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia); **V.V. Zhuravlev** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU; **V.A. Kovalyov** – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University; **M.Yu. Martynov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Surgut State University;

F.A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University; **M. Natalici** – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy); **D.G. Seltzer** – Doctor of Political Sciences, Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; **S.S. Sulakshin** – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the Moscow State Regional University»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, chef of information and editorial management (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2017. – № 1. – 124 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26139

Index series «History and Political Sciences» according to the union catalog «Press of Russia» 40712

© MRSU, 2017.

© MRSU Publishing house, 2017.

The Editorial Board address: Moscow Region State University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918)

<i>Егоров В.Г., Абрамова Ю.А.</i> БОРЬБА ВЕДУЩИХ ЭКОНОМИК МИРА ЗА РЫНКИ СБЫТА.....	6
<i>Багдасарян А.О.</i> ПОДГОТОВКА НАСЕЛЕНИЯ К ДЕЙСТВИЯМ В СЛУЧАЕ ВОЗДУШНОГО НАПАДЕНИЯ И ХИМИЧЕСКОЙ АТАКИ В СТРАНАХ АНТАНТЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	22

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

<i>Сафронов А.В.</i> ГДЕ СЛЕДУЕТ ЛОКАЛИЗОВАТЬ СУХОПУТНУЮ БИТВУ РАМСЕСА III С «НАРОДАМИ МОРЯ»?.....	33
<i>Яснитский Н.А.</i> ТРАКТОВКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АНГЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. В БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX–XX ВВ.	41

Отечественная история

<i>Соловьёв Я.В.</i> ЧИНОВНИКИ МОСКОВСКОЙ КАЗЕННОЙ ПАЛАТЫ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.	52
<i>Порошкова Т.М.</i> ПОРЯДОК СОСТАВЛЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СПИСКОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ).....	60
<i>Горлов В.Н.</i> Н.С. ХРУЩЁВ И ПЕРЕХОД К МАССОВОМУ ЖИЛИЩНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ.....	71

РАЗДЕЛ II ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Лавренов С.Я., Хабалов А.Т.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ ЕС «ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО» В ОТНОШЕНИИ МОЛДОВЫ.....	82
<i>Хуррамов Х.Х.</i> ТЕНДЕНЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ	93
<i>Багдасарян В.Э., Ларионов А.Э., Орлов И.Б., Федорченко С.Н.</i> РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Каримова О.А.</i> МИКРОИСТОРИИ И МНОГОКОНЦЕПТУАЛЬНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПЕДАГОГИКЕ.....	111
<i>Колокольчикова Р.С.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: ЖИДЧЕНКО А.В., РЫЖЕНКО В.Г. «ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ОМСКОГО ГОРОДКА НЕФТЯНИКОВ В 1950-60-Е ГГ.» ОМСК: ОМГУ ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО, 2015. 482 С.....	119

CONTENTS

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF WORLD WAR I (1914–1918)

- V. Yegorov, Yu. Abramova.* STRUGGLE OF THE LEADING WORLD ECONOMIES FOR MARKET OUTLETS 6
- A. Bagdasaryan.* THE PREPARATION OF THE POPULATION FOR ACTIONS IN CASE OF AIR ATTACK AND CHEMICAL ATTACK IN THE ENTENTE DURING WORLD WAR I..... 22

SECTION I. HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

- A. Safronov.* WHERE SHOULD THE LAND BATTLE OF RAMSES III WITH THE SEA PEOPLES BE LOCATED?..... 33
- N. Yasnitsky.* THE POLITICAL SITUATION IN ENGLAND OF THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY INTERPRETED BY BRITISH HISTORIOGRAPHY OF XIX–XX CENTURIES..... 41

Native History

- Y. Soloviev.* OFFICIALS OF THE MOSCOW STATE CHAMBER AT THE END OF XVIII – EARLY XIX CENTURIES..... 52
- T. Poroshkova.* THE PROCEDURE FOR DRAWING UP ELECTORAL LISTS IN THE I STATE DUMA (ON MATERIALS OF MOSCOW PROVINCE)..... 60
- V. Gorlov.* N.S. KHRUSHCHEV AND THE TRANSITION TO MASS HOUSING CONSTRUCTION IN THE SOVIET UNION 71

SECTION II. POLITOLOGY

- S. Lavrenov, A. Khabalov.* REALIZATION OF THE EU PROGRAM ‘EASTERN PARTNERSHIP’ CONCERNING THE REPUBLIC OF MOLDOVA..... 82
- Kh. Khurramov.* THE TENDENCY OF CONSTITUTIONAL CHANGES IN KYRGYZSTAN AND ITS IMPACT ON THE POLITICAL REGIME 93
- V. Bagdasaryan, A. Larionov, I. Orlov, S. Fedorchenko.* REGIONAL PECULIARITIES OF THE REALIZATION OF STATE NATIONAL POLICY STRATEGY: ON THE EXAMPLE OF MOSCOW REGION 101

SCIENTIFIC LIFE

- O. Karimova.* THE PROBLEM OF MICROHISTORY AND MULTI-CONCEPTUALISM IN DOMESTIC HISTORICAL SCIENCE AND PEDAGOGY 111
- R. Kolokolchikova.* REVIEW OF A BOOK: A.V. ZHIDCHENKO, V.G. RYZHENKO “HISTORY OF EVERYDAY LIFE IN AN OMSK TOWN OF OILMEN IN THE 1950-60S” OMSK: OMGU, NAMED AFTER F.M. DOSTOYEVSKY, 2015. 482 PP. 119

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918)

УДК 94(100)"1914/19"

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-6-21

БОРЬБА ВЕДУЩИХ ЭКОНОМИК МИРА ЗА РЫНКИ СБЫТА

Егоров В.Г., Абрамова Ю.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу мировой экономической ситуации накануне Первой мировой войны. Авторы рассматривают торговые обороты Англии, Германии, России, Франции, Турции, Ирана, Сербии и других стран. Достаточно агрессивная борьба Германии за рынки сбыта позволила ей объективировать свои великодержавные мечты. Это стало одной из ключевых предпосылок мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, борьба за рынки сбыта, начало XX в., российско-германская торговля, российско-английская торговля.

STRUGGLE OF THE LEADING WORLD ECONOMIES FOR MARKET OUTLETS

V. Yegorov, Yu. Abramova

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. This article is devoted to the analysis of global economic situation on the eve of World War I. The authors consider the trade turnovers of the UK, Germany, Russia, France, Turkey, Iran, Serbia and other countries. Rather aggressive struggle of Germany for markets had enabled it to objectify its great-power dreams. This was one of the key preconditions for the world war.

Key words: World War I, struggle for market outlets, early twentieth century, Russian-German trade, Russian-English trade.

Одной из характерных черт экономической ситуации, сложившейся перед Первой мировой войной, было перераспределение мировых рынков сбыта и сырья. А одним из главных игроков в мировой экономике была Германия. Активно развиваясь, германская внешняя торговля уже в 1912 г. по своим оборотам уступала только Великобритании, а вывозила столько же, сколько и Англия. 97% экс-

портируемой Германией продукции распространялись за пределы ее колониальных владений: в Австралийский союз, Алжир, Канаду, Британскую Индию и Турцию [1, с. 10–11]. Чужие колонии были для Германии более привлекательны, чем для собственных метрополий. Например, тоннаж германского флота, торговавшего с Сиамом, исчислялся в 376 тыс. тонн, а флот Франции для этого региона обеспечивался всего 25 кораблями водоизмещением не более 9 тыс. тонн [1, с. 11]. Германские колонии, в первую очередь, стали символом власти, а не

основой для экономического развития и процветания [4, с. 30].

Главным потребителем германского экспорта была Европа, на которую приходилось 3/4 вывозимых товаров. При этом Англия, как ключевой потребитель, в 1907 г. получила 1/7 часть экспортного товара Германии [16, с. 274]. Экспорт Германии в Англию возрастал, а обратный поток промышленной продукции сокращался, даже исходя из номенклатуры товаров, обеспечивающих нужды индустрии, о чем свидетельствуют данные взаимного обмена черными металлами (см. табл. 1).

Таблица 1

Германо-английская торговля черными металлами (тыс. марок)

Годы	Стоимость экспортированного металла	
	Вывоз германских черных металлов в Англию	Вывоз английских черных металлов в Германию
1899	4 298	35 837
1900	7 886	54 904
1901	27 783	15 760
1902	49 361	7 220

Источник: [16, с. 274].

Другим значительным рынком немецкого экспорта стал рынок Австро-Венгрии (717 млн. марок). Приблизительно в одинаковой пропорции (на 400–450 млн. марок) потребляли немецкие товары Франция, Бельгия, Голландия, Швейцария и Россия [1, с. 12]. Англия потеряла свое лидерство на европейском рынке, а Германия, напротив, его приобрела и стала уверенно материализовывать свои великодержавные мечты.

Что касается предвоенного российского промышленного экспорта, то он не превышал 70 млн. рублей и составлял не более одного процента

всего промышленного производства [1, с. 15]. Нарождающаяся отечественная промышленность была ориентирована, прежде всего, на собственный рынок. Единственное исключение – рост текстильной промышленности с 1890 г., благодаря введенной графом С.Ю. Витте тарифной системе. Объемы экспорта текстильной продукции России в Персию и Китай превышали британские.

И все-таки главным предметом российского экспорта являлась сельхозпродукция. Российская империя поставляла на мировой рынок более 100 тыс. тонн зерна (1913 г.), что со-

ставляло 226 кг на каждого европейца. Экспорт сельскохозяйственной продукции носил некоммерческий характер и преследовал цель приобретения валютных средств для индустриализации. Так, например, российский сахар в Англии стоил дешевле, чем собственно в России, а хлеба Россия, испытывающая периодически проблемы со снабжением населения, вывозила больше, чем благополучная Канада.

Благодаря обеспечению золотым стандартом, внешнеторговый оборот

России с 1890 по 1914 гг. утроился и достиг 3 млрд. рублей [15, с. 21]. Рост внешней торговли России не свидетельствовал о сколько-нибудь значительном развитии ее промышленного потенциала. Слабая российская промышленность была ориентирована, прежде всего, на внутренний рынок, который до середины XIX в. осваивали ведущие экономики мира: Англии, Германии и Франции [15, с. 31]. С начала XX в. началась агрессивная немецкая экспансия (см. табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес Англии и Германии в российском импорте

Период	Доля в общем импорте России (%)	
	Англия	Германия
1846-1848	29,2	15,7
1898-1902	18,6	4,6
1903-1907	14,8	37,2
1908-1912	13,4	41,6
01.1913-06.1914	12,8	48,9
01-06.1914	13,3	49,6

Источник: [15, с. 31].

По отдельным видам промышленной продукции немецкий импорт являлся определяющим (см. табл. 3).

Таблица 3

Доля германского ввоза в Россию по отдельным группам товаров (1914 г.)

Параметры	%
Предметы галантереи и одежда	73
Машиностроение	65
Продукты металлургии и обработка металлов	63,7
Керамические материалы и изделия	63,7
Материалы и продукты химического производства	60,6
Животные продукты и изделия	56
Лесной товар и корзинные изделия	40,6
Топливо, асфальт, смолы и продукты их обработки	35,75
Прядильные материалы и изделия из них	32

Источник: [2, с. 38].

Таким образом, продолжение индустриализации и активизация промышленного развития России напрямую зависели от противодействия проникновению Германии на российский рынок. Необходимо также учитывать тот факт, что агрессивное продвижение экономических интересов Германии стало возможным благодаря поддержке государства – вплоть до субсидирования предпринимательских проектов или их льготного кредитования [8, с. 46].

Германия целенаправленно вытесняла Россию с европейских рынков. В частности, с рынков Норвегии, Швеции, Дании. Так, если сравнивать 1901-1905 гг. с 1912 г., то можно заметить, что ввоз ржи из России в Норвегию уменьшился в 47 раз (с 188,9 до 4 тыс. тонн), а ввоз из Германии увеличился практически в 3,5 раза (33,4 до 114,3 тыс. тонн) [12, с. 368]. Такая же тенденция наблюдалась во внешнеторговом обороте сельхозпродукции Швеции и Дании (см. табл. 4).

Таблица 4

Импорт ржи в Швецию (%)

<i>Годы</i>	<i>Экспорт из России</i>	<i>Экспорт из Германии</i>
1901-1905	47,4	59,4
1906-1910	12,8	41,7
1911-1912	12,5	60,3

Источник: [12, с. 368].

Политический контекст в экономических взаимоотношениях России и Германии проявился, в том числе, в содержании торгового договора 1904 г., предусматривающего практически непреодолимые таможенные пошлины на российский хлеб, ввозимый на немецкий рынок. При подготовке в Германии нового торгового договора с Россией взамен прежнего 1894 г., срок действия которого истек, юнкерское лобби смогло провалить таможенные тарифы (25 декабря 1902 г.), значительно увеличившие пошлины на ввоз сельскохозяйственной продукции. В свою очередь, Россия в начале 1903 г. также пересмотрела таможенные тарифные ставки. Величину новых тарифов определяли надбавки на ввоз от 10% до 50%, используемые для пополнения бюджета в связи с расходами, последовавшими

после боксерского восстания в Китае. Специальный тариф (до 20%) применялся на ввоз товаров германского происхождения, доставляемых через западную сухопутную границу. «В настоящее время этот тариф, – говорилось в докладе министра финансов России, – по опубликовании во всеобщее сведение будет служить средством предупредить германское правительство о том, что фабрично-заводской промышленности Германии в случае неуступчивости при переговорах грозит такой же ущерб, какой она наметила для нашей вывозной торговли, установлением оборонительных ставок на зерновые хлеба и другие продукты» [12, с. 368]. Срок действия вновь подписанной конвенции был установлен до декабря 1917 г.

После заключения соглашения (1907 г.) Россия и Англия предприни-

мали меры по активизации торгового сотрудничества. Так, в конце 1908 г. была учреждена Русско-английская торговая палата. Одновременно в Великобритании было основано Русское отделение Лондонской торговой палаты. В 1909 г. в Русско-английскую торговую палату входило 433 члена, в том

числе 27 крупнейших торгово-промышленных предприятий и 98 средних компаний. К началу Первой мировой войны число членов палаты удвоилось [10, с. 4]. Торговый оборот с Англией в предвоенные годы рос, хотя и значительно меньшими темпами, чем российско-германский (см. табл. 5).

Таблица 5

Торговля России с Англией в 1908-1913 гг. (в млн. руб.)

Параметры	Годы					
	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Вывоз в Англию	220,5	288,9	315,5	337	327,8	267,8
Ввоз из Англии	120,3	127,9	153,8	155,1	142,4	173,0
Положительный баланс	100,2	161,0	161,7	181,9	185,4	94,8

Источник: [10, с. 4].

За счет экспортных поставок из Англии удалось решить многие проблемы модернизации российской армии. С 1896 по 1914 гг. все востребованные армией пулеметы поставлялись английской фирмой «Виккерс». Кроме того, компания наладила производство пулеметов Максима в России. Британская фирма «Джон Брауни и К°» сотрудничала с морским министерством в постройке линейных кораблей.

Вместе с тем активизирующаяся перед войной торговля с Англией значительно отставала от российско-германского торгового оборота. За тот же период, с 1908 по 1913 гг., российский экспорт в Германию вырос на 62,5%, а немецкий импорт – на 90%. При этом отрицательное сальдо российско-германской торговли быстро увеличилось, достигнув в 1913 г. 198,6 млн. рублей [10, с. 4]. Английские капиталисты не смогли победить германского конкурента на русском рынке. Следует заметить, что 3/4 внешнеторгового

оборота России обеспечивались морским транспортом, при этом 40% его принадлежало Англии [7, с. 50, 53].

Можно с уверенностью утверждать, что борьба за российский рынок наряду с другими противоречиями стала причиной не разрешимого мирными средствами конфликта будущих акторов великой войны. И, безусловно, антагонизм интересов нарождающейся российской промышленности и немецкого капитала в этом сегменте мирового экономического пространства являлся определяющим.

Объектом нарастающей борьбы ведущих экономик мира стал рынок развивающейся Османской империи. В первой половине XIX в. Турция представляла собой страну с натуральным хозяйством и активным внешнеторговым балансом. Значительную часть турецкого экспорта в Европу составляли продукты туземной промышленности: ткани, сукно, пряжа и т.д. После Крымской войны и принятия Турции

в «европейский концерт держав» ситуация качественно изменилась. На рынки Порты хлынули англо-французские капиталы и товары. К 1911 г. собственный турецкий вывоз составлял только 36% внешнеторгового оборота. Не выдержав конкуренцию с товарами из Англии и Франции, прекратили су-

ществование целые отрасли промышленности Турции. Пришли в упадок ткацкие промыслы Скутари, Тырновы и Алеппо, суконная и шелковая промышленность Ангоры и т.д. [13, с. 6–7]. Доминирующее положение на рынке Турции занимала Великобритания (см. табл. 6).

Таблица 6

Удельный вес держав мира во внешнеторговом обороте Турции

Страны	Общая торговля с Турцией в 1913/1914 гг.		Торговля Смирны в 1906 г.	
	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт
Англия	20,0%	21,4%	32,3%	54,7%
Франция	8,8%	20,1%	9,6%	6,8%
Россия	8,5%	3,8%	2,7%	1,2%
Италия	6,5%	4,3%	9,9%	2,0%
Всего	40 809 680 ф.ст.	21 436 120 ф.ст.	3 448 516 ф.ст.	5 603 188 ф.ст.

Источник: [13, с. 14].

Однако в начале XX в. на ведущее положение Англии стали посягать Германия и Австрия. Несмотря на масштабное проникновение австро-германского капитала, первенствующее место на турецком рынке прочно занимала Великобритания. Численность английских торгово-промышленных предприятий в Турции не превышала трех десятков. Однако сами предприятия носили характер трестов, контролирующих целые отрасли экономики. Среди ведущих британских компаний особое место занимали: Восточная ковровая, объединявшая всю ковровую промышленность Анатолии, Фиговый трест (1912 г.) (The Smyrna Fig Packers Ltd.) в Смирне, монополизировавший вывоз инжира из Турции; Аптечный трест (Droguerie Centrale), контролирующий значительный сегмент рынка медикаментов; фирма I.W. Whit-

tal Go, занимавшаяся поставкой в Порту зерна; общество доков (Societe Imperiale Ottomane cointreessee des Docks, Arsenaux et Constructions Navaless), обеспечивающее поставку докового оборудования и конструкций и др.

В турецкой торговле Россия принимала сравнительно малое участие. Накануне войны в турецком ввозе она занимала пятое место (3 516 620 ф. ст. в 1913/14 гг.), в вывозе – даже 8-е место (831 040 ф. ст.). Лишь накануне войны в русских правительственных и финансовых кругах возник план активной борьбы против австро-германского экономического влияния в Турции и на Балканах. Была снаряжена специальная экспедиция для обследования Ближнего Востока [9, с. 192]; проектировалось создать в Константинополе русско-турецкий банк, аналогичный учрежденному в Салониках. Однако, при отсутствии

свободных капиталов и значительных экономических интересов России в Турции, все эти планы не увенчались положительными результатами.

Приблизительно такое же место, как и Россия, занимала в хозяйственной жизни Турции Италия. Ее доля в османском долге была всего 5%. Ни одна железная дорога Анатолии не принадлежала ей. Наконец, итальянский капитал не участвовал ни в одном из крупных международных предприятий. Несмотря на исключительные удобства морской связи с портами Анатолии, итальянцы играли весьма скромную роль и в турецкой торговле. В османском ввозе они занимали (в 1913/14 гг.) лишь шестое место, в вывозе – седьмое, т.е. шли почти рядом с Россией [13, с. 16–17].

Отношения немецкого и французского капиталов приобрели острый характер в Сирии и Киликии (Аданский вилайет). Сирийское направление, являвшееся своего рода центром, связывающим Европу, Азию и Африку, имело стратегическое значение, обеспечивающее контроль над путями, соединяющими великие державы с их восточными колониями. В этой связи Франция поощряла активное проникновение на рынок Сирии. К 1914 г. 32% ввоза на сирийский рынок обеспечивалось французским капиталом (Англия – 9,7%) [13, с. 19]. Однако строительство Багдадской железной дороги ставило под сомнение приоритетное место Франции в этом стратегически важном регионе. Еще большую озабоченность вызывало проникновение Германии в Киликию. Предметом немецко-французского противоборства стало хлопководство вилайета.

Первые обратили внимание на ки-

лийское хлопководство немцы. В 1903 г. они учредили германо-левантинское хлопковое общество (Deutsche Levantinische Baumwollgesellschaft), которое в короткий срок монополизировало весь вывоз хлопка и приступило к оборудованию нескольких больших хлопкоочистительных заводов.

В то же время французская текстильная отрасль испытывала хронический хлопковый голод. Мировое производство этого сырья было сосредоточено в Соединенных Штатах (70%), британской Индии (15%) и Египте (5%). Французские текстильные предприятия ввозили из этих стран 92,6% сырья. На долю собственных колоний Франции приходилось до войны 7,4% ввоза хлопка. Киликия теоретически могла бы покрыть всю нужду Франции в этом продукте. Однако до мировой войны ей не удалось сколько-нибудь прочно экономически утвердиться в Киликии.

Нацеленность немецкой Багдадской железной дороги противоречила намерениям Великобритании монополизировать зерно и нефть региона, располагавшегося между Тигром и Евфратом. Высокое плодородие почв Месопотамии, проистекающее, как и земледельческих районов Египта, из отложений речного ила, обеспечивало ее важнейшее место в снабжении зерном всей Передней Азии, в экспорте в Аравию, Индию и другие страны. Почвенные условия Месопотамии также были исключительно благоприятны для производства хлопка.

Еще более крупным представлялось значение Месопотамии как связующего территориального звена, основную водную магистраль которого образовывало течение великих рек

Тигра и Евфрата, судоходных до Багдада. Из последнего, по течению реки Диалы, пересекающей малодоступные хребты Загроша, открывался путь на Иранское плоскогорье. С древнейших времен именно по этому пути происходили культурные, политические и торговые сношения между Ираном и Месопотамией. Благодаря этому обстоятельству открытие Суэцкого канала не только не нанесло ущерба торговле Багдада и Бассоры, но, наоборот, значительно увеличило ее, приведя в оживленную связь с европейско-американской морской торговлей. Коммерческие обороты Багдада росли с необычайной быстротой: за 13 предвоенных лет экспорт и импорт Багдада увеличился в 2,5 раза [13, с. 22].

Экономическое утверждение англичан в Месопотамии происходило по течению великих рек. В 1861 г. Линч образовал компанию пароходства по Тигру и Евфрату, и с тех пор англичане фактически монополизировали все речное судоходство. Целый ряд англо-турецких соглашений (важнейшие в 1913 г.)

расширили права компании Линча, распространив сферу деятельности ее по Шатт-эль-Арабу. Так как все коммерческое сношение по Персидскому заливу также было монополизировано англичанами, то они оказались хозяевами всей внешней торговли Месопотамии. В 1912 г. 90% всех морских судов, посетивших Персидский залив, ходило под британским флагом. Лишь стремительное проникновение Германии поколебало эту давнишнюю гегемонию Англии. Ее тоннаж в Персидском заливе начал падать, что же касается компании Линча, то она принуждена была заключить с Deutch Bank соглашение (1912 г.) об образовании совместного «Общества речного транспорта на Востоке» (Societe des transports fluviaux en Orient), акции которого были поровну поделены между ними [13, с. 25]. Несмотря на это, Англия вплоть до мировой войны сохраняла первенствующее место во внешней торговле Месопотамии, как это показывают данные торговых оборотов Багдада за 1909–1913 гг. (см. табл. 7).

Таблица 7

Торговый оборот Багдада в 1909–1913 гг.

Страны	Экспорт		Импорт	
	1909	1913	1909	1913
Великобритания	33,4%	32,6%	55,8%	45,1%
Соединенные Штаты	17,7%	18,4%	0,01%	0,3%
Франция	15,3%	19,4%	5,6%	2,8%
Германия	3,7%	6,2%	1,7%	5%
Другие страны	29,9%	23,4%	36,8%	46,2%

Источник: [13, с. 25].

Как видно из приведенных данных, Англия сохранила первое место и в экспорте, и в импорте, хотя ее участие в месопотамской торговле за 4 дово-

енных года неуклонно падало. Проводниками английских торговых и финансовых интересов являлись Восточный банк (Eastern Bank Ltd.), имею-

ший свой филиал в Багдаде, а также 6 торговых фирм в том же городе (из общего числа 8-ми иностранных фирм).

Гораздо более медленным темпом происходило экономическое внедрение России в Турецкую Армению, – область, издавна избранную ею в качестве своей доли наследства «больного человека». От центра страны – Эрзерума – до русской границы вплоть до войны отсутствовала даже хорошая шоссейная дорога. Эрзерум не был соединен телеграфом с Карсом. Отделение Оттоманского банка в Эрзеруме не принимало переводов в Россию, и, наконец, почтовая контора не принимала на Россию ни денежной, ни заказной корреспонденции, так же, как и посылки.

При таких условиях наладить сколько-нибудь значительные торговые связи с Арменией почти не представлялось возможным. Все же накануне войны торговля России с турецкой Арменией показала некоторый прогресс. В 1911 г. в Ванский вилайет было ввезено товаров на 1,144 тыс. руб., из которых на долю России приходилось около 30%. Во все вилайеты турецкой Армении в 1911 г. было ввезено из России всего 695 пудов товаров против 639 пудов 1910 г., причем ценность ввоза, хотя и незначительно, но понизилась. Главными продуктами русского импорта были: сахар, спирт, железо и керосин; экспорта: скот, хлопок, невыделанные кожи [13, с. 27].

Как бы то ни было, вопрос о развитии торговых связей с Арменией был поставлен русскими промышленниками. Крупный купец Д.И. Давидов в своей записке съезду представителей промышленности и торговли писал: «Россия, находясь в столь близком со-

седстве с Турцией, сильно отстала в сбыте своих товаров по сравнению с европейцами, которые, несмотря на несколько тысяч верст, отделяющих их от Эрзерумского вилайета, торгуют ежегодно, только в пределах названного вилайета, не менее, чем на 20 млн. рублей. Турецкая Армения легко могла бы стать русским рынком, если бы такие учреждения, как совет съездов и министерство торговли обратили на нее должное внимание» [13, с. 27].

В конкуренцию мировых держав за рынки была вовлечена экономика Ирана. Каджарской династии, утвердившейся на шахском престоле, не удалось улучшить материальное положение населения. Для укрепления собственной власти шахский режим пошел на расширение доступа в Персию иностранного торгового капитала. Преференциями власти воспользовались, прежде всего, англичане. В 40–70-х гг. XIX столетия с большинством европейских держав были заключены соглашения, открывающие внутренний иранский рынок иностранным товарам. В июне 1873 г. был подписан германо-иранский договор «О дружбе, торговле и навигации», являвшийся вплоть до Первой мировой войны политико-правовой основой отношений двух стран. Помимо режима наибольшего благоприятствования, договор предусматривал деятельность на территории Ирана трех немецких консульств: в Тегеране, Тебризе и Бендер-Бушире, и гарантий безопасности, в случае народных волнений, немецким коммерсантам.

Умело используя англо-русские противоречия в Средней Азии, Германия стремилась получить от обеих соперничавших сторон уступок в про-

движении собственных интересов. В Иране, как и в других регионах мира, господствующее положение Англии на рынках было сломлено напором немецкого капитала. Вплоть до начала XX в. Великобритания рассчитывала скоординировать свои усилия по контролю иранского рынка с Германией, противопоставив объединенные усилия укреплению позиций России.

Используя установку шаха, утверждавшего, что «русские более опасны, чем англичане потому, что они менее ненавидимы мусульманами», английскому барону Рейтеру удалось получить концессию, дающую право контролировать практически всю экономическую деятельность на территории страны [8, с. 13]. Русское правительство опротестовало перед шахом концессию Рейтера как дающую односторонние преимущества Великобритании.

Будучи канцлером, О. Бисмарк препятствовал попыткам противопоставить немецкие интересы российским. Однако со сменой кабинета министров торговая политика в Иране стала носить значительно более агрессивный характер. Доля Ирана в 1897–1902 гг. в торговле Германии со Средним Востоком составляла в экспорте 4/5 и в вывозе 3/4 [8, с. 23].

С целью оградить национальные интересы от английского и германского торгового капитала Россия закрыла транзит иностранных товаров через Батуми (ранее открытый для активизации экономической жизни Закавказья), заставив двигаться немецкие и английские товары по длинному пути: Трапезунд – Эрзерум – Тебриз.

В 1883 г. германский вывоз сократился почти на 60% по сравнению с

1882 г. За 15 лет (1882-1896) германский экспорт лишь четыре раза (в 1884, 1888, 1889, 1895 гг.) превышал уровень 1882 г., последнего перед закрытием батумского транзита. Импорт в 1883-1884 гг. упал практически до нуля. До 1889 г. он оставался в 3 раза меньшим, чем в 1882 г., но, начиная с 1889 г., сделал скачок вверх и в 90-е гг., при значительных колебаниях в отдельные годы, сохранился на уровне 200%, а в 1895 г. достиг рекордного уровня – 337,9%.

Немецкий импорт в Иран несколько превышал экспорт. В целом торговля с Германией являлась убыточной для Ирана, и только российский вывоз превышал ввоз, чем обеспечивал приток в страну валютных ресурсов [8, с. 23].

Закрытие батумского транзита вызвало в Германии волну недовольства «неправильной торговой политикой, которую приводят руководящие деятели России» [8, с. 23]. Немецкий вывоз из Ирана не был разнообразным и включал сушеные фрукты, мех, шерсть, кожи, естественные красители, дерево, гуммиарабик. В то же время ввоз, напротив, отличался дробностью и разнообразием. Немецкие коммерсанты постепенно нащупывали реперные точки освоения иранского рынка. Особое место в ряду немецкого экспорта в Иран составляли изделия быстро растущей текстильной и шелковой промышленности. Текстильные фирмы Эльберсфельда и Бармена заняли внушительное место на рынке Ирана.

В этом сегменте торговых отношений интересы Германии сталкивались с коммерческой инициативой французского Лиона и российских текстильщиков Москвы и Иваново. В 1896 г. русский консул докладывал в

Санкт-Петербург о том, что в Европе распространены, в первую очередь, немецкие сукна, затем идут английские и австрийские. Что же касается русского сукна, то оно качественнее немецкого и австрийского, но дороже [8, с. 25].

Австрийский экспорт в Иран сахара наносил ущерб традиционным поставкам этого продукта Францией из Марселя и Россией из Одессы. Конкуренты не гнушались использовать «черный пиар». Так, когда в 1885-1886 гг. в Трапезунде появился сахар с одесского завода Бродского, австро-германские агенты распространили слух, будто блеск русского сахара – это следствие подмешивания в его состав толченого стекла. В 1890 г. в Иране открылся русский Учетно-ссудный банк, а годом раньше барон Рейтер учредил Шахиншахский банк. С принятием в Германии решения о строительстве Багдадской железной дороги ее товарный натиск на рынки Ирана резко возрос. За пять предшествующих концессии лет общий товарооборот Германии с Ираном резко возрос (увеличился на 83%). Германский экспорт за это время утроился, а импорт вырос всего на 28%. Однако к концу XIX в. Германии и Австрии не удалось добиться лидирующих позиций в торговле Ирана (15%), в которой 45% приходилось на Россию, 20% на Англию [8, с. 39–41]. Вместе с тем поставка продукции химической, текстильной и шелковой промышленности, машин, галантереи, парфюмерии и швейных изделий через Трапезунд наращивалась с каждым годом.

Проникновение Германии на иранские рынки приобрело другое качество с появлением нового субъекта торговых отношений: торгового дома Роберта Венкхауза из Бремена. О воз-

росшем внимании немецкого государства к иранским рынкам, в связи со строительством Багдадской железной дороги, говорит тот факт, что становление компании Венкхауза произошло форсированно благодаря государственной финансовой поддержке. Начав с торговли раковинами, окрепнув, торговый дом Венкхауза стал инициатором и агентом компании «Гамбург-Америка-Линии», связавшей Германию с портами Персидского залива.

С начала XX в. по последний предвоенный год (1913) немецкий экспорт в Иран вырос в 4 раза и достиг стоимостного выражения в 4 млн. 607 тыс. марок, а импорт – в 7 раз и оценивался в 7 млн. 683 тыс. марок [8, с. 169]. Обойдя свою союзницу Австро-Венгрию, Германия вышла на третью позицию (после России и Англии) в товарообороте Ирана. В 1913/14 гг. на Россию приходилось 55% от всего иранского импорта, 66% экспорта; удельный вес Англии, соответственно, составлял 28% и 11% [8, с. 173].

В 1903 г. Иран вступил во Всемирный почтовый союз. С тех пор товарная экспансия Германии в Иран через почтовое сообщение стала предметом озабоченности Российского правительства. С 1904 по 1914 гг. посылка почтовых грузов (транзитом через Россию) увеличилась на 52% [8, с. 176]. В сентябре 1913 г. царское правительство заявило о прекращении с 1 января 1914 г. почтового транзита через два пункта – Джульфа и Ашхабад.

Первой мировой войне предшествовала острая конкурентная борьба на балканских рынках. Объем торговли Германии с Болгарией за десять предвоенных лет возрос в 19 раз, с Турцией

– в 17 раз, на Германию приходилось в 1912–1914 гг. 60% экспорта и 40% импорта Румынии. В Сербии Германия стремилась вытеснить с рынков свою союзницу Австро-Венгрию [11, с. 15]. К 1913 г. Германия и Австро-Венгрия обеспечивали около 2/3 болгарского ввоза и более трех пятых болгарского вывоза. Первый крупный иностранный банк был основан в Болгарии немецкими финансистами [3, с. 17].

Конкуренцию германскому торговому капиталу на Балканах, пользуясь доминированием в финансовой сфере, составляли коммерсанты Франции. В частности, французский бизнес стремился монополизировать продажу оружия в Сербию. С 1908 по 1911 гг. французская компания «Шнейдер-Крезю» поставила в Сербию оружия и боеприпасов на сумму 45 млн. франков.

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов о политике Франции на Балканах докладывал императору Николаю II в 1912 г.: «Во Франции осложнения на Балканах вызывают двоякого рода опасения, которыми и определяется отношение нашей союзницы к настоящим событиям. Во-первых, ей внушает беспокойство мысль, что балканские события могут так или иначе вызвать вмешательство наиболее заинтересованных держав, т.е. России и Австрии, а это, в свою очередь, может втянуть в войну Францию. Во-вторых, поместив в разные предприятия на Балканском полуострове значительные капиталы, французы не могут смотреть на разгорающуюся там смуту, от которой они терпят материальные убытки» [5, с. 25–26].

В начале XX в. рынки Балкан усиленно осваивались Великобританией. Накануне Первой мировой войны Ан-

глия, занимая первое место, обеспечивала 35,3% ввоза товаров на Балканы.

Россия значительно уступала в конкуренции за балканские рынки. В начале XX столетия она по экспорту своих товаров в Болгарию занимала лишь 7-8 место, а в Сербию и Румынию – 5-6 место. Российский экспорт в балканские страны в основном состоял из сельскохозяйственных товаров, импорт с Балкан также состоял из сельхозпродукции, в которой, собственно, российский рынок мало нуждался. Например, Сербия экспортировала в Россию чернослив, Болгария – табак. Импорт в Россию из балканских стран не превышал 1–3% общего ввоза.

В начале XX в. в российский экспорт на Балканы, в ограниченных размерах, были включены продукты нефтепереработки, резиновые изделия, текстиль. Однако эти товары встречали серьезную конкуренцию со стороны ввозимых из западных стран, а российские нефтепродукты конкурировали с румынскими [11, с. 47].

Одним из факторов неконкурентоспособности российского экспорта являлась дороговизна транспортных расходов на доставку товара, обеспечиваемую давно устаревшими и нерентабельными дунайскими пароходствами «Князя Юрия Гагарина и К°» и Общества российско-дунайского пароходства. Транспортировка этими пароходствами обходилась дороже на 1–2 франка за каждую тонну, чем перевозка товара австрийскими, венгерскими и румынскими пароходами. В 1902 г. было установлено прямое железнодорожное сообщение России с Сербией. Однако провоз товара через территорию других стран облагался значительными пошлинами.

В самый канун войны российское правительство предпринимало отчаянные попытки активизировать торговые сношения с балканскими странами. В мае 1911 г. в Одессе по инициативе правительства Общество российско-дунайского пароходства организовало совещание болгарской и российской палат по улучшению торговых отношений. В этом же году в Петербурге было проведено особое совещание для обсуждения вопроса о мерах по развитию торговли с Балканскими странами. Было принято решение: «1) понизить железнодорожные тарифы и пароходные фрахты на ряд товаров; 2) улучшить условия морских перевозок; 3) установить прямое железнодорожное сообщение с Турцией; 4) упростить таможенные формальности и расширить таможенные льготы; 5) направить на Балканы и в Малую Азию экспедицию для обследования местных рынков и установления с ними связей. В состав экспедиции были включены представители нефтяной, горной, мукомольной, сахарной и лесной промышленности, а также представители двух крупнейших банков: Русского для внешней торговли банка и Азиатско-Донского банка» [11, с. 52].

Весной 1912 г. было создано Юго-западное отделение Российской экспортной палаты для расширения торговых связей России с Балкан. «На Восток, – заявил в своей речи председатель палаты М.В. Довнар-Запольский, – мы можем прийти не только со своими бумажными тканями, мы можем привезти не только суконные изделия и т.п., но туда пойдут наши машины, особенно сельскохозяйственные... туда пойдет нефть, железо, уголь. Мы должны развивать, культивировать Восток, не

допуская на нем иностранных конкурентов» [11, с. 50].

Многие фабриканты проявляли инициативу по проникновению на балканский рынок. Так, фирма нефтяных магнатов братьев Нобель оборудовала в болгарских городах Систово, Варна и Бургас резервуары нефти, в Сербии четыре московских монополии, в том числе торгово-промышленный дом Саввы Морозова, создали свои постоянные представительства. Вслед за ними на Балканы потянулись компания «Треугольник», начавшая сбывать свою резиновую продукцию, акционерное общество банкиров братьев Маврокордато.

Большие усилия для сохранения присутствия на рынках балканских стран были предприняты Австро-Венгрией. В 1904 г. по инициативе министерства торговли Австрии было учреждено Общество поощрения торговли с Востоком. Широкие масштабы на Балканах приобрело австрийское и венгерское коммивояжерство «странствующих приказчиков», которые предоставляли местным торговым компаниям и частным торговцам кредит и консультации при оформлении коммерческих операций [11, с. 52]. Благодаря австро-германской победе в экономическом соревновании с другими странами к весне 1913 г. в болгарской политике возобладала тенденция, ведущая ее к объединению со странами Тройственного союза [6, с. 77].

Инициатива немецких коммерсантов не обошла и Американский континент. Несмотря на политику США, форматированную в соответствии с доктриной Монро, перед Первой мировой войной торговый капитал Германии активно проникал в страны

Латинской Америки, прежде всего, в Аргентину и Бразилию [14, с. 10].

Доминирование на мировых рынках дает основание Германии усилить веру в свои силы и, реализуя полити-

ческие амбиции, сосредоточиться на воплощении идеи о мировом господстве. При этом борьба за мировые рынки стала первым шагом по дороге, приведшей к Первой мировой войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байов А.К. Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры. Таллин-Ревель: [Б/и], 1927. 122 с.
2. Вопросы внешней торговой политики России в русской современной печати. Пг.: [Б/и]. 1916. 58 с.
3. Галкин И.С. Балканские страны в 1870-1914 годах: Стенограмма лекций. М.: тип. Высш. парт. школы, 1950. 39 с.
4. Гилберт М. Первая мировая война. М.: КоЛибри, 2016. 768 с.
5. Доклады б. министра ин. дел С.Д. Сазонова Николаю Романову. 1910–1912 гг. // Красный архив. 1923. № 3 (3). С. 5–28.
6. Звавич А.И. Обострение противоречий между империалистическими державами накануне Первой мировой войны. М.: Учпедгиз, 1962. 144 с.
7. Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914 гг.). М.: Соцэкгиз, 1962. 242 с.
8. Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М.: Главная редакция восточной литературы издательства “Наука”, 1979. 224 с.
9. Лисенко В.К. Ближний Восток как рынок сбыта русских товаров. Отчет о деятельности организованной в 1912 г. Министерством торговли и промышленности экспедиции для изучения рынков Ближнего Востока. СПб.: [Б/и], 1913. 250 с.
10. Обзор внешней торговли России по Европейским и Азиатским границам за 1914 г. Пг.: [Б/и], 1915. 125 с.
11. Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1985. 286 с.
12. Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М.: Наука, 1947. 403 с.
13. Раздел Азиатской Турции. По секретным документам Министерства иностранных дел / Под ред. Е.А. Адамова. М.: Литиздат НКВД, 1924. 390 с.
14. Строганов А.И. Новейшая история стран Латинской Америки: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1995. 415 с.
15. Уткин А.И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. 592 с.
16. Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны / Под ред. и с вступит. ст. доктора исторических наук А.С. Ерусалимского. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 696 с.

REFERENCES

1. Baiov A.K. Istoki velikoi mirovoi dramy i ee rezhissery [The Origins of the Great World Drama and its Directors]. Tallinn-Reval, [B/i], 1927. 122 p.
2. Voprosy vneshnei torgovoi politiki Rossii v russkoi sovremennoi pechati [The Issues of Foreign Trade Policy of Russia in Contemporary Russian Press]. PG., [B/i], 1916. 58 p.
3. Galkin I.S. Balkanskie strany v 1870-1914 godakh: Stenogramma lektcii. [The Balkan Countries in the Years of 1870-1914: Transcript of Lectures.]. M., tip. VPSH, 1950. 39 p.

4. Gilbert M. Pervaya mirovaya voyna [World War I]. M., KoLibri, 2016. 768 p.
5. Doklady b. ministra in. del S.D. Sazonova Nikolayu Romanovu. 1910–1912 gg. [Reports of Former Minister of Foreign Affairs, S. D. Sazonov, to Nicholas Romanov. 1910–1912] // Krasnyi arkhiv. 1923. no. 3 (3). pp. 5–28.
6. Zvavich A.I. Obostrenie protivorechii mezhdru imperialisticheskimi derzhavami nakanune Pervoi mirovoi voiny [The Aggravation of Contradictions between the Imperialist Powers on the Eve of World War I]. M., Uchpedgiz, 1962. 144 p.
7. Ignat'ev A.V. Russko-angliiskie otnosheniya nakanune Pervoi mirovoi voiny (1908-1914 gg.) [Russian-English Relations on the Eve of World War I (1908-1914)]. M., Sotsekgiz, 1962. 242 p.
8. Istyagin L.G. Germanskoe proniknovenie v Iran i russko-germanskii protivorechiya nakanune Pervoi mirovoi voiny [The German Penetration into Iran and the Russian-German Conflict on the Eve of World War I]. M., Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva "Nauka", 1979. 224 p.
9. Lisenko V.K. Blizhnii Vostok kak rynek sbyta russkikh tovarov. Otchet o deyatel'nosti organizovannoi v 1912 g. Ministerstvom torgovli i promyshlennosti ekspeditsii dlya izucheniya rynkov Blizhnego Vostoka [The Middle East as a Market for Russian Goods. Report on the Activities of the Expedition Organized in 1912 by the Ministry of Commerce and Industry to Explore the Middle East Markets]. SPb., [B/i], 1913. 250 p.
10. Obzor vneshnei torgovli Rossii po Evropeiskim i Aziatskim granitsam za 1914 g [Overview of Foreign Trade of Russia on European and Asian Borders in 1914]. PG., [B/i], 1915. 125 p.
11. Pisarev Yu.A. Velikie derzhavy i Balkany nakanune Pervoi mirovoi voiny [The Great Powers and the Balkans on the Eve of World War I]. M., Nauka, 1985. 286 p.
12. Pokrovskii S.A. Vneshnyaya torgovlya i vneshnyaya torgovaya politika Rossii [Foreign Trade and Foreign Trade Policy of Russia]. M., Nauka, 1947. 403 p.
13. Razdel Aziatskoi Turtsii. Po sekretnym dokumentam Ministerstva inostrannykh del / Pod red. E.A. Adamova [The Partition of Asiatic Turkey. Secret Documents of the Ministry of Foreign Affairs / edited by E. A. Adamov]. M., Litizdat NKID, 1924. 390 p.
14. Stroganov A.I. Noveishaya istoriya stran Latinskoj Ameriki: ucheb. posobie. [The Recent History of Latin America.]. M., Vysshaya shkola, 1995. 415 p.
15. Utkin A.I. Pervaya mirovaya voyna [World War I]. M., Algoritm, 2001. 592 p.
16. Khal'garten G. Imperializm do 1914 goda. Sotsiologicheskoe issledovanie germanskoi vneshnei politiki do Pervoi mirovoi voiny / Pod red. i s vstupit. st. doktora istoricheskikh nauk A.S. Erusalimskogo [Imperialism before 1914. A Sociological Study of German Foreign Policy on the Eve of World War I/ ed. and with income. article of Doctor of Historical Sciences A. S. Erusalimsky]. M., Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1961. 696 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: korrka@mail.ru

Абрамова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: yulia-abramova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yegorov Vladimir – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Politology and Law, Moscow Region State University;
e-mail: korrka@mail.ru

Abramova Yulia – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Politology and Law, Moscow Region State University;
e-mail: yulia-abramova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Егоров В.Г., Абрамова Ю.А. Борьба ведущих экономик мира за рынки сбыта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 1. С. 6–21.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-6-21

CORRECT REFERENCE

V. Yegorov, Yu. Abramova. Struggle of the leading world economies for market outlets // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 1, pp. 6–21.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-6-21

УДК 94(100)»1914/19»

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-22-32

ПОДГОТОВКА НАСЕЛЕНИЯ К ДЕЙСТВИЯМ В СЛУЧАЕ ВОЗДУШНОГО НАПАДЕНИЯ И ХИМИЧЕСКОЙ АТАКИ В СТРАНАХ АНТАНТЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Багдасарян А.О.

*Национальный центр управления в кризисных ситуациях МЧС России
121357, г. Москва, ул. Ватутина 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье исследуются вопросы подготовки населения по их защите в случае воздушного нападения и химической атаки в России, Франции и Англии в годы Первой мировой войны. На основе анализа документального материала раскрываются обстоятельства и причины, побудившие руководство этих стран приступить к противохимической и противовоздушной подготовке населения. Автор рассматривает основные направления деятельности органов государственной власти и различных организаций в данной области в контексте истории гражданской обороны.

Ключевые слова: Первая мировая война, бомбардировки, удушливые газы, защита населения, подготовка населения, гражданская оборона.

THE PREPARATION OF THE POPULATION FOR ACTIONS IN CASE OF AIR ATTACK AND CHEMICAL ATTACK IN THE ENTENTE DURING WORLD WAR I

A. Bagdasaryan

*Russian Agency for Disaster and Emergency Management, EMERCOM of Russia
1, Vatutin str., Moscow, 121357, the Russian Federation*

Abstract. The article researches the aspects of the preparation of the population for their protection in case of air attack and chemical attacks in Russia, France and England during the World War I. Based on the analyses of the documents it reveals the circumstances and reasons, which prompted the authorities of these countries to begin the chemical and anti-aircraft preparation of the population. The author considers the basic directions of public authorities' and various organizations' activity in this field in the context of the history of civil defense.

Key words: World War I, bombardments, suffocating gases, protection of population, preparation of the population, civil defense.

Гражданская оборона как система мероприятий, проводимых в целях защиты населения и объектов народного хозяйства от нападения противника с воздуха и правопреемница местной противовоздушной обороны, впервые стала осуществляться в годы Первой мировой войны [12, с. 229]. Основными способами защиты населения от воздушного нападения в то время стали оповещение, светомаскировка, укрытие в подвалах, нижних этажах зданий, метрополитене и

других подземных помещениях и т.п.

Все названные меры учитывали особенность гражданской обороны, а именно то, что защита населения осуществляется через специфическую самоорганизацию граждан в местах их компактного проживания или их работы с помощью вооруженных сил на территориях, находящихся в пределах досягаемости авиации [15, с. 3]. В силу этого успешное проведение защитных мероприятий было связано с решением одной из основных задач – обучением и подготовкой населения в области гражданской обороны [13, с. 383].

Стоит отметить, что несмотря на то, что интерес к событиям Первой мировой войны значительно возрос, довольно широко представлена сегодня её историография в различных исследованиях отечественных и зарубежных историков, многие грани этой войны до сих пор остаются не освещенными [30, с. 88]. К ним можно отнести и вопросы защиты населения от бомбардировок и газовых атак в годы войны 1914–1918 гг. Все существующие на сегодняшний день публикации в данной области носят фрагментарный и поверхностный характер. Особенно наблюдается пробел в освещении подготовки населения к действиям в случае воздушного нападения и химической атаки.

Известно, что Первая мировая война явилась первой в истории человечества «тотальной войной», особенностью которой стало широкое применение новейших военно-технических средств и оружия массового поражения [20, с. 5]. Впервые была разработана и стала широко использоваться концепция стратегических бомбардировок тыловых объектов противника.

Так, для воздушных налетов на Англию в сентябре 1914 г. в Германии началось формирование специального авиаотряда под названием «Остендское отделение голубиной почты» [6, с. 18]. В то же время в авиадепартаменте Франции предложили идею стратегических бомбардировок промышленных центров Германии [2, с. 263], а в ноябре 1914 г. было сформировано первое отделение бомбардировщиков [29, с. 155]. В России также в декабре 1914 г. была сформирована эскадра воздушных кораблей «Илья Муромец» для проведения бомбардировочных операций в тылу противника [31, с. 311]. В 1918 г. для аналогичных целей в Англии были созданы Независимые Военно-Воздушные силы (Independent Air Force) [37, р. 209]. Таким образом, все воюющие страны приняли на вооружение применение бомбардировок тыла противника, хотя при этом осознавали неизбежность гибели большого числа мирных жителей при проведении воздушных налетов на густонаселенные центры [14, с. 106]. Появление в 1915 г. химического оружия только в разы увеличило и усилило риск гибели среди гражданского населения.

Германия стала первой страной, начавшей целенаправленно вести боевые действия не только против воюющей армии противника, но и его мирного населения [25]. С первых месяцев войны германские дирижабли нанесли бомбовые удары по городам Бельгии, Франции и России [33, с. 34]. В конце августа лейтенант Фердинанд фон Хиддесен на своем самолете Rumpler 3С впервые сбросил несколько небольших бомб на Париж [44, р. 27]. Это была первая бомбардировка столицы

страны – участницы Антанты. После этого события налёты на Париж стали постоянными [32, с. 419].

В таких условиях французские военные власти вынуждены были приступить к разработке способов защиты мирных горожан от воздушного нападения и доведения их до населения. Основным способом информирования населения стали газеты и расклеенные объявления. С помощью афиш также доводились основные способы передачи сигнала тревоги и порядок действий в случае его получения: «уйти с улиц, из верхних этажей перейти в нижние, не оставаться на балконах» [8]. Жителям столицы рекомендовалось покинуть улицы, прятаться в подвалах и тушить свет в квартирах [10].

Вопросы ознакомления населения с правилами поведения в случае воздушных атак были в компетенции органов полиции и пожарных и осуществлялись под руководством военного губернатора Парижа [23]. Аналогичными способами осуществлялась подготовка населения и в других прифронтовых французских городах, подвергавшихся систематическим бомбардировкам. Например, жителям Реймса предписывались такие правила поведения: «не прикасаться к неразорвавшимся снарядам и немедленно сообщать о них в мэрию или в полицию» [43, р. 37].

Об эффективности доведения таким способом информации до населения говорят действия самих горожан при последующих налетах германских воздушных судов. Так, в 1918 г. во время трехчасовой бомбардировки Парижа было убито всего 9, а ранено 39 человек. Как сообщалось тогда в газетах, такое малое число пострадавших объ-

яснялось правильными действиями самого населения [21].

Однако, несмотря на эффективность такого способа работы с населением по правилам поведения в случае воздушного нападения, французские власти также осуществляли проведение специальных занятий на фабриках, заводах, в государственных учреждениях, школах и других заведениях с массовым нахождением людей и являющихся потенциальными объектами бомбардировок. Например, в том же Реймсе учителя проводили занятия со своими школьниками по нахождению в укрытии в случае атак с воздуха [43, р. 100].

Однако все принимаемые меры по выполнению задачи, направленной на защиту населения, решались не на государственном, а на местном уровне, в основном по инициативе муниципальных властей. В России также вопросы подготовки населения были сосредоточены в руках местных властей: военного руководства гарнизонов, армий, округов и гражданской администрации городов, уездов и губерний. Забота о сохранении жизни и здоровья населения, предупреждение его о последствиях смертоносных авианалётов осуществлялись посредством оповещения о возможной угрозе в газетах, афишах и объявлениях.

Одним из первых городов Российской империи, где стали применяться населением правила при воздушном нападении, стала Варшава, которая подверглась масштабным бомбардировкам осенью 1914 г. [22, с. 57–58]. В марте 1915 г. начальник гарнизона Варшавы генерал-лейтенант А.Ф. Турбин, используя листовки и объявления в газете, довел до горожан порядок оповещения населения. Он заключал-

ся в подаче трёх холостых выстрелов из зенитных орудий и требовании по действиям при налетах авиации. Рекомендовалось покидать улицы, дворы и другие открытые площади и укрываться в помещениях [4].

Аналогичные мероприятия стали проводиться и в других прифронтовых городах. Так, в Либаве было расклеено объявление начальника охраны Балтийского побережья генерал-майора Бобровского с инструкцией поведения в случае появления немецких дирижаблей и аэропланов. В ней говорилось, что жителям города и его окрестностей на все время обстрела неприятельских воздухоплавательных аппаратов не стоит выходить из домов, а необходимо укрыться в зданиях [19].

Также от населения неукоснительно требовалось соблюдать порядок, сигналы и реагировать на способы оповещения. В Гродно и Бресте комендантами крепостей в газетах сообщалось, что оповещение горожан об опасности планировалось осуществлять набатом. В случае получения тревожных сигналов жителям рекомендовалось укрываться в домах [1, с. 85; 34, с. 133].

Зная, что немецкие летчики зачастую сбрасывали бомбы в людных местах, органы власти также рекомендовали людям не собираться толпами. С таким правилом, например, руководство воздушной обороны Одесского военного округа специальным обращением ознакомило жителей Одессы в 1916 г. [18, с. 43,83]. В Севастополе с 1914 г. аналогичные рекомендации были доведены до горожан градоначальником контр-адмиралом С.И. Бурлеем [11].

Особую заинтересованность в вопросах защиты населения от воздуш-

ных бомбардировок, включая и его подготовку, проявляло руководство крупных заводов, работающих на оборону и являющихся потенциальными целями вражеских бомбардировок. В городе Николаеве на совещании с начальником гарнизона, в котором участвовали директора, заведующие и начальники всех гражданских и военных учреждений, задействованные в охране города под руководством градоначальника Н.П. Леонтовича, было принято решение об информировании населения путем распространения специальных воззваний. Последние должны были публиковаться в газетах и распространяться в качестве листовок¹.

Все проводимые мероприятия позволяли довести до широких слоев населения основные правила поведения в случае воздушного нападения противника. Во время ночного налета германского дирижабля на один из российских городов многие жители, находящиеся на улице, прятались в арках ворот, как и рекомендовалось в объявлениях [17]. А во время массированного налета немецкого авиаотряда 7(20) апреля 1915 г. на Белосток большинство горожан находило убежище в подвалах [38].

Стоит отметить, что во время Первой мировой войны опыт по подготовке населения к действиям при воздушном нападении приобрели и органы власти зарождающейся Советской республики в ходе отражения германской агрессии в феврале-марте 1918 г. Данный опыт отличался от того, который уже имелся в Российской им-

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1846. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

перии. Так, в целях защиты Петрограда впервые был создан чрезвычайный коллегиальный орган – Комитет революционной обороны Петрограда, объединивший в своем составе представителей партийных деятелей большевиков и левых эсеров, а также военных специалистов бывшей русской императорской армии [16]. Комитет представлял собой высший чрезвычайный оперативный орган военного руководства обороной Петрограда во время наступления германских войск [28, с. 315].

3 марта 1918 г. Комитет опубликовал Воззвание к населению Петрограда и окрестностей, в котором были изложены правила поведения граждан при налётах авиации противника. Жителям предлагалось без крайней необходимости не выходить на улицу. Жильцам верхних этажей и мансард рекомендовалось спускаться в подвальные помещения и нижние этажи под своды, не подходить к окнам. Застигнутым на улице – укрываться в ближайших домах, куда их должны были пускать беспрепятственно.

Отличительной стороной деятельности Комитета революционной обороны стало возложение задачи защиты населения на образовавшиеся после Февральской революции общественные организации местного самоуправления – домовые комитеты. Они должны были заблаговременно подготовить из среды жильцов кадры для тушения пожара домашними средствами до прибытия пожарных [27]. Таким образом, впервые в России отдельные категории населения не только привлекались в качестве обучаемых, но и как лица, ответственные за подготовку жильцов обслуживаемых домов. Та-

кой опыт будет широко использован в СССР при построении системы местной противовоздушной обороны.

Англия также вынуждена была приступить к подготовке населения к действиям в случае воздушного нападения. С 1915 г. германский воздушный флот осуществлял интенсивные бомбардировки крупных административных и промышленных центров Великобритании. Всего за Первую мировую войну на Англию было совершено 51 нападение дирижаблей и 62 нападения самолетов [7, с. 102, 108].

И так же, как в России и во Франции, местные органы власти приступили к реализации мероприятий по защите населения. К примеру, в Западном Уэссексе была распространена памятка населению, в которой описывалась система светового оповещения и правила поведения жителей в случае воздушного нападения [36, р. 44]. В таких плакатах рекомендовалось жителям в случае налета укрываться в домах и укрытиях, проводить мероприятия светомаскировки, не прикасаться к неразорвавшимся бомбам и сообщать о них полицейским или военным органам, не собираться толпами на улицах и т.п. [42]. Для большей наглядности в них приводились изображения германских и британских летательных аппаратов [35, р. 183].

Также в школах велись занятия с учениками, на которых дети обучались действиям в случае воздушного нападения [40]. Особое место в подготовке населения занимала деятельность различных добровольческих организаций, типа скаутских движений или же женских скаутских организаций (Girl Guides). Так, на их базе проводились занятия по оказанию медицинской по-

мощи людям, пострадавшим от бомбардировок. Такие занятия проходили непосредственно под руководством полицмейстеров [39].

Однако с 1915 г. угроза мирному населению стала исходить не только с воздуха. 22 апреля 1915 г. в районе бельгийского города Ипр германская армия впервые массированно применила хлор против французских и английских войск. От действий химического оружия страдали не только военнослужащие, но также и мирное население, оказавшееся в районе его применения. В августе 1915 г. во время газовой атаки крепости Осовец действие отравляющего вещества обнаружилось далеко за позициями русских войск. В 5 километрах от крепости в селе Крышковка наблюдалась гибель домашнего скота, в деревнях, находящихся на расстоянии 16 километров от крепости, были зафиксированы случаи отравления и смерти детей [24, с. 17]. В Реймсе в октябре 1915 г. ядовитое облако дошло до города и вызвало отравление среди горожан [41, р. 63].

Угроза химического отравления населения в России и во Франции, на территории которых широко применялись удушливые газы, способствовала ускоренному решению вопросов химической защиты, поиску мер по защите мирного населения. Впервые они стали проводиться в России. Уже в июне 1915 г., примерно через две недели после первой газовой атаки под Болимовым, Варшавский центральный обывательский комитет приступил к разработке способов защиты от химического оружия и доведению их до жителей Царства Польского [26]. Одновременно с ним отдел охраны общественного здоровья при централь-

ном гражданском комитете обратился к населению Царства Польского с воззванием, в котором рекомендовалось каждому жителю запастись респираторами. Кроме того, в воззвании были сформулированы основные правила поведения в случае химической атаки: переход из подвальных помещений и первых этажей, где мог скопиться газ, использование защитных масок, а в случае их отсутствия применение ткани, смоченной водой и др. [5].

Некоторые общественные организации и местные органы власти в прифронтовых районах подхватили инициативу варшавских властей и также приступили к обучению населения действиям в случае химической атаки. В июне 1915 г. председатель городской санитарной комиссии Белостока доктор В.Л. Остроменцкий обратился в городскую управу с предложением о заготовке необходимого количества предохранительных масок и распространении их среди населения. Его предложение было положительно воспринято, и городская управа Белостока обратилась по телеграфу в Варшавский центральный обывательский комитет с просьбой выслать им образцы предохранительных масок и рецепт пропитывающей предохранительной жидкости [3].

Наряду с этим особое внимание уделялось профилактической работе среди населения. Проводились семинары, публиковались специальные брошюры, распространялись объявления, в которых прописывались правила поведения населения в случае химической атаки. 20 июля (2 августа) 1915 г. городская санитарная комиссия г. Белостока расклеила в городе объявление с рекомендациями по защите от удушливых

газов. В нём в частности говорилось, чтобы «при появлении удушливых газов укрываться на возвышенных местах: верхних этажах домов, крышах и т.п.; но отнюдь не в подвалах». Кроме расклейки объявлений, комиссия распространила специальные брошюры на фабриках, заводах и т.п. [9].

Аналогичным способом доводились основные способы защиты от удушливых газов и в Петрограде в марте 1918 г. Они были опубликованы Комитетом революционной обороны в Воззвании к населению Петрограда и его окрестностей. Жителям Петрограда рекомендовалось развешивать в помещениях простыни, смоченные противогазовой жидкостью или водой. В случае проникновения удушливых газов предлагалось становиться на высокие предметы. При отсутствии противогазовых масок горожанам советовали плотно завернуть голову и лицо в полотенце, рубаху, платье и т.п., смочив их противогазовым раствором или водой. Воду и пищу, пришедшие в соприкосновение с удушливыми газами, обязывали выливать и уничтожать, как ядовитые¹.

Следует отметить, что именно в России мероприятия противохимической защиты были объединены с мероприятиями противовоздушной защиты, которые в последующем стали осуществляться в рамках противо-

воздушной химической обороны. Во Франции также шло распространение листовок, объявлений и афиш с указанием способов защиты и характеристиками ядовитых газов. Однако, в отличие от России, французские власти не ограничились только доведением этих мероприятий [41, р. 62]. В школах проводились специальные тренировки по одеванию средств индивидуальной защиты [43, р. 63].

Таким образом, к концу Первой мировой войны в России, Англии и Франции были выработаны основные мероприятия зарождавшейся системы гражданской обороны. Одним из условий успешной защиты населения от воздушного нападения и химического оружия стала качественная подготовка населения к действиям в случае бомбардировок или применения отравляющих веществ. В основном выполнение данной задачи находилось в ведении местных властей, полицейских под руководством военного командования. Также широко стали привлекаться и различные добровольческие или общественные организации, сотрудничавшие с властями в данной области.

Опыт, приобретенный в годы войны 1914–1918 гг., в дальнейшем широко использовался и совершенствовался в рамках развития системы гражданской обороны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914-1918): сборник документов / сост.: В.В. Врублевский. Минск: Беларусь, 2014. 356 с.
2. Белаш Е. Ю. Мифы Первой мировой. М.: Вече, 2012. 416 с.
3. Белосток // Виленские новости (№ 162). 1915. 14 июня. С. 3.
4. Варшавский дневник (№ 50). 1915. 19 фев. (3 мар.). С. 1.
5. В Варшаве // Виленские новости (№158). 1915. 10 июня. С. 1.

¹ Центральный государственный архив г. СПб. Ф. Р-2421. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

6. Вейгелин К. Е. Авиация в мировой войне: очерки и эпизоды воздушной войны. Л.: Академическое издательство, 1924. 194 с.
7. Вейгелин К.Е. Воздушный флот в мировой войне: очерки и эпизоды воздушной войны 1914-18 гг. Л.: Военная типография, 1924. 164 с.
8. Виленский курьер – наша копейка (№ 2035). 1915. 11 марта. С. 2.
9. Виленский курьер – наша копейка (№ 2164). 1915. 20 июля. С. 3.
10. Волошин М.А. Цеппелины над Парижем // Биржевые ведомости: политическая, общественная и литературная газета. 1915 (№ 15418). 3(16) марта. С. 4.
11. В Севастополе // Вестник Либавы (№ 241). 1914. 28 окт. С. 2.
12. Гражданская защита: энцикл. словарь / Под общ. ред. С.К. Шойгу. М.: ДЭКС-ПРЕСС, 2005. 568 с.
13. Гражданская защита: энциклопедия в 4-х томах. Т. I. (А-И) / изд. третья, переработ. и доп.; под общей ред. В.А. Пучкова. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. 666 с.
14. Дирижабли на войне / Сост. В. А. Обухович, С. П. Кульбака. М.: АСТ, 2000. 496 с.
15. Жердев Е. Какая разница? Большая разница (размышления над историческими аспектами термина) // Основы безопасности жизнедеятельности. 2010. №10. С. 3–15.
16. Известия (№ 35). 1918. 27 (14) февр.
17. Качанов В. Цеппелины // Псковская жизнь (№ 1152). 1916. 5 апр. С. 1–2.
18. Лашков А.Ю. Зарождение, становление и боевая деятельность объектов противозвоздушной обороны России накануне и в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 234 с.
19. Либавская мысль: политическая и литературная газета (№ 63). 1915. 18 (31) марта. С. 2.
20. Магадеев И.Э. Первая мировая как тотальная война // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 3–16.
21. Налеты на Париж // Русский солдат-гражданин во Франции (Le soldat-citoyen russe en France): Центр. орган Отрядного ком. рус. войск во Франции (№ 152). 1918. 28 февр. С. 4.
22. Нелипович С.Г. Варшавское сражение. Октябрь 1914 г. М.: Цейхгауз, 2006. 64 с.
23. Нива: иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. 1915. № 13. 16 с.
24. Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии. Т. 1: с 29 апреля 1915 г. по 1 января 1916 г. Пг.: Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками, 1916. 503 с.
25. Первая мировая война 1914–1918 годов: в 6-ти томах. Т.3. Военные действия на сухопутных театрах войны (1916–1918 годы). М.: Кучково поле, 2015. 864 с.
26. Предохранение населения от отравления удушливыми газами // Виленский вестник (№ 3654). 1915. 8 июня. С. 2.
27. Рабочая и крестьянская Красная армия и флот (№ 28 (73)). 1918. 3 марта. С. 1.
28. Революция и гражданская война в России: 1917-1923 гг. Энциклопедия в 4 т. Т. 2. М.: Терра, 2008. 560 с.
29. Рохмистров В. Г. Авиация великой войны. М.: АСТ: ВЗОИ, 2004. 730 с.
30. Сенин А.С. Генерал С.А. Рожин и его очерк о российских железных дорогах в Первую Мировую войну // Новый исторический вестник. 2013. № 38. С. 83–125.
31. Сергиенко А. М. Эскадра воздушных кораблей «Илья Муромец». История создания и боевого применения в документах и воспоминаниях: в 3 т. Т. 1. Богатыри русского неба. Белгород: ИП Остащенко А.А., 2014. 407 с.

32. Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. СПб.: Terra Fantastica, 1999. 640 с.
33. фон Гёпнер Э. Война Германии в воздухе. Минск: Харвест, 2005. 240 с.
34. Черепица В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. Гродно: ГрГУ, 2006. 356 с.
35. Beckett I. Home Front 1914–1918: How Britain Survived the Great War. Richmond: The National Archives UK, 2006. 224 p.
36. Dale M. Coastal Defence and Zeppelin Raids, 1914 – 1918. West Sussex county council, 2014. 77 p.
37. Dooly W.G., Jr. Great weapons of World War I. New York: Bonanza books, 1969. 340 p.
38. Lechowski A. 1915 rok w Białymstoku. Bomby zaczęły spadać na ulice [Электронный ресурс] // Poranny [сайт]. URL: <http://www.poranny.pl/album-bialostocki/art/4979214,1915-rok-w-bialymstoku-bomby-zaczely-spadac-na-ulice,id,t.html> (дата обращения 12.02.2017).
39. London County Council female ambulance drivers rendering first aid to a casualty, 1918. [Электронный ресурс] // Imperial War Museums [сайт]. URL: <http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/205296866> (дата обращения: 05.02.2017).
40. Ollerhead P. Crewe in the Great War (Your Towns and Cities in the Great War). South Yorkshire: Pen and Sword Military, 2014. 160 p.
41. Pellus D. Reims et son histoire illustree (1900–1939). Paris: Editions Horvath, 1984. 270 p.
42. Police Air Raid Notice. [Электронный ресурс] // Imperial War Museums [сайт]. URL: <http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/205316445> (дата обращения: 05.02.2017).
43. Thibault M. Reims dans la grande guerre. Saint Avertin: Editions Sutton, 2014. 176 p.
44. Whitehouse A. The years of the sky kings. New York: Doubleday & Company, Inc., 1959. 336 p.

REFERENCES

1. Belarus' v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918): sbornik dokumentov / sost.: V.V. Vrublevskii [Belarus during World War I (1914–1918): a collection of documents / comp.: V. V. Vrublevsky]. Minsk, Belarus', 2014. 356 p.
2. Belash E. YU. Mify Pervoi mirovoi [The Myths of World War I]. M., Veche, 2012. 416 p.
3. Belostok (Bialystok) // Vilenskie novosti (№162), 1915, 14 Jun, pp. 3.
4. Varshavskii dnevnik (№50), 1915, Feb 19. (March 3), pp. 1.
5. V Varshave (In Warsaw) // Vilenskie novosti, 1915, 10 Jun, pp. 1.
6. Veigelin K. E. Aviatsiya v mirovoi voine: ocherki i epizody vozdushnoi voiny [Aviation in the World War: Essays and Episodes of the Air War]. L., Akademicheskoe izdatel'stvo, 1924. 194 p.
7. Veigelin K.E. Vozdushnyi flot v mirovoi voine. Ocherki i epizody vozdushnoi voiny 1914–18 gg [Air Fleet in World War II. Sketches and Episodes of the 1914-18 Air War]. L., Voennaya tipografiya, 1924. 164 p.
8. Vilenskii kur'er – nasha kopeika (№2035), 1915, 11 Mar, pp. 2.
9. Vilenskii kur'er – nasha kopeika (№2164), 1915, 20 Jul, pp. 3.
10. Voloshin M.A. Tseppeliny nad Parizhem (Zeppelins over Paris) // Birzhevye vedomosti: politicheskaya, obshchestvennaya i literaturnaya gazeta, 1915, 3 (16) March, pp. 4.
11. V Sevastopole [In Sevastopol] // Vestnik Libavy (№241), 1914, 28 Oct, pp. 2.
12. Grazhdanskaya zashchita: entsikl. slovar' [Population Protection: Encyclopedic Dictionary]. M., DEKS-PRESS, 2005. 568 p.
13. Grazhdanskaya zashchita: entsiklopediya v 4-kh tomakh. T. I. (A-I) / izd. tret'e, pererabot. i dop. [Civil protection: an encyclopedia in 4 volumes. T. I. (A-I) / ed. the third reprocessing. and EXT.]. M., FGBU VNII GOCHS (FTS), 2015. 666 p.

14. Dirizhabli na voine / Sost. V. A. Obukhovich, S. P. Kul'baka [Airships in the war / Comp. V.A. Obukhovich, S. P. The Kullback]. M., АСТ, 2000. 496 p.
15. Zherdev E. Kakaya raznitsa? Bol'shaya raznitsa (razmyshleniya nad istoricheskimi aspektami termina) [What is the Difference? It's Great Difference (Speculations on the Historical Aspects of the Term)] // Osnovy bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti. 2010. no. 10. pp. 3–15.
16. Izvestiya (№35), 1918, 27 (14) Feb.
17. Kachanov V. Tseppeliny (Zeppelins) // Pskovskaya zhizn' (№1152), 1916, 5 Apr, pp. 1–2.
18. Lashkov A.YU. Zarozhdenie, stanovlenie i boevaya deyatelnost' ob"ektovoi protivovozdushnoi oborony Rossii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voyny: diss. ... kand. ist. nauk [The Origin, Development and Combat Activity of the Object of Antiaircraft Defence of Russia before and during World War I]. Thesis...PhD in History]. M., 2005. 234 p.
19. Libavskaya mysl': politicheskaya i literaturnaya gazeta (№63), 1915, 18 (31) March, pp. 2.
20. Magadeev I.E. Pervaya mirovaya kak total'naya voina [World War I as a Total War] // Novaya i noveishaya istoriya. [New and Newest History] 2014. no. 4. pp. 3–16.
21. Nalety na Parizh (Raids on Paris) // Russkii soldat-grazhdanin vo Frantsii (Le soldat-citoyen russe en France): T'Sentr. organ Otryadnogo kom. rus. voisk vo Frantsii (№152), 1918, Feb 28, pp. 4.
22. Nelipovich S.G. Varshavskoe srazhenie. Oktyabr' 1914 g [The Battle of Warsaw. October 1914]. M., Tseikhgauz, 2006. 64 p.
23. Niva. Illyustrirovannyi zhurnal literatury, politiki i sovremennoi zhizni. [Niva. Illustrated Magazine of Literature, Politics and Modern Life.]. 1915. no. 13. 16 p.
24. Obzor deistvii Chrezvychainoi sledstvennoi komissii. T. 1: s 29 aprelya 1915 g. po 1 yanvarya 1916 g [Review of Action of the Extraordinary Investigation Commission. Vol. 1: from 29 April 1915 to 1 Jan 1916]. PG., Chrezvychainaya sledstvennaya komissiya dlya rassledovaniya narushenii zakonov i obycheev voiny avstro-vengerskimi i germanskimi voiskami, 1916. 503 p.
25. Pervaya mirovaya voina 1914-1918 godov: v 6-ti tomakh. T.3. Voennye deistviya na sukhoputnykh teatrakh voiny (1916-1918 gody) [World War I of 1914–1918: in 6 Volumes. Vol. 3. Military Operations in the Land Theaters of War (1916–1918)]. M., Kuchkovo pole, 2015. 864 p.
26. Predokhranenie naseleniya ot otravleniya udushlivymi gazami [Protection of the Population from Poisoning with Asphyxiating Gases] // Vilenskiy vestnik (№3654), 1915, 8 Jun, pp. 2.
27. Rabochaya i krest'yanskaya krasnaya armiya i flot (№28(73), 1918, 3 Mar, pp. 1.
28. Revolyutsiya i grazhdanskaya voina v Rossii: 1917–1923 gg. Entsiklopediya v 4 t. T. 2 [Revolution and Civil War in Russia: 1917–1923. Encyclopedia in 4 Volumes. Vol. 2]. M., Terra, 2008. 560 p.
29. Rokhmistrov V. G. Aviatsiya velikoi voiny [Aircraft of the Great War]. M.: AST, VZOI, 2004. 730 p.
30. Senin A.S. General S.A.Rozhin i ego ocherk o rossiiskikh zheleznykh dorogakh v Pervuyu Mirovuyu voynu [General S. A. Rozhin and his Essay on the Russian Railways in World War I] // Novyi istoricheskii vestnik [New Historical Journal]. 2013. no. 38. pp. 83–125.
31. Sergienko A. M. Eskadra vozdukhnykh korabli «Ilya Muromets». Istoriya sozdaniya i boevogo primeneniya v dokumentakh i vospominaniyakh: v 3 tomakh. Tom 1. Bogatyri russkogo neba [The Squadron of Airship "Ilya Muromets". The History of Creation and Fighting Application in the Documents and Memoirs: in 3 Volumes. Volume 1. Heroes of the Russian Sky]. Belgorod, IP Ostashchenko A.A, 2014. 407 p.
32. Takman B. Pervyi blitzkrieg. Avgust 1914 [The First Blitzkrieg. August 1914]. SPb., Terra Fantastica, 1999. 640 p.

33. Fon Gepner E. Voina Germanii v vozdukh [Gepner E. Germany Air War]. Minsk, Kharvest, 2005. 240 p.
34. Cherepitsa V.N. Gorod-krepost' Grodno v gody Pervoi mirovoi voyny: meropriyatiya grazhdanskikh i voennykh vlastei po obespecheniyu oboronosposobnosti i zhiznedeyatel'nosti [The Fortress Town of Grodno in the First World War: Events of the Civil and Military Authorities to Ensure the Defense and Life]. Grodno, GrGU, 2006. 356 p.
35. Beckett I. Home Front 1914–1918: How Britain Survived the Great War. Richmond: The National Archives UK, 2006. 224 p.
36. Dale M. Coastal Defence and Zeppelin Raids, 1914. West Sussex County Council, 2014. 77 p.
37. Dooly W.G. Jr. Great Weapons of World War I. New York: Bonanza books, 1969. 340 p.
38. Lechowski A. Rok w Białymstoku. Bomby zaczęły spadać na ulice [Elektronnyi resurs] [Poranny [the website]. URL: <http://www.poranny.pl/album-bialostocki/art/4979214,1915-rok-w-bialymstoku-bomby-zaczely-spadac-na-ulice,id,t.html> (request date 12.02.2017).
39. London County Council Female Ambulance Drivers Rendering First Aid to a Casualty, 1918. [Elektronnyi resurs] [Imperial War Museums [website]. URL: <http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/205296866> (request date 05.02.2017).
40. Ollerhead P. Crewe in the Great War (Your Towns and Cities in the Great War). South Yorkshire: Pen and Sword Military, 2014. 160 p.
41. Pellus D. Reims et son histoire illustree (1900–1939). Paris: Editions Horvath, 1984. 270 p.
42. Police Air Raid Notice. [Elektronnyi resurs] [Imperial War Museums [website]]. URL: <http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/205316445> (request date 05.02.2017).
43. Thibault M. Reims dans la grande guerre. Saint Avertin: Editions Sutton, 2014. 176 p.
44. Whitehouse A. The Years of the Sky Kings. New York: Doubleday & Company, Inc., 1959. 336 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Артем Олегович – кандидат исторических наук, начальник отдела ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» МЧС России;
e-mail: minikorobka2000@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bagdasaryan Artyom – PhD in History, Head of the Department of Russian Agency for Disaster and Emergency Management, EMERCOM of Russia;
e-mail: minikorobka2000@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Багдасарян А.О. Подготовка населения к действиям в случае воздушного нападения и химической атаки в странах антанты в годы Первой мировой войны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 1. С. 22–32.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-22-32

CORRECT REFERENCE

A. Bagdasaryan. The preparation of the population for actions in case of air attack and chemical attack in the entente during World War I // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 1, pp. 22–32.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-22-32

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 94.(32).04.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-33-40

ГДЕ СЛЕДУЕТ ЛОКАЛИЗОВАТЬ СУХОПУТНУЮ БИТВУ РАМСЕСА III С «НАРОДАМИ МОРЯ»?¹

Сафронов А.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Основываясь на надписях Рамсеса III из Мединет Абу, автор локализует место сухопутной битвы между египтянами и «народами моря» где-то на границе зоны египетского влияния в Ливане. По его мнению, на это может указывать отсутствие палестинских топонимов в надписях Рамсеса III в связи с нападением «народов моря» и указание на Амурру как на крайний пункт, куда дошли северяне. Автор полагает, что целью азиатской кампании Рамсеса III была защита Библа и прочих вассальных от Египта городов финикийского побережья. Так называемая «морская» битва между египтянами и «народами моря» должна помещаться отдельно от сухопутной битвы, видимо, где-то в восточной Дельте.

Ключевые слова: Амурру, XX династия, Египет, Мединет Абу, «народы моря», Рамсес III.

WHERE SHOULD THE LAND BATTLE OF RAMSES III WITH THE SEA PEOPLES BE LOCATED?

A. Safronov

*Moscow Region State University
105005, Moscow, Radio str., 10A, Russian Federation*

© Сафронов А.В., 2017.

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-31-01307 «Великие державы и мигрирующие народы: этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье и на Переднем Востоке во второй половине 2 тыс. до н.э.».

Abstract. Based on inscriptions of Ramses III from Medinet Habu, the author locates the place of land battle between the Egyptian forces and the Sea Peoples somewhere on the border of Egyptian influence in Lebanon. In his opinion, this can be proved by the fact of non-mentioning Palestinian toponyms in inscriptions of Ramses III in connection with the Sea Peoples and evidence that Amurru was the last point which was reached by the Northerners. In author's opinion, the goal of Asiatic campaign of Ramses III against the Sea Peoples was defense of Byblos and other Egyptian vassal city-states on Phoenician shore. The sea battle between the Egyptians and the Sea peoples should be placed separately from the land battle. It seems to be somewhere in the eastern Delta.

Key words: Amurru, Egypt, XX dynasty, Medinet Habu, Ramses III, Sea peoples.

На северной стене заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу (далее Мединет Абу – прим. авт. – А.С.) имеется изображение сухопутной битвы между египтянами и « народами моря » [10, Pl. 32–34]. К сожалению, ни надписи Мединет Абу 5-го и 8-го годов правления Рамсеса III (1198–1166 гг. до н.э.) о войне с северянами, ни подписи к данному рельефу не содержат четкого указания на место, где состоялась битва. Тем не менее традиционно считается, что « народы моря », разорив на своем пути к Египту города и государства Анатолии, Сирии и Палестины, добрались либо до северного Синая, либо до восточной Дельты, где и произошла битва [6, p. 171–173; 13, p. 13; 16, p. 162–174].

По сути, доказательств этому не так уж и много. На той же северной стене Мединет Абу имеется рельеф, на котором изображено празднование Рамсесом III победы над « народами моря ». В верхнем регистре представлен сам фараон, принимающий поздравления от царевичей и вельмож, которые подводят к Рамсесу III связанных пленников. В нижней части рельефа изображены египетские воины, которые приводят к писцам пленных представителей « народов моря », а также, в соответствии с египетским обычаем, сбрасывают в

кучу отрубленные у убитых врагов кисти рук. Помимо этого на рельефе изображено египетское укрепление под названием « Мигдол « Рамсес – Повелитель Гелиополя » (*mgdr n Wsr-m³c.t-R^c Hk3 Jwnw*) [10, Pl. 42]. Египетское слово *mgdr* « мигдол » было заимствовано в древнеегипетский из семитских языков, где оно имело значение « башня, крепость » [12, p. 817]. Примечательно, что в эпоху Нового царства, согласно текстуальным свидетельствам, распространение крепостей, которые держали в названии лексему *mgdr*, не выходило за пределы северного Синая [6, p. 171; 12, p. 817–818].

Именно на этот факт и ссылались сторонники локализации сухопутной битвы в восточной Дельте или в районе северного Синая [6, p. 171–173, 13, p. 13]. По их мнению, она должна была произойти неподалеку от крепости « Мигдол « Рамсес – повелитель Гелиополя ». Поскольку распространение подобных крепостей, как уже говорилось, не зафиксировано далее к северу от Синая, то и локализовать сухопутную битву с « народами моря » данные исследователи пытались либо в восточной Дельте, либо в районе северного Синая [3, S. 35; 13, p. 13; 14, p. 120; 6, p. 171].

Однако, к сожалению, связать напрямую изображение сухопутной бит-

вы со сценой празднования победы Рамсесом III невозможно. На плане расположения рельефов Мединет Абу видно, что сцена сухопутной битвы отделена от сцены триумфа Рамсеса III еще двумя изображениями – охоты фараона на львов и морской битвы с «народом моря» [10, Fig. 2, Pl. 35, 37; 7, р. 2]. Нет никаких гарантий, что все эти рельефы следует рассматривать как последовательный рассказ о связанных между собой реальных исторических событиях, а не видеть, например, в сцене охоты Рамсеса III на львов символическое изображение победы фараона над силами хаоса [4, р. 130–131].

Осознавая данный факт, сторонники локализации сухопутной битвы в Дельте выдвигали предположение, согласно которому сухопутные силы «народов моря» действовали скоординировано с их флотом. Соответственно, битва на суше должна была произойти неподалеку от «морского» сражения [3, S. 35; 13, р. 13; 14, р. 120]. Последнее же, видимо, произошло в одном из рукавов Нила, поскольку в подписях к изображающему его рельефу в Мединет Абу говорится: *ḥkꜣkꜣ=sn wꜣ.w.t r-h3.wt* «достигли они (т.е. «народы моря») каналов (досл. путей – прим. авт. – А.С.) устьев (Нила)» [10, Pl. 37]¹. Однако следует отметить, что никаких объективных аргументов, которые подтверждали бы тезис о географической близости сухопутной и «морской» битв, по сути, нет, и они вполне могли произойти в

¹ Некоторые исследователи, ссылаясь на то, что во II тыс. до н.э. устья Нила не имели прямого выхода к реке, но образовывали лагуны, полагают, что «морское» сражение с «народом моря» произошло в такой древней лагуне в районе северного Синая. Там же они помещали и сухопутное сражение [6, р. 172–173].

разных и отдаленных друг от друга местах [7, р. 2, 5]².

Тем не менее, если непредвзято посмотреть на данные надписей Рамсеса III, станет ясно, что сухопутная битва должна быть локализована вне Египта и северного Синая. Исследователи уже неоднократно ссылались на надпись 8-го года Мединет Абу, в которой утверждалось, что перед лицом надвигающейся угрозы со стороны «народов моря» Рамсес III был вынужден укрепить свою границу в Джахи [7, р. 2]³. В эпоху Нового царства топонимом Джахи писцы обозначали обобщенно территории Сирии, Палестины и Финикии [5, S. 268–269]. Следовательно, сухопутную битву следовало бы помещать не в Дельте или у непосредственных границ Египта на Синае, а где-то гораздо севернее. Однако критики этого аргумента указывали, что сообщение об укреплении границы в Джахи не доказывает локализацию битвы

² Как уже говорилось, на рельефе триумфа Рамсеса III изображены египтяне, которые сбрасывают в кучи отрубленные у «народов моря» кисти рук [10, Pl. 42]. Если со сценой триумфа также связывать и сухопутную битву, то ее действительно следовало бы помещать неподалеку от крепости «Мигдол Рамсес – владыка Гелиополя», которая тоже изображена на рельефе. Поскольку, как уже говорилось, это укрепление не могло быть расположено севернее Синая, то и сухопутную битву Рамсеса III с «народом моря» было бы невозможно локализовать вдалеке от этого региона. Едва ли возможно представить, что египтяне стали бы транспортировать отрубленные вражеские руки от места битвы, происходи она не поблизости от упомянутой крепости. Однако сцена триумфа связана как раз-таки с «морской» битвой, и данное противоречие легко объяснимо, если исходить из того, что «морское» и сухопутное сражения происходили в разных местах.

³ *šhn.n=j Bš=j hr dhj* (19) «Я укрепил границу свою в Джахи» [10, Pl. 46].

в сиро-палестинском регионе [16, р. 174]. Тем не менее они абсолютно не учитывали тот факт, что в подписи к рельефу, изображающему выступление египетского войска против «народов моря», прямо говорится: *wḏ Ḥm=f r Dḥj mj kj n Mnṯw r pṯpt ḥ3s.t nb.t th t3š=f* «Отправился (походом) Его Величество (т.е. Рамсес III – прим. авт. – А.С.) подобно воплощению Монту в Джахи, чтобы растоптать все чужеземья, преступившие границу его» [10, Pl. 31]. Следовательно, это – прямое указание, что сухопутная битва между египтянами и «народами моря» происходила не непосредственно в Дельте или в районе северного Синая, но где-то в сиро-палестинском регионе. Однако можно ли указать более точный район, опираясь на египетские надписи? Как представляется, да.

В надписи 5-го года правления Рамсеса III, высеченной на южной стене второго двора Мединет Абу, имеется следующий отрывок: :⁽¹³⁾ p(3) <t3> n Jmr m ssf⁽¹⁴⁾ n pr. t=f ḥ3k(.w) rmt=f nb ḥnr(.w) ḏr(.w) sp nb m t3=f jw<=w> m j3wwt⁽¹⁵⁾ r gmḥ p3 R^c 3 n Km. t ḥr=sn 3n. t Jtn ḥr=sn p3 R3 pr(.w)⁽¹⁶⁾ wbn ḥr t3 p3 Šw n Km. t p3 nt. j m ḥr. t ḏd=w k3 R^c t3=n 3k(.w) tw=n⁽¹⁷⁾ m t3 n 3nh kk. w ḥsf(.w)⁽¹³⁾ <Страна> Амурру (превратилась) в пепел,⁽¹⁴⁾ нет семени его, пленены все люди его, рассеяны и покорены все в земле его. Пришли <они> как просители,⁽¹⁵⁾ чтобы увидеть великого Ра Египта над ними, красоту Атона над ними, Ра, выходящего (и)⁽¹⁶⁾ и поднимающегося над землей, (и) Шу Египта, того, который в выси. Говорили они: «Пребудь высоко, Ра, страна наша уничтожена. Мы (же)⁽¹⁷⁾ в стране жизни, где тьма изгнана» [10, Pl. 27].

В данном фрагменте речь идет о небольшом государстве Амурру на севере Ливана, которое, судя по тексту, было опустошено неким врагом, причем явно не египтянами. Однако почему тогда писцы Рамсеса III среди большого количества сирийских княжеств посчитали необходимым сделать акцент именно на Амурру? Не являлось ли Амурру неким важным в повествовании пунктом?

Ситуация проясняется, если обратиться к надписи 8-го года правления Рамсеса III, где говорится следующее: ⁽¹⁶⁾ ḥ3s.w.t jrj=w šdt.t m n3j=sn jw.w tfy ḥnr m sky t3.w m sp w^c bw 3h^c.n t3 nb r-ḥ3.t 3.wj=sn š3^c-m Ḥt3 Kḏj Kṛkmš Jṛṯw⁽¹⁷⁾ Jrs3 fdk(.w) m [sp w^c (?)] jḥj m bw w^c m-ḥnw Jmr fḥ=w rmt=f t3=f mj n.tj nn ḥpr s.t jw.w jw p3 rkh grg r-ḥ3.t=sn m-ḥr=w r t3 mrj t3j=w jwnmk.t m Prst.w Tkr.w Škrš.w Dn<n>.w Wšš.w ḥ3s.w.t t3.w dmd w3ḥ=w ḏr.t=w ḥr t3.w r šn n t3 jb=sn ḥn(.w) mḥ(.w) šhr.w=n ḥpr(.w) «⁽¹⁶⁾ Чужеземья (т.е. «народы моря» – А.С.) заключили союз на своих островах. Пришли в движение и рассеялись в пыль битвы страны в один миг. Не устояла ни одна страна перед руками их (т.е. «народов моря» – А.С.), начиная с Хатти, Коде, Каркемиша. Арцава и⁽¹⁷⁾ Аласия (Кипр) опустошены в [один миг(?). Разбит(?)] (был ими) лагерь в месте одном посреди Амурру. Уничтожены люди его, (а) земля его (стала) как то, что не существует. Они шли, и пламя было впереди их по направлению к Земле Возлюбленной (Египту – А.С.). Их конфедерация (состояла)⁽¹⁸⁾ из пелесет, текер, шакалуша, дану(на), вашаша. Нагорья и равнинные земли объединенные, наложили они длань свою на земли до круга земли. Сердца их (были) тверды и уверенны: «Наши

замыслы сбудутся!» [10, Pl. 46].

Во-первых, из приведенного текста становится ясно, что неназванным врагом, разгромившим Амурру согласно надписи 5-го года Рамсеса III, были «народы моря», и именно от них подданные Амурру бежали на подконтрольную Египту территорию. Во-вторых, мы видим, что после Амурру палестинские топонимы, которые по идее должны были бы упоминаться в связи с дальнейшим продвижением «народов моря» к Египту, полностью отсутствуют. Объяснить это случайностью едва ли возможно, учитывая, сколь скрупулезно египетские писцы отразили в надписи регионы, разгромленные до этого «народами моря».

Данные археологии также свидетельствуют в пользу предположения, что «народы моря» просто не дошли при Рамсесе III до Палестины. Например, такой важный центр как Мегиддо, который занимал стратегически значимую позицию на приморском пути (Via Maris) из Египта в Сирию и должен был бы подвергнуться нападению «народов моря», оставался под египетским контролем с правления Рамсеса III до правления Рамсеса VI включительно и был разрушен (слой VII A) лишь во второй половине 12 в. до н.э. [15, p. 204–207].

Поэтому говоря о локализации сухопутной битвы, скорее следует полагать, что египтяне должны были встретить «народы моря» где-то в Ливане несколько южнее Амурру, что уже предполагали некоторые исследователи [9, p. 6-7]. Тогда можно выдвинуть гипотезу, что целью похода Рамсеса III была защита стратегически важного вассального от Египта города Библа, который на севере граничил с

Амурру¹. Во всяком случае, мы знаем, что этот город продолжал оставаться под влиянием Египта при Рамсесе III, о чем свидетельствует его найденная там статуя [7, p. 2].

Если эти рассуждения верны, то становится возможным объяснить непонятное упоминание в текстах Мединет Абу о взятии некоего города в Амурру Рамсесом III [11, Pl. 94]. Обычно считается, что это анахронизм, позаимствованный из эпохи Рамсеса II [8, p. 152–153], когда египтяне постоянно нападали на Амурру в ходе хетто-египетского противоборства. Однако в свете вышеприведенных данных заманчиво выдвинуть предположение, что поход Рамсеса III против Амурру является исторической реальностью, и его следует рассматривать как часть превентивных действий египтян по предотвращению угрозы со стороны «народов моря» вассальным от Египта городам финикийского побережья и, прежде всего, Библу².

¹ Подобное предположение очень хорошо соотносится с выдвинутой ранее Д.Б. Прусаковым гипотезой о том, что, начиная с Тутмоса III, завоевательные походы фараонов XVIII–XIX династий были вызваны, прежде всего, необходимостью защитить Библ и другие вассальные от Египта финикийские города, которые обеспечивали поставку кипрской меди и древесины в Египет. Угрозу их безопасности египтяне видели, в том числе, и со стороны Амурру, где, например, Мернептах построил египетскую крепость [1, с. 14–16].

² В этой связи следует вспомнить, что в Сирии к северу от Амурру в 12 в. до н.э. «народами моря», и прежде всего филистимлянами, было создано государство Паластин, которое просуществовало до 10 в. до н.э. [2, с. 41–43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Прусаков Д.Б. Меднорудный фактор внешней политики фараонов Нового Царства (рабочая гипотеза) // Петербургские египтологические чтения–2004: тезисы докладов. СПб: Государственный Эрмитаж. 2004. С. 12–16.
2. Сафронов А.В. Новые данные о миграциях «народов моря» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 5. С. 39–45.
3. Bietak M. Zur Landnahme Palästinas durch die Seevölker und zum Ende der ägyptischen Provinz Kana'an // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Abteilung Kairo. 1991. Bd. 47. S. 35–50.
4. Cline E., O'Connor D. The Mystery of the «Sea Peoples» // *Mysterious lands* / O'Connor, D., Quirke S. (eds.). London: UCL Press, 2003. p. 107–138.
5. Helck W. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1971. 611 S.
6. Hoffmeier J.K., Moschier S.O. New paleo-environmental evidence from North Sinai to complement Manfred Bietak's map of the eastern Delta and some historical implications // *Timelines: Studies in Honor of Manfred Bietak* / Czerny E., Hein I., Hunger H., Melman D., Schwab A. (eds.). Leuven: Peeters, 2006. p. 167–176.
7. Kahn D. The Campaign of Rameses III against Philistia // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2011. Vol. 3/4. p. 1–11.
8. Lesko L.H. Egypt in the 12th Century B.C // *The Crisis years: The 12th Century B.C. from Beyond the Danube to the Tigris* / Ward W.A., Joukowsky M.Sh. (eds.). Dubuque: Kendall/Hunt, 1992. p. 151–156.
9. Lipinski E. Sea Peoples and Canaan in transition c. 1200-950 B.C. // *Orientalia Lovaniensia Periodica*. 1999. Vol. 30. p. 1–35.
10. [Medinet Habu, Volume I] Earlier Historical Records of Ramses III. Chicago: The University of Chicago Press. 1930. xviii + 10 p, 2 figures, 54 plates.
11. [Medinet Habu, Volume II] Later Historical Records of Ramses III. Chicago: The University of Chicago Press. 1932. x p., 6 figures, 76 plates.
12. Morris E.F. *The Architecture of Imperialism. Military Bases and the Evolution of foreign Policy in Egypt's New Kingdom*. Leiden; Boston: Brill, 2005. 891 p.
13. Redford D.B. *Egypt and Western Asia in the Late New Kingdom: An Overview* // *Sea Peoples and their world: the Reassessment* / Oren E. (ed.). Philadelphia: The University Museum, 2000. p. 1–20.
14. Sandars N.K. *The Sea Peoples: Warriors of the Ancient Mediterranean*. London: Thames and Hudson, 1978. 224 p.
15. Ussishkin D. The Date of the Philistine Settlement in the Coastal Plain: the View from Megiddo and Lachish // *Israel in Transition: From the Late Bronze II to Iron IIa (c. 1250-850 B.C.E.)*. Volume 1: Archaeology / Grabbe L.L. (ed.). New York; London: T&T Clark, 2008. p. 203–216.
16. Weinstein J.M. Egypt and the Levant in the Reign of Ramses III // *Ramesses III. The Life and Times of Egypt's Last Hero* / Cline E.H., O'Connor D. (eds.). Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2012. p. 160–180.

REFERENCES

1. Prusakov D.B. Mednorudnyi faktor vneshnei politiki faraonov Novogo Tsarstva (rabochaya gipoteza) [Copper Ore Factor in Foreign Policy of the Pharaohs of the New Kingdom (Working Hypothesis)] *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya–2004: tezisy dokladov*

- [St. Petersburg Egyptological Readings –2004: Abstracts]. SPb., Gosudarstvennyi Ermitazh, 2004. pp. 12–16.
2. Safronov A.V. Novye dannye o migratsiyakh «narodov morya» [New Data on the Migrations of the "Sea Peoples"] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2012. no. 5. pp. 39–45.
 3. Bietak M. Zur Landnahme Palästinas durch die Seevölker und zum Ende der ägyptischen Provinz Kana'an // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Abteilung Kairo. 1991. Bd. 47. S. 35–50.
 4. Cline E., O'Connor D. The Mystery of the «Sea Peoples» // *Mysterious Lands* / O'Connor, D., Quirke S. (eds.). London: UCL Press, 2003. p. 107–138.
 5. Helck W. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1971. 611 S.
 6. Hoffmeier J.K., Moschier S.O. New Paleo-Environmental Evidence from North Sinai to Complement Manfred Bietak's Map of the Eastern Delta and Some Historical Implications // *Timelines: Studies in Honor of Manfred Bietak* / Czerny E., Hein I., Hunger H., Melman D., Schwab A. (eds.). Leuven: Peeters, 2006. p. 167–176.
 7. Kahn D. The Campaign of Ramses III against Philistia // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2011. Vol. 3/4. p. 1–11.
 8. Lesko L.H. Egypt in the 12th Century B.C // *The Crisis Years: The 12th Century B.C. from Beyond the Danube to the Tigris* / Ward W.A., Joukowsky M.Sh. (eds.). Dubuque: Kendall/Hunt, 1992. p. 151–156.
 9. Lipinski E. Sea Peoples and Canaan in Transition c. 1200–950 B.C. // *Orientalia Lovaniensia Periodica*. 1999. Vol. 30. p. 1–35.
 10. [Medinet Habu, Volume I] Earlier Historical Records of Ramses III. Chicago: The University of Chicago Press. 1930. xviii + 10 p, 2 figures, 54 plates.
 11. [Medinet Habu, Volume II] Later Historical Records of Ramses III. Chicago: The University of Chicago Press. 1932. x p., 6 figures, 76 plates.
 12. Morris E.F. The Architecture of Imperialism. Military Bases and the Evolution of foreign Policy in Egypt's New Kingdom. Leiden; Boston: Brill, 2005. 891 p.
 13. Redford D.B. Egypt and Western Asia in the Late New Kingdom: An Overview // *Sea Peoples and their world: the Reassessment* / Oren E. (ed.). Philadelphia: The University Museum, 2000. p. 1–20.
 14. Sandars N.K. The Sea Peoples: Warriors of the Ancient Mediterranean. London: Thames and Hudson, 1978. 224 p.
 15. Ussishkin D. The Date of the Philistine Settlement in the Coastal Plain: the View from Megiddo and Lachish // *Israel in Transition: From the Late Bronze II to Iron IIa (c. 1250–850 B.C.E.)*. Volume 1: Archaeology / Grabbe L.L. (ed.). New York; London: T&T Clark, 2008. p. 203–216.
 16. Weinstein J.M. Egypt and the Levant in the Reign of Ramses III // *Ramesses III. The Life and Times of Egypt's Last Hero* / Cline E.H., O'Connor D. (eds.). Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2012. p. 160–180.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафронов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии, истории Древнего мира и средних веков историко-филологического Института Московского государственного областного университета;
e-mail: safronov1477@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Safronov Alexander – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Archaeology, Ancient and Medieval History, Historical-Philological Institute of Moscow Region State University;
e-mail: safronov1477@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Сафронов А.В. Где следует локализовать сухопутную битву Рамсеса III с «народом моря»? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 1. С. 33–40.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-33-40

CORRECT REFERENCE

A. Safronov. Where should the land battle of Ramses III with the sea peoples be located? // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 1, pp. 33–40.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-33-40

УДК 930(410.1)''18/20''

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-41-51

ТРАКТОВКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АНГЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX–XX вв.

Яснитский Н.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются аргументы и изменения трактовок политической ситуации в Англии второй половины XVIII в. в британской историографии XIX–XX вв. Трактовка политической ситуации, сложившейся во второй половине XVIII в. существенно менялась в течение XIX–XX вв. Необходимость анализа трактовок связана с тем, что особенности английского Просвещения во многом определялись особыми политическими условиями, сложившимися в это время.

Ключевые слова: Англия, политическая борьба, тори, виги, историография.

THE POLITICAL SITUATION IN ENGLAND OF THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY INTERPRETED BY BRITISH HISTORIOGRAPHY OF XIX–XX CENTURIES

N. Yasnitsky

*Moscow Region State University
105005, Radio Str., 10A, Moscow, the Russian Federation*

Abstract. The article discusses the arguments and changing interpretations of the political situation in England in the second half of the XVIII century found in the English historiography of XIX–XX centuries. The interpretation of the political situation of the second half of the XVIII century was changing significantly in the course of the XIX–XX centuries. The need to analyze the interpretations is due to the fact that the characteristics of the English Enlightenment were largely determined by special political conditions of that time.

Key words: political struggle, Tory, Whigs, historiography.

Первые попытки определения политической ситуации, сложившейся в Англии во второй половине XVIII в. были предприняты историками уже в начале XIX в. Анализ этих исторических трудов предпринял в 1959 г. Герберт Баттерфильд, профессор Кембриджского университета [6]. Г. Баттерфильд считает неверной трактовку событий 1760–1790 гг. как событий, главной чертой которых была политическая борьба тори и вигов. Он полагает, что сущностью политики Георга являлась лишь политика уничтожения «партийных министерств» путем преодоления неограниченного влияния семейств вигов и назначения министров «безотносительно их партийных связей» [6, р. 65]. Как представляется, эта трак-

товка Баттерфильда, как и трактовка многих историков, начиная с XIX века и вплоть до настоящего времени, сводится к тому, чтобы обосновать отсутствие политической борьбы в Англии XVIII в. (подчеркнуто мною. – прим. авт. – Н.Я.).

Новые трактовки политической ситуации появляются в 70-х гг. XIX в. В 1874 г. историк либерального направления Дж. Р. Грин в труде «Британия. История английского народа», анализируя политический кризис в начале 60-х гг. XVIII в. в Англии, следующим образом определяет две главные его причины. Это и раскол партии вигов, но это и «торийские» идеи Георга III. По мнению этого историка, «если бы Пит и Ньюкасл, – один, опираясь на промышленные классы, а другой – на вигские фамилии и на весь механизм парламентского влияния, стояли заодно, Георгу III пришлось бы бороться напрасно» [1, с. 451]. Причиной отсутствия единства среди разных группировок вигов было то, что группировка Ньюкасла была недовольна огромными расходами в Семилетней войне, особенно отказом принять условия мира со стороны Франции, а Пит именно в это время (в 1761 г. – прим. авт. – Н.Я.) «предложил новое расширение войны». «Эти широкие и смелые планы напугали его товарищей (вигов), и сопротивление Ньюкасла нашло открытую поддержку в массе вигов и у короля» [1, с. 451]. В результате, «разрыв с Питом оказался на деле смертельным ударом для вигов. Оказалось, что Ньюкасл только для того отделился от своего великого соперника, чтобы ряд намеренных унижений со стороны молодого короля принудил его к отставке; за ним последовали

наиболее влиятельные из его вигских товарищей. Георг III восторжествовал над обеими крупными силами, стеснявшими свободу короны.... Победу короля означало назначение первым министром лорда Бьюта» [1, с. 451].

Отмеченное подчеркивание осознанных и расчетливых действий короля в отношении оставшейся в правительстве группировки вигов, сторонников Ньюкасла, позволяет Дж. Р. Грину прийти к выводу, что планы Георга III как раз и состояли в расколе правящей группировки вигов. Так, Грин совершенно определенно заявляет, что «стремление короля к внешнему миру (сначала в 1761 г., а затем и в 1763 г. – прим. авт. – Н.Я.) объяснялось, главным образом, тем, что он считал его необходимым условием для успешной борьбы за власть внутри страны. Пока продолжалась война, следовало постоянно опасаться возвращения Пита в министерство и объединения под его руководством всех вигов. Мир развязывал королю руки, и он мог рассчитывать на несогласие вигов, на новоявленную преданность тори.... Но более всего он полагался на характер Палаты общин. Последняя, став всемогущей в государстве, в действительности совсем перестала быть сколько-нибудь представительным собранием» [1, с. 453]. Дж. Грин, доказывая наличие у Георга вполне четких политических целей, объясняет это и сохранившимся влиянием короля на важнейшие органы власти. «В распоряжении короля еще находились все назначения в церкви, повышения в армии, большое число мест в гражданском управлении и при дворе. Георг III вернул себе всю эту массу назначений, захваченную было ми-

нистрами его предшественников, и он крепко держался за нее. Характер Палаты общин делал это право, как мы видели, сильнейшим средством влияния не нее» [1, с. 449]. Для палаты общин, отмечал Грин, было характерно использование системы патронажа, открытой продажи мест в парламенте, неравномерное распределение мест от городов и «гнилых местечек» и т.д. Именно в результате этой особенности «у Георга III оказалось в руках одно из орудий Уолпола, и он воспользовался им с беззащитной энергией для уничтожения той партии, единство которой так долго поддерживал Уолпол» [1, с. 449].

К началу XX в. трактовка либеральных историков несколько изменилась, но это не меняло основную мысль: возложить всю вину за политический кризис на «короля и его друзей». К примеру, в исследовании американского историка Чарльза Бирда характер политической ситуации можно передать следующими тезисами. Во-первых, в начале правления Георга III – у короны еще достаточно способов, чтобы влиять на правительство: личное влияние, взятки, назначение на должности. Во-вторых, «партия королевских друзей» – это те, кто руководствовался соображениями получения должности, но еще большее число – это независимые члены парламента, поддерживающие идею королевской прерогативы (т.е. тори по идейным взглядам) и лично преданные королю. И наконец, как считает Бирд, позиции «друзей короля» противоречили конституционному устройству правительства. И хотя их услуги королю больше ограничивались содействием в политической интриге, но они пользовались ими и для влияния на

обсуждение вопросов в Парламенте [5, р. 492]. Главная особенность ситуации, по мнению Ч. Бирда, характеризовалась осознанным политическим расчетом Георга III. Политический замысел короля состоял в том, что король был «недоволен существующим контролем над министрами». Их «полномочия зависели от Палаты общин, поэтому он пристально наблюдал за дебатами в Парламенте, и хотя он вынужден был какое-то время терпеть тех министров, кого он не любил, он настойчиво работал над тем, чтобы увеличить свой контроль над Палатой общин...» [5, р. 491].

Как мы видим из трактовок Грина и Бирда, одной из «новых» проблем в либеральной историографии являлась проблема определения того, кем являлись «друзья короля». Мнения в отношении этого различны. Так, Дж. Р. Грин полагал, что с начала правления Георга III «тори стали постепенно снова появляться при дворе. <...>. Удаление тори от общественных дел оставило неза тронутыми развитие их политических идей со времени революции 1688 г., и когда они вернулись к политической жизни, они перенесли на нового государя все то благоговение, с которым относились прежде к Стюартам. Таким образом, у Георга III скоро оказалась в распоряжении «королевская партия» [1, с. 449]. Несколько иное определение королевских друзей у Ч. Бирда: «партия королевских друзей» – это те, кто руководствовался соображениями получения должности, но наибольшее число «друзей короля» являлись независимыми членами парламента, поддерживавшими идею «королевской прерогативы» и лично преданные королю [5, р. 491].

В историографии начала XX в. рассмотренные проблемы решались иначе. Так, согласно трактовке Л. Намюра и его последователей борьба в парламенте в целом в течение XVIII века была не между тори и вигами, не из-за политических или идеологических разногласий, а за места и материальную выгоду между отдельными депутатами, группировавшимися вокруг тех или иных лидеров [17; 10–12]. Дж. Кларк вообще отрицал наличие политических партий до парламентской реформы начала XIX в. (до 1832 г.) [8]. Лишь П. Лэнгфорд, характеризуя начало правления Георга III, вновь говорит о возвращении группировки тори к политической власти. «Проявляемая терпимость сменилась гордостью по поводу доступности нового режима для старых тори. При дворе их приветствовали с распростертыми объятиями, наделяя постами, почестями и званиями. В графствах они возвратились (там, где это им не удалось сделать в предшествующее десятилетие) в коллегии мирового суда» [2, с. 416].

В середине XX в. появляются трактовки, для которых характерно стремление объяснить политические события исходя из одновременного действия двух главных причин: особенностей личных взаимоотношений государственных деятелей и раскола партии вигов. Примером таких трактовок, отчасти напоминающих трактовку Дж. Р. Грина и Ч. Бирда, является работа Р. Харриса «Англия в восемнадцатом столетии» [9].

В своем исследовании Р. Харрис считает, что в эпоху устойчивых экономических успехов, связанных с правлением Уолпола и Пэлхема, политических разногласий не было, и вся политика

сводилась к конфликтам конкурирующих личностей. И только после Семилетней войны ситуация начала принципиально меняться, наблюдался возврат к дискуссиям по важнейшим проблемам развития, как и в начале XVIII столетия. Связано это было, по мнению Р. Харриса, с возникновением империи, расширением торговли и собственного производства. Именно тогда и повысилась вновь роль правительства и значимость принимаемых решений. Среди важнейших проблем, которые стояли перед страной, была проблема свободы, поднятая Вилксом и американскими колонистами [9, р. 175].

В соответствии с этим подходом, события начала правления Георга III рассматриваются Р. Харрисом как окончание того периода, когда политика определялась конфликтами «конкурирующих личностей» и началом периода, когда вновь на первый план выдвигаются политические проблемы. Георг III в момент вступления на престол характеризуется Р. Харрисом как малообразованный и не уверенный в своих способностях юноша, находящийся целиком под влиянием своей матери и воспитателя Бьюта. По мнению Харриса, именно они внушили ему идею морального очищения правительства от продажных политиков вигов, которые держали его деда Георга II в положении «заложника» своей политики. Поэтому и задачу очищения «авгиевых конюшен» правительства Георг III возложил на «благородного Бьюта» [9, р. 176].

Характеризуя Бьюта, Харрис не считает его сторонником какой-либо из прежних политических группировок: вигов или тори. На наш взгляд, аргу-

менты Харриса достаточно весомы. Бьют «не имел политического влияния», считает Харрис, поскольку «он не был членом небольшого круга политиков, которые с 1714 г., в основном, распределяли политические должности. Его ненавидели и как Шотландца, который мог бы манипулировать продажными шотландскими городками» [9, р. 176]. По мнению Харриса, если и были политические причины возвышения Бьюта, то они коренились в расколе самих вигов, а в основе раскола было личное соперничество Пита и Ньюкасла и разное понимание главных внешнеполитических задач, стоящих перед Англией. Отставка Пита объясняется Харрисом его политической изоляцией в связи с недовольством большей части вигов его планами продолжения и расширения войны, путем нападения на Испанию [9, р. 177]. А последующая затем в мае 1762 г. отставка и Ньюкасла объясняется им личными мотивами. Ньюкасл демонстративно заявил об уходе из правительства в связи с его возмущением «чрезмерным контролем» над такими его функциями, как распределение должностей и связанных с этим доходов. Кроме того, он был убежден, что его призовут обратно, поскольку он не верил, что после тридцати с лишним лет пребывания у власти «правительство могло бы добиться успеха без него» [9, р. 177].

В соответствии с такой трактовкой Р. Харрис определяет и сущность дальнейших событий, связанных с непрерывной сменой правительств. Харрис исходит из того, что Бьют, не имея политического влияния и необходимых семейных связей, для осуществления функций главы правительства нуждался в поддержке. Такую поддержку

он и получил со стороны «друзей короля». «Было достаточно много людей в политике, которые верили, что Король имел ничем не ограниченное право выбирать своих министров, и что их собственным политическим долгом является поддержка министров, назначенных по выбору Короля, если их совесть не убеждала их в обратном. <....> Когда Бьют был первым министром, они получали свои назначения через Бьюта, и, следовательно, считались, в некотором смысле, его людьми» [9, р.178]. Другими словами, Бьют не был убежденным «идейным» тори, стремящимся восстановить некоторые прерогативы королевской власти.

Преемник Бьюта (Гренвилл. – прим. авт. – Н.Я.) также стремился иметь в своих руках всю систему патронажа, которую он мог собрать, и именно поэтому желал отправить в отставку «друзей короля» и предоставить их должности своим собственным сторонникам (вигам. – прим. авт. – Н.Я.). По мнению Харриса, «отправная точка ошибочных теорий, которые запутывают изучение этого периода» это убеждение, что Георг III чувствовал себя обязанным защищать «друзей короля» [9, р. 179].

Дальнейший анализ политических событий подтверждает, по мнению Харриса, этот вывод. Так, по его мнению, истинные причины последующего падения правительства Гренвилла (1763–1765), связаны не только с возникшим личным конфликтом Гренвилла с королем из-за Бьюта и системы протекций. В большей степени падение правительства Гренвилла объяснялось последствиями двух «мероприятий» его правительства. Это – преследование Вилкса, вновь сделав-

шее актуальным проблему свободы, и экономические реформы, вызвавшие недовольство как в Англии, так и в американских колониях [9, p. 179-180].

Близкую оценку кабинету Гренвилла дает и американский историк Фр. Виквайер. Он отмечал, что, интересуясь только увеличением государственных доходов, Гренвилл якобы не дал себе труда задуматься над возможными последствиями своей политики [15, p. 97]. С политикой в отношении колоний связывает падение Гренвилла и другой современный американский историк, Дж. Баллион: «Гренвилл понимал, что после долгих лет недоверия и непослушания одними словами ничего не добиться. Следовательно, новые налоги должны были вводиться силой и в неблагоприятной обстановке» [4, p. 4].

Причины «падения» последующих кабинетов, по мнению Харриса, те же, что и причины отставки кабинета Гренвилла. Согласно оценке Харриса, следующий кабинет Рокингема (1765-1766) был «слабым», как по причине незначительного числа сторонников Рокингема в парламенте, так и в связи с его политикой в отношении колоний. «Американская политика была исключительно глупой. Действие Гербового (Почтового) сбора вызвало бунты в Америке. Гербовый сбор мог быть взыскан или отменен, но идея отмены этого сбора была запутана принятой Декларацией, подтверждающей право Британского правительства облагать налогами колонии» [9, p. 181].

Характеристика, данная кабинету Рокингема историком XX в. Р. Такером, на наш взгляд, несколько отличается от трактовки Харриса. По его мнению, не все члены правительства Рокингема были согласны с мерами в отношении

североамериканских колонистов. В частности, умеренные члены кабинета Рокингема считали, что парламент имеет право ввести налог на колонии, однако последствия этого отразятся и на метрополии, и на самих колониях. И в первую очередь это приведет к ущемлению интересов британских купцов и мануфактуристов [14, p. 225].

Целиком негативно к итогам правления кабинета Рокингема относится и современный английский историк К. Пери, и его оценка кабинета Рокингема представляется наиболее вероятной. Он считал, что ни сам Рокингом, ни министры его кабинета не сумели решить как проблему границ колоний, так и проблему материального обеспечения верной короне колониальной администрации [13, p. 43]. Причину этого Пери усматривает в том, что правительство было составлено из представителей разных политических группировок. По его мнению, правительство, составленное из «ястребов» и «голубей», было обречено «на колебания между угрозами навести порядок и поиском мирных решений» [13, p. 52].

Оценка следующего правительства, «кабинета Пита», данная Харрисом, еще более негативна. Георг III надеялся на Пита, поскольку «Пит был один из немногих, кто следовал своей собственной политике. Он не был, следовательно, «человеком связи», озабоченным, чтобы находить места для множества своих друзей. Король пришел в восторг, услышав, что Пит намеревается распустить все фракции и привлечь всех трезвомыслящих людей, которые должны сотрудничать на принципе конкретных дел, а не человеческих связей» [9, p. 181]. Но короля постигло горькое разочарование.

«Правительство Чатама (так как Пит теперь стал графом Чатамом), было абсолютным бедствием» [9, р. 181].

В целом, определяя причины политического кризиса в период, начавшийся после окончания Семилетней войны и вступления на престол Георга III, Р. Харрис считает, что это не было следствием политической борьбы тори и вигов за власть (подчеркнуто мною. – прим. авт. – Н.Я.). «К несчастью, между 1763 и 1770 гг. он [Георг III. – прим. авт. – Н.Я.] был не в состоянии найти стабильное правительство. Это было, тем не менее, значительно в большей степени результатом слабостей и разлада вигов, чем ошибок Георга III» [9, р. 188].

Таким образом, Р. Харрис подводит к выводу, что как начало, так и пик политического кризиса был вызван ошибками самих вигов, а король лишь пытался создать дееспособное правительство, обращаясь то к одной, то к другой политической группировке вигов в искреннем стремлении преодолеть, а не инициировать раскол. Но в результате этих попыток возросло влияние «друзей короля», использовавших не искушенного в политике Георга, перепутавшего экономическую проблему с политической. Именно эта ситуация и стала «потрясением для Георга III, и ... началом формирования его собственной политической программы» [9, р. 178].

К концу XX в. в английской историографии появляется трактовка, согласно которой неверными были интерпретации событий как в торийской, так и либерально-вигской историографиях. Примером такой трактовки является подход к событиям XVIII в. Поля Лэнгфорда. По его мнению, вос-

приятие современниками и особенно Эдмундом Берком мероприятий Георга III и Бьюта как «заговора против свободы и государственного устройства» и свидетельства стремления к «установлению новой авторитарной системы» было неверной интерпретацией действительных событий [2, с. 418]. Как считает Лэнгфорд, меры, предпринятые самим Георгом III (Акт о престолонаследии, Акт о гражданском листе), скорее свидетельствовали о дальнейшем ограничении королевских прерогатив, нежели о стремлении к их расширению [2, с. 417].

По мнению Лэнгфорда, главной целью Георга III и Бьюта было лишь стремление «освободиться» от отдельных людей, монополизировавших власть во времена Георга II. Однако, выполняя эту задачу, Георг III и Бьют действовали крайне «неосторожно», чем и восстановили против себя все влиятельные вигские семейства, посчитавшие это восстановлением абсолютизма. В частности, Бьют, официально уйдя с поста главы правительства, используя свое влияние на Георга III как наставника, стремился управлять далее неофициально, внося тем самым неразбериху в действия правительства и содействуя их постоянной смене [2, с. 418]. Согласно трактовке П. Лэнгфорда, политический кризис заключался в постоянной смене правительств («цикличность в правительственной нестабильности»), а причина этого – стремление короля найти премьера, «близкого по духу» и «способного возглавить парламент». Но раскол вигов на группировки, личное соперничество их лидеров создали у историков впечатление правоты Э. Берка в оценке ситуации как попытки

установления новой авторитарной системы [2, с. 419–420].

Отмечает П. Лэнгфорд и влияние войны за независимость английских колоний на внутреннюю ситуацию в Великобритании. По его мнению, оно имело несколько этапов. Прежде всего, хотя эта война и способствовала обострению политической борьбы, но случилось это позже, после первых неудач. Вначале же войны, за исключением «немногих радикальных политиков» и «религиозных диссентеров», разногласия не разделяли тори и вигов по поводу ее необходимости, и те и другие «решительно поддержали войну против Америки» [2, с. 424]. «Для большинства англичан единственным жизнеспособным представлением об империи являлся его старый меркантилистский вариант. Колонии, которые отказывались признать безусловную власть парламента, были не просто бесполезными, но по настоящему опасными» [2, с. 424].

Поднимает Лэнгфорд и вопрос о влиянии экономического кризиса, наступившего после Семилетней войны, и о влиянии политического «брожения», связанного с фигурой Вилкса, которое использовали виги для критики Георга III. «Поводы для недовольства, которые он (Вилкс. – прим. авт. – Н.Я.) эксплуатировал, еще десятью годами ранее нашли бы мало отклика. Ордера на задержание по произвольным обвинениям в политических преступлениях.... широко применялись и прежними правительствами ганноверской эпохи. В свое время их использовали и Пит, и Ньюкасл. Но тогда их применение оправдывали ссылкой на якобитскую угрозу, да и применяли против преследуемых тори, а не гром-

коголосых вигов» [2, с. 420].

Большое значение, на наш взгляд, имеет оценка П. Лэнгфордом деятельности тори в период окончания войны с колониями. По его мнению, экономические и социальные последствия войны с колониями привели к тому, что консервативные силы, в которых не последнюю роль играли сельские джентри (чаще – сторонники тори. – прим. авт. – Н.Я.), стали проводить «в рамках организованного движения Ассоциаций 1779–1780 гг. то, что выглядело как открытая атака на конституционное устройство» [2, с. 425]. Именно это движение, связанное с именем Джорджа Гордона, и явилось одной из причин неудач давно назревшей парламентской реформы уже в XVIII в. [2, с. 426–427].

«Поддерживавшие Уилкса радикалы – это типичные мелкие предприниматели, ремесленники и мастеровые. <...> Когда они обратились с жалобами к стране, то нашли поддержку не только среди провинциальных джентльменов, встревоженных угрозой своим избирательным правам, но и среди своих коллег в городах. Средний класс, <...>, его участие в движении Уилкса, несомненно, свидетельствовало об обретенном им важном месте в политической жизни в эпоху правления Георга III. <...> Старые виги, в своей готовности использовать любое оружие мести против Георга III, многое сделали для того, чтобы узаконить новый дух массовой оппозиции Двору. Без такого сотрудничества народные волнения, связанные с именем Уилкса, имели бы гораздо меньшие последствия» [2, с. 421]. Таким образом, П. Лэнгфорд привлекает внимание и к экономическим, и к социальным об-

стоятельствам, которые способствовали именно борьбе вигов против политики Георга III в период премьерства Норта.

Особая трактовка политической ситуации XVIII в. у Дж. Покока. По его мнению, внутренними причинами политического кризиса во второй половине XVIII в. являлось появление «мощного религиозного движения», которое привело к возникновению «социнианских сообществ англикан, ариан и пресвитериан-кальвинистов». Сторонники этих движений потребовали в 1770 г. освободить их от обязанности подписываться под 39 статьями англиканского вероучения и отозвать «Test and Corporation Acts», запрещавшие католикам, протестантам-неконформистам и нехристианам занимать некоторые государственные должности» [3, с. 499].

Однако, как считает Дж. Покок, эти внутренние причины были порождены внешнеполитическими событиями, среди которых важнейшими являются и Семилетняя война, и война с американскими колониями, и Французская революция. Именно эти события и привели к «чрезвычайному росту государственного долга» в Великобритании, что «приблизило эру революций и подготовило почву для независимости Соединенных штатов» [3, с. 497]. В свою очередь американская, а затем и французская революция привели в дальнейшем к расколу внутри радикального крыла английского Просвещения: рациональных диссентеров и сторонников унитаризма, что «едва не вылилось в английский интеллектуальный якобинизм» [3, с. 501]. Рациональные диссентеры «увидели в революции триумф Просвещения, по-

прежнему трактуемого в религиозном ключе» [3, с. 502].

В целом, обобщая обзор трактовок политической ситуации в Англии во второй половине XVIII в., представляется возможным прийти к следующим выводам. Во-первых, оценки политической ситуации в Англии во второй половине XVIII в., предваряющие до сих пор историографические исследования, основаны более всего на либерально-вигской трактовке политической ситуации Англии XVIII в., отрицающей существование политической борьбы вигов и тори и возлагающей всю вину за просчеты в политике на короля Георга III. Причина этого в том, что дальнейшие успехи в развитии рыночной экономики и реформы парламентской системы, рассматривались как прямое продолжение «прогрессивной» вигской политики XVIII в. Привлекает внимание то, что современные исследования конкретно-исторического характера иначе оценивают политическую ситуацию во второй половине XVIII в., особенно в начале правления Георга III и во время борьбы американских колоний за независимость: от признания нестабильности до признания политической борьбы как среди разных группировок вигов, так и между тори и вигами. Наш взгляд, наиболее близкими к реальной оценке ситуации в Англии во второй половине XVIII в. являются трактовки британских историков лишь начала XIX в. и конца XX в., согласно которым определяющим фактором политического кризиса являлся, прежде всего, раскол среди самой группировки вигов. Последующая политическая борьба уже шла между мелкими фракциями вигов, среди которых было и

немало симпатизирующих некоторым идеям тори.

Отмеченные обстоятельства подводят к необходимости выявить тот исторический материал, который позволит определить как истоки, так и сущность идейно теоретических

взглядов тех, кто критиковал политику, осуществлявшуюся разными вигскими кабинетами во второй половине XVIII века. Особое внимание вероятно следует уделить тем историческим сочинениям, где проводятся параллели с развитием Великобритании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грин Дж.Р. Британия. История английского народа: в 2 т. Т. 2. . Мн.: МФЦП. 2007. 680 с.
2. История Великобритании / Под ред. Кеннета О. Моргана. М.: Весь Мир, 2008. 680 с.
3. Покок Дж.Г.А. Великобритания // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. Винченцо Ферроне и Даниэля Роша. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 668 с.
4. Ballion J.L. A Great and Necessary Measure: George Grenville and the Geneses of the Stamp Act 1763-1765. Columbia: University of Missouri Press, 1982. 317 pp.
5. Beard Ch.A. An Introduction to the English Historians. New York: The Macmillan company, 1906. 692 pp.
6. Butterfield H. George III and the Historians. L.: Collins, 1957. 304 pp.
7. Christie I.R. The End of North's Ministry, 1780-82. L.: Macmillan, 1958. 448 pp.
8. Clark J. Revolution and Rebellion: State and Society in England in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 196 pp.
9. Harris R.W. England in the Eighteenth century (1689-1793). Balanced Constitution and New Horizons. L.: Blandford Press, 1963. 232 pp.
10. Namier L.B. The Structure of Politics at the Accession of George III: 2 v. L.: Macmillan, 1929. 514 pp.
11. Owen John B. The Rise of the Pelhams. L.: Methuen, 1957. 357 pp.
12. Pares R. George III and the Politicians. Oxford: University Press, 1953. 224 pp.
13. Perry K. British Politics and the American Revolution. Basingstoke: MacMillan Education, 1990. 176 pp.
14. Tucker R.W., Hendrickson D.C. The Fall of the First British Empire: Origins of the War of American Independence. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982. 450 pp.
15. Wickwire Fr.B. British Subministers and Colonial America, 1763-1783. Princeton: University Press, 1966. 228 pp.

REFERENCES

1. Grin Dzh.R. Britaniya. Istoriya angliiskogo naroda: v 2 t. Tom 2. [Green George.R. Britain. History of the English nation: 2 vol. Vol. 2.]. Mn., MFTSP, 2007. 680 p.
2. Istoriya Velikobritanii / Pod red. Kenneta O. Morgana [A history of Britain / ed. by Kenneth O. Morgan]. M., Ves' Mir, 2008. 680 p.
3. Pokok Dzh.G.A. Velikobritaniya // Mir Prosveshcheniya. Istoricheskii slovar' / Pod red. Vinchentso Ferrone i Danielya Rosha [Pocock George.G. UK // The World Of Education. Historical dictionary / ed. by Vincenzo Ferrone and Daniel Roche]. M., Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2003. 668 p.
4. Ballion J.L. A Great and Necessary Measure: George Grenville and the Geneses of the Stamp Act 1763-1765. Columbia: University of Missouri Press, 1982. 317 pp.

5. Beard Ch.A. An Introduction to the English Historians. New York: The Macmillan company, 1906. 692 pp.
6. Butterfield H. George III and the Historians. L.: Collins, 1957. 304 pp.
7. Christie I.R. The End of North's Ministry, 1780-82. L.: Macmillan, 1958. 448 pp.
8. Clark J. Revolution and Rebellion: State and Society in England in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 196 pp.
9. Harris R.W. England in the Eighteenth century (1689-1793). Balanced Constitution and New Horizons. L.: Blandford Press, 1963. 232 pp.
10. Namier L.B. The Structure of Politics at the Accession of George III: 2 v. L.: Macmillan, 1929. 514 pp.
11. Owen John B. The Rise of the Pelhams. L.: Methuen, 1957. 357 pp.
12. Pares R. George III and the Politicians. Oxford: University Press, 1953. 224 pp.
13. Perry K. British Politics and the American Revolution. Basingstoke: MacMillan Education, 1990. 176 pp.
14. Tucker R.W., Hendrickson D.C. The Fall of the First British Empire: Origins of the War of American Independence. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982. 450 pp.
15. Wickwire Fr.B. British Subministers and Colonial America, 1763-1783. Princeton: University Press, 1966. 228 pp.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яснитский Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;

e-mail: kaF-nim@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yasnitsky Nikolay A. – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the department of the New, Newest History and Methodology, Moscow Region State University;

e-mail: kaF-nim@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Яснитский Н.А. Трактовки политической ситуации в Англии второй половины XVIII в. в британской историографии XIX–XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 1. С. 41–51.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-41-51

CORRECT REFERENCE

N. Yasnitsky. The political situation in England of the first half of the XVIII century interpreted by british historiography of XIX–XX centuries // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 1, pp. 41–51.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-41-51

Отечественная история

УДК 94 (47).066

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-52-59

ЧИНОВНИКИ МОСКОВСКОЙ КАЗЕННОЙ ПАЛАТЫ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX вв.

Соловьёв Я.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о составе и условиях работы служащих Московской казенной палаты в конце XVIII – начале XIX вв. Отмечаются низкий уровень материального обеспечения чиновников, влекущий частую смену кадров. Приводятся примеры недостойного поведения служащих казенной палаты, делается вывод об отсутствии каких-либо требований к профессиональному опыту чиновников.

Ключевые слова: казенная палата, чиновники, Московская губерния.

OFFICIALS OF THE MOSCOW STATE CHAMBER AT THE END OF XVIII – EARLY XIX CENTURIES

Y. Soloviev

*Moscow State Regional University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article discusses the issue of the composition and working conditions of the employees of the Moscow state chamber at the end of XVIII – beginning of XIX centuries. Low level of material support of government officials is mentioned. Due to it there were frequent changes of personnel. Examples of the Moscow state chamber officials' misconduct are given. The conclusion about the absence of any requirements for professional experience of officials is made.

Key words: the Moscow state chamber, officials, Moscow province.

Интерес к истории чиновничества Российской империи пробудился у отечественных исследователей относительно недавно. Первым серьезным исследованием этого вопроса стала эпохальная монография П.А. Зайончковского [1]. После Перестройки стало появляться все больше исследований по этому вопросу. В исследовании чиновничества второй четверти XIX в. следует отметить работы О.В. Моряковой [4]. В изучении чиновничества Московской губернии середи-

ны XIX в. большую роль играют работы В.А. Иванова [2; 3]. В последнее время появляются диссертационные исследования, посвященные как провинциальному чиновничеству, так и местным финансовым учреждениям конца XVIII – первой половины XIX в., в которых затрагивается вопрос о составе служащих казенных палат [например, 5]. Однако в этом вопросе остается еще очень много белых пятен, требуются большие архивные изыскания. В нашей статье анализируются первые результаты таких изысканий по составу Московской казенной палаты конца XVIII – начала XIX в.

По последовавшему в 1775 г. «Учреждению о губерниях» одним из важнейших органов местной власти должна была стать губернская казенная палата. Она замышлялась как местная коллегия.

Председателем казенной палаты был вице-губернатор (V класс по Табели о рангах), членами – директор экономики (VI класс), советник (VI класс), два ассессора для освидетельствования сумм в подчиненных местах (VIII класс) и губернский казначей (VIII класс). Вице-губернатор определялся к должности Верховной властью, остальные – Сенатом. Директор экономики брал на себя руководство палатой в случае, если вице-губернатор замещал губернатора¹. В случае отсутствия и директора экономики, его место замещал советник, как, например, в 1783 г. в Московской палате по случаю отбытия директора экономики на встречу при-

¹ См.: ст. 117 «Учреждения для управления губерний» (1775 г., ноября 7 Благочестивейшая самодержавнейшая великия государыни императрицы Екатерины Вторыя учреждения для управления губерний Всероссийския империи).

бывающих в Москву великих князей².

Канцелярия палаты состояла из приказного стола и экспедиций, в которых распределялись основные функции палаты.

Общее присутствие казенной палаты разрешало все важнейшие вопросы, но в действиях коллегии все больше проявлялась тенденция усиления роли председателя, что особенно выразилось в «Наставлении казенным палатам», изданным в 1781 г.

Председатель нес ответственность за все течение дел в палате. Дела в общем присутствии от частей казенной палаты поступали только через него. Каждую неделю он поверял журналы по делам, составляемые по подразделениям палаты. Он мог взыскивать за неисправность со всех служащих и членов палаты. От него зависело распределение дел и служащих по экспедициям, что позволяло оперативно реагировать на изменения местной ситуации.

Отмеченное выше усиление роли вице-губернатора ярко проявилось в деле советника Московской казенной палаты Самарина всего через несколько месяцев после ее открытия. 1 февраля 1783 г. при рассмотрении вопроса о переносе питейного дома в новое место Самарин выступил против мнения всей палаты за оставление питейного дома на прежнем месте из-за опасения возможных казенных убытков. После этого в палате началась настоящая травля советника, и 14 февраля Самарин подал челобитную об отставке по состоянию здоровья³. Больше зафик-

² Центральный государственный архив г. Москвы. Центр хранения документов до 1917 г. (далее – ЦГА г. Москвы). Ф. 51. Оп. 1. Д. 4. Л.135.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 16-18, 29.

сированных в журналах противоречий между членами палаты не встречается. Тем более, что указом 12 июня 1785 г. было определено старшинство членов палаты: советники имели старшинство перед ассессорами, а внутри этих групп старшинство определялось по чину и времени его пожалования.

Наставление, данное экспедиции о соли и вине в 1783 г., еще более показывает факт соединения коллегиального начала и единоначалия в деятельности палаты. Советник экспедиции, согласно ст. 21, состоял «под ведомством Вице-Губернатора».

Члены палаты, за исключением одного ассессора, брали на себя управленческие экспедициями, между которыми распределялись функции палаты. Возглавлявшие экспедиции члены казенной палаты получали право действовать по делам своей экспедиции именем палаты. Экспедиции состояли из секретаря, начальника стола с помощником и канцелярских служителей. Однако в штат они не входили, чинов не получали, а должны были вознаграждаться за свои труды из оставляемой на расходы губернии суммы и подготавливаться к занятию должностей уездных казначеев и членов палаты.

Для производства дел собственно в палате устанавливались должности секретаря, протоколиста, бухгалтера и архивариуса, подчиненных непосредственно председателю палаты. Кроме того, по штату казенной палаты предполагалось наличие 4 присяжных, определенных из отставных гвардии унтер-офицеров, ответственных за сохранение казны, ведомой губернским казначеем.

В течение 1780-х гг. штат палаты постоянно увеличивался. Уже в 1781

г. с принятием Уставов о соли и вине была образована в составе палаты отдельная экспедиция по винной и соляной части в составе одного советника VI класса, двух ассессоров VIII класса, секретаря XI класса, шести начальников столов, бухгалтера, офицера для закупки разных припасов и канцелярских служителей [ПСЗ¹, XXI, № 15350]. Расширение объема всяческих счетов и ведомостей, требуемых от Казенных палат, привели в январе 1782 г. к созданию в их составе Экспедиции для свидетельства счетов, состоящей из одного советника VI класса, ассессора VIII класса и секретаря XI класса [ПСЗ, XXI, № 15318].

В итоге вырос состав общего присутствия Московской казенной палаты в сравнении с изначально определенным штатом 1781 г.: в него входили вице-губернатор, директор экономии, три советника, четыре ассессора и губернский казначей. В Центральном государственном архиве г. Москвы сохранились протоколы от 1 февраля 1783 г.², согласно которым общее присутствие состояло из и.д. вице-губернатора Чонжина, директора экономии Энгельгарда, советников Белосельского, Самарина, Рубановского, ассессоров Второва, Скорнецова, Расловлева, Свешникова и губернского казначея Логинова. Таким образом, на 1787 г. общее присутствие палаты, состоявшее из 10 человек, достигло своего апогея по численности состава.

Описанную организационную структуру Палата сохраняла вплоть до

¹ [ПСЗ] Полное собрание законов Российской Империи: собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. I–XLVIII. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

конца царствования Екатерины II. Но Павел I подверг финансовые учреждения своей матери серьезной и не всегда продуманной перестройке. Преобразования императора коснулись и Московской казенной палаты. По штату 31 декабря 1796 г. в присутствии казенной палаты оставались 8 человек: вице-губернатор, три советника, губернский казначей, три ассессора [ПСЗ, XXIV, № 17702; XLIV].

После восстановления Камер-коллегии и Главной соляной конторы 18 февраля 1797 г. последовал указ «иметь им (Камер-коллегии и Главной соляной конторе. прим. авт. – Я.С.) при Казенной Палате особую часть под названием Камерной, которую снабдить чинами из числа назначенных по штату 31 декабря 1796 года для Казенной Палаты» [ПСЗ, XXIV, № 17815]. В состав образуемой части отходили один советник и один ассессор с «надлежащим числом канцелярских служителей» [ПСЗ, XXIV, №17826]. Позже к ним добавили секретаря [ПСЗ, XXIV, №18084]. При этом совершенно непонятным был статус образованных частей, степень их подчиненности руководству палаты. Так, при отъездах вице-губернаторов из губернии они поручали ведать казенной палатой одному из советников, а камерной частью – другому. Однако руководство камерных частей видело в этом ущемление своих прав, и Сенат согласился с ними, запретив членам палаты надзирать за камерной частью [ПСЗ, XXIV, №18420]. Это решение, безусловно, принижало статус членов казенной палаты, разрушало ее коллегиальную сущность. В такое же двойственное положение было поставлено руководство казенных палат с созданием

удельных экспедиций, которые, состоя под надзором вице-губернатора, одновременно подчинялась Департаменту уделов.

Таким образом, при Павле казенные палаты были лишены ряда своих функций и подразделений, но при этом вынуждены были «опекать» новые структуры: камерирные части и удельные экспедиции.

В результате этих преобразований в составе Московской казенной палаты в 1799 г. оставалось четыре экспедиции, а в присутствии палаты осталось шесть человек: вице-губернатор, два советника, губернский казначей и два ассессора. При анализе состава присутствия казенной палаты следует признать, что исследователю сильно недостает данных, в его распоряжении есть только единичные формулярные списки или иные замещающие их данные. По ним можно только предположить, что средний возраст членов присутствия колебался между 40 и 50 годами, происхождение – дети неродовитого дворянства или чиновников, хотя среди членов палаты были и представители титулованной аристократии (например, одним из вице-губернаторов в этот период был князь Вяземский), и даже иноземного происхождения как граф Санти, внук приглашенного в Россию при Петре I геральдиста графа Франца Санти. За 1783 – 1799 гг. сменилось 8 вице-губернаторов, из первого состава палаты лишь один проработал в ней больше 10 лет.

Многих членов присутствия нельзя назвать обеспеченными людьми с точки зрения владения недвижимостью: за ними числится чаще всего только городская собственность или вообще никакой. Лишь у двух членов присут-

ствия из десяти, о которых у нас есть сведения, зафиксировано наличие имени. Жалование членов палаты, за исключением вице-губернатора, не было слишком высоким. Согласно ведомостям, вице-губернатор получал 1856 руб. в год и 600 рублей на наем квартиры. Советник и губернский казначей – 740 руб., ассессор – 445 руб.

При оценке масштаба этого жалования следует помнить о большой ответственности членов палаты, в том числе финансовой, за свои решения. За неправильно назначенные и произведенные расходы, за другие нарушения члены казенной палаты подвергались следующим наказаниям: отдаче под суд, увольнению, взысканию растроченных средств, штрафу, замечанию, опубликованию. Например, в 1783 г. члены казенных палат, самостоятельно определившие расходы на винных приставов, не предусмотренные законом, должны были эти расходы возместить из своего кармана. В 1784 г. члены Московской казенной палаты должны были возместить убытки торговцев за неправомерное закрытие их торговли.

О тяжести подобных штрафов свидетельствует следующий факт – советник Рославлев, подвергнутый такому наказанию в 1792 г. по откупному делу за неотвращение от сборов неисправных откупщиков Рышкова с товарищи, должен был уплатить 8321 руб., и продолжал выплату из своего жалования вплоть до 1799 г., когда при успешной ревизии казенной палаты проводившие ее сенаторы выхлопотали для советника сложение штрафа (на этот момент на советнике числилось еще 921 руб. – больше его годового жалованья!).

На 1799 г. на присутствующих палаты числилось около 14 000 руб. штрафа (правда, по большей части взыскание по этим штрафам было остановлено Сенатом до получения необходимых справок и уточнений)¹. При этой цене ошибки для некоторых членов присутствия следует отметить отсутствие какого-либо опыта в хозяйственно-финансовом управлении вплоть до занятия своей должности в казенной палате. Например, ассессор Андреев служил до этого исключительно по судной части. Естественно, что, раз не требовалось особого профессионального опыта от членов присутствия, то еще меньшие требования предъявлялись к служащим в экспедициях палаты.

К сожалению, штатное расписание казенной палаты не дает нам полного представления о штате ее служащих, так как немалая их часть содержалась за счет так называемых канцелярских сумм. Но ведомости о выплате жалования, сохранившиеся в протоколах Московской казенной палаты, позволяют нам определить их численность.

В 1799 г. канцелярию палаты обеспечивали 53 человека, из них 34 классных чиновника (4 коллежских секретаря, 5 губернских секретарей, 15 коллежских регистраторов, 10 губернских регистраторов), 14 канцеляристов, 2 подканцеляриста и 3 копииста². На их содержание и содержание сторожей, а также канцелярские расходы Палата получала 6000 рублей. В 1805 г. в канцелярии Московской казенной палаты числятся 51 человек: 39 класс-

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1375. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 68–73.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 51. Оп. 1. Д. 13. ЛЛ. 256–257.

ных чиновника и 12 канцелярских. В 1810 г. численность служащих канцелярии достигает уже 73 человек: 48 классных, 22 канцелярских и 3 копииста, причем еще 5 человек числятся «сверх комплекта».

Анализ ведомостей позволяет сделать вывод о большой текучке «кадров» в канцелярии палаты: так, в 1805 г. мы находим лишь треть служащих из ведомости 1799 г. Между 1805 и 1810 гг. еще большее отличие – лишь около четверти служивших в Палате в 1805 г. числятся в ведомости 1810 г. Возможно, одной из причин такой текучки являлись невыгодные условия труда в палате – при очень большом объеме работы низкое жалование. Архивист палаты получал в год 48 руб., протоколист – 54 руб., столоначальники от 24 до 75 руб.

Как отмечал в 1799 г. московский гражданский губернатор Аршеневский: присутственные места Московской губернии «не имеют по мере дел довольно числа секретарей и канцелярских служителей по причине недостатка ассигнуемой на то по штату суммы, и самые положенные по оному канцелярские служители получают столь малое жалованье, что совсем содержать себя не в состоянии; ибо не говоря о копиисте, который в высшем еще месте получает сорок рублей в год должен из сего кормиться одеваться и нанимать квартиру, сами даже секретари и повытчики, будучи обязаны по званию своему содержать себя пристойнее, в способах к тому претерпевают крайнюю нужду. Трудно сие и везде, а в Москве и больше; а от сего самого ни один порядочный или с способностями человек не остается, а выходит в новоучрежденные

или восстановленные правительства, где во всех пользуются от Монаршей милости тройным почти против сего жалованьем. И таким образом присутственные места Московской губернии, где один столичный город числом жителей равняется целой половине иной Губернии, – быв сравнены штатом своим с прочими Губерниями, сколько бы не было употребляемо старания, но положенному числу канцелярских служителей, никогда исправными себя представить не могут»¹.

Как и другим низшим служащим государственного аппарата, чиновникам казенной палаты были свойственны сопутствующие нищете пороки и особенно – пьянство, столь опасное при ведении финансовых дел. Характерная история 1783 г.: регистратор Иников не явился на службу и утратил предложение генерал-прокурора с наставлением Экспедиции о вине и соли². В 1803 г. в пьяном состоянии один из столоначальников утратил порученные ему для внесения на почту деньги.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Задуманная как местная коллегия, казенная палата быстро растеряла свои коллегияльные признаки, что не могло не сказаться на статусе ее членов. Невысокое жалование в соединении с угрозой высоких штрафов за принятие неверных решений было одной из причин быстрой смены кадров палаты. Еще сильнее это сказывалось в среде канцелярских чиновников. Не только от чиновников канцелярии, но и от членов палаты при этом не требовалось особых знаний и профессионального опыта. Невзирая на

¹ РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 6. ЛЛ. 45об – 46.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 131-132.

особую ответственность своих функций, от которых зависело финансовое благополучие губернии и империи в целом, казенные палаты в отношении состава чиновников и условий несения ими службы мало чем отличались от других губернских учреждений конца XVIII – начала XIX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Наука, 1978. 288 с.
2. Иванов В.А. Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России. Калуга: КГПИ, 1994. 229 с.
3. Иванов В.А. Источники о численном составе чиновников местных московских учреждений середины XIX века // Отечественная история. 2007. № 5. С. 175–187.
4. Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1993. № 6. С. 14–29.
5. Павлова Д.С. Становление и развитие местных финансовых учреждений в России в последней четверти XVIII – первой половине XIX веков (на материалах Верхневолжских губерний): дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2011. 243 с.

REFERENCES

1. Zaionchkovskii P.A. Pravitel'stvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX v [Government of Autocratic Russia in XIX Century]. M., Nauka, 1978. 288 p.
2. Ivanov V.A. Gubernskoe chinovnichestvo 50–60 gg. XIX v. v Rossii [Provincial Officials of 50-60 s of the XIX Century in Russia]. Kaluga, KGPI, 1994. 229 p.
3. Ivanov V.A. Istochniki o chislennom sostave chinovnikov mestnykh moskovskikh uchrezhdenii serediny XIX veka [Sources on the Numerical Strength of the Officials of Local Institutions of Moscow, Mid-Nineteenth Century] // Otechestvennaya istoriya, 2007, no. 5, pp. 175–187.
4. Moryakova O.V. Provintsial'noe chinovnichestvo v Rossii vtoroi chetverti XIX veka: sotsial'nyi portret, byt i nryavy [Provincial Officials in Russia in the Second Quarter of the Nineteenth Century: Social Portrait of Life and Manners] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8: Istoriya, 1993, no. 6, pp. 14–29.
5. Pavlova D.S. Stanovlenie i razvitie mestnykh finansovykh uchrezhdenii v Rossii v poslednei chetverti XVIII – pervoi polovine XIX vekov (na materialakh Verkhnevolzhskikh gubernii): dissertatsiya ... kand. ist. nauk. [The Formation and Development of Local Financial Institutions in Russia in the Last Quarter of XVIII – First Half XIX Centuries (on the Materials of the Upper Volga Provinces): thesis ...PhD in History.]. Yaroslavl, 2011. 243 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьев Ян Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: solyan@yandex.ru

Soloviev Yan V. – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia of the Middle Ages and New Times, Moscow Region State University;
e-mail: solyan@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Соловьёв Я.В. Чиновники Московской казенной палаты в конце XVIII – начале XIX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 1. С. 52–59.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-52-59

CORRECT REFERENCE

Y. Soloviev. Officials of the Moscow state chamber at the end of XVIII – early XIX centuries // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 1, pp. 52–59.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-52-59

УДК 94(47).083(Р473.1)

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-60-70

ПОРЯДОК СОСТАВЛЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СПИСКОВ В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Порошкова Т.М.

Государственный социально-гуманитарный университет

140411, Зеленая ул., 30, Коломна, Московская обл., Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена начальному этапу кампании по выборам в I Государственную думу, прошедшей в Московской губернии в соответствии с законодательными актами 11 декабря 1905 г. и 23 апреля 1906 г. С привлечением архивных материалов приведены сведения о формировании и деятельности губернской и уездных избирательных комиссий, проанализировано содержание составленных комиссиями поуездных списков избирателей с учетом количества, возраста, социального статуса, материального положения лиц, допущенных к участию в выборах. Рассмотрены процедуры обнародования списков и разрешения жалоб по их составу. Сделан вывод о влиянии куриальной структуры избирательных списков на ход и результаты выборной кампании по губернии в целом.

Ключевые слова: Российская империя, избирательные комиссии, избирательный список, избирательные курии, предварительный съезд, избирательный ценз.

THE PROCEDURE FOR DRAWING UP ELECTORAL LISTS IN THE I STATE DUMA (ON MATERIALS OF MOSCOW PROVINCE)

T. Poroshkova

State Social-Humanitarian University

30, Zelenaya str., Kolomna, 140411, Moscow region, the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the initial phase of the campaign for the elections in I State Duma held in Moscow province in accordance with the legislative acts of December 11, 1905; and April 23, 1906. Using the archival materials the following information about the formation and the activities of the provincial and district electoral commissions is provided. Besides, the contents of the district voter lists drawn up by the commissions are analyzed, i.e.: the voters' number, their age, and social status, as well as the material situation of the people admitted to take part in the elections. The procedures for the publication of the lists are reviewed. Settlement of complaints according to their composition is also made. The conclusion about the influence of the curia structure of the electoral lists during the election campaign in the province as a whole is made..

Key words: the Russian Empire, election commissions, voting list, electoral curia, pre-congress, voting qualification.

С 1905 г. Российская империя вступила в эпоху политического реформирования. И если попытки властей реализовать в августе 1905 г. «булыгинский проект» провалились, то Манифест 17 октября вкупе с актами 11 декабря 1905 г. и 23 апреля 1906 г. заложили законодательные основы «Думской монархии», функционировавшей (с подновлениями) вплоть до Февраля 1917 г. Среди новаций политической жизни, вызванных появлением Государственной думы, важное место занимали специализированные государственные структуры, созданные на местах для обеспечения важнейшего избирательного права жителей страны, т.е. права избирать и быть избранными в Думу [3, с. 13]. В данном случае речь идет о губернских и уездных избирательных комиссиях (всероссийской комиссии не существовало), одна из задач которых состояла в контроле за правильностью составления списков избирателей и рассмотрении заявлений и жалоб в связи с нарушениями в этом деле.

Научный интерес к избирательным спискам 1906 г. вполне объясним: обратившись к их содержанию, исследователь может получить ценнейшую информацию о деталях реализации этого этапа избирательной кампании. Во-первых, о количестве избирателей, их социальном статусе (и куриальной принадлежности), возрасте и материальном положении. Во-вторых, об эффективности работы избирательных комиссий и манипуляциях в целях исключения неудобных персон или, наоборот, дополнения списков персонами желательными. И, в-третьих, о степени политической активности или абсентеизма населения (здесь полезен ана-

лиз количества и содержания жалоб на работу комиссий).

Отечественная историография темы берет начало с изданий 1906–1917 гг., которые представляли собой как популярные брошюры [18], так и серьезные работы, ориентированные на подготовленного читателя [4; 7]. Для данного времени характерны публикации статистики результатов выборов [17], а также анализ законодательных актов 6 августа и 11 декабря 1905 г., определивших порядок и условия выборов в Государственные думы [2].

В советский период изучение первых избирательных законов происходило неравномерно: если в 1920-х – 1930-х гг. работы на эту тему были единичны [16], то во второй половине XX в. она стала предметом пристального рассмотрения в трудах историков и юристов. По мнению Н.П. Ерошкина, Ф.И. Калинычева и др., акты 6 августа и 11 декабря 1905 г. носили антинародный характер [5; 8]. Но одновременно появлялись исследования, демонстрирующие более взвешенные оценки начального этапа российского парламентаризма [15; 20; 21].

В настоящее время в литературе доминирует представление об избирательной системе, установленной 11 декабря 1905 г., как о наиболее прогрессивной в российской истории до 1917 г. [1; 6]; продолжается изучение предвыборной стратегии и тактики ведущих политических партий дореволюционной России [19]. Что же касается организации региональных избирательных кампаний в I и II Государственные думы, то здесь исследования довольно редки [9; 11]. К сожалению, избирательный процесс на территории Мо-

сковской губернии специалистами ранее не изучался. В данной статье предполагается рассмотреть: законодательную основу формирования избирательных списков, представить и проанализировать общую информацию об избирателях от Московской губернии на выборах в I Государственную думу. Изучение начальной выборной ступени на региональном уровне позволит заполнить существующий пробел в истории первых думских избирательных кампаний в Московской губернии (1906–1907 гг.).

Источниковой базой статьи послужили, во-первых, законодательные акты, регламентирующие думские выборы («Положение о выборах в Государственную Думу» от 6 августа 1905 г., Манифест 17 октября 1905 года, Указ «Об изменении Положения о выборах в Государственную Думу» от 11 декабря 1905 г.). Во-вторых, издававшаяся Московским губернским правлением газета «Московские губернские ведомости» за 1905–1906 гг. На её страницах публиковались поезда списки избирателей, что позволило сформировать и изучить статистическую базу исследования. Но основные сведения были получены при изучении хранящейся в Центральном государственном архиве г. Москвы (ЦГА г. Москвы) делопроизводственной документации Московских губернских по делам о выборах в Государственную думу комиссий 1–3 созывов (ф. 161) и Уездных по делам о выборах в Государственную Думу комиссий 1–2 созывов (ф. 1229–1239). Здесь особенно полезными оказались протоколы заседаний указанных комиссий.

Напомним общие контуры избирательной кампании в Государственную

думу (согласно принятому по проекту Булыгина «Положению» от 6 августа 1905 г.) с обозначением групп населения, имевших избирательное право¹. Выборы производились по губерниям, но особым образом они организовывались в 26 городах Российской империи. В первом случае депутаты избирались на губернских избирательных собраниях под председательством губернского предводителя дворянства, а во втором – на городских избирательных собраниях под председательством городского головы.

В губернские избирательные собрания выборщики предоставлялись от четырех курий: 1) землевладельческой, 2) городской, 3) крестьянской, 4) рабочей. В съездах уездных землевладельцев имели право участвовать представители, владевшие в уезде землей от 100 десятин, горнозаводскими дачами, иным недвижимым имуществом стоимостью по земской оценке не менее 15 тыс. рублей.

В съездах городских избирателей принимали участие лица, владевшие в пределах городских поселений уезда недвижимым имуществом не менее 1500 рублей (по земской оценке), торгово-промышленными предприятиями, причем торгово-промышленные предприятия должны были давать доход свыше 2 тыс. рублей, а промышленные предприятия – содержать не менее 15 рабочих, а также уплачивавшие квартирный налог (не менее 700 руб. в год для губернских городов, не менее 540 руб. – для уездных городов) и промысловый налог (доход промысла не менее 2 тыс. руб.).

¹ Данные, приведенные ниже, указываются в соответствии с цензами по Московской губернии.

Крестьянская курия представлялась в виде уполномоченных от волостей, из расчета по два уполномоченных от каждой волости уезда Московской губернии (крестьяне на волостные сходы посылались решением сельских сходов по 1 от каждых десяти дворов).

По аналогии с крестьянской курией в выборах участвовали рабочие. Избирательное право предоставлялось рабочим «предприятий фабрично-заводской, горной, горно-заводской промышленности, в коих общее число рабочих мужского пола не менее 50, кому бы сии предприятия не принадлежали» [13, с. 42]. Рабочие избирали из своей среды уполномоченных по следующему расчету: от предприятий, где число рабочих мужского пола 50–1000 чел. – по 1 уполномоченному, где свыше 1000 чел. – по одному уполномоченному на каждую полную тысячу. Причем избирались рабочие не младше 25 лет¹ и проработавшие на предприятии не менее 6 месяцев.

Согласно же изменениям в булыгинском «Положении» (были приняты 11 декабря 1905 г.), уездным комиссиям предлагалось составить дополнительные списки избирателей, содержащих категории населения, ранее избирательным правом не обладавших. В городских избирательных съездах выборщиками становились лица, владеющие в пределах города не менее года недвижимым имуществом или торгово-промышленным предприятием, уплачивающие (по вышеназванным

критериям) государственный квартирный налог, основной промысловый налог, наниматели отдельных квартир, получающие пенсию или содержание по службе государственной, земской, городской, в сословных учреждениях и на железной дороге.

Таким образом, благодаря последним изменениям в «Положении» количество избирателей на территории Московской губернии резко возросло. Например, в г. Богородске дополнительный список включал 3599 человек², в г. Коломне – 2797³. Исходя из численности населения Богородска на 1897 г. – 11210 чел. [13, с. 13], можно утверждать, что количество избирателей увеличилось на 29%. Что касается Коломны, где численность населения на 1897 г. составляла 20970 чел. [13, с. 13], то здесь увеличение составило около 16%.

В съездах уездных землевладельцев право голоса предоставлялось лицам, управляющим не менее года имением, обложенного сбором на земские повинности или арендующие таковую. Право участия в предварительных съездах предоставлялось также настоятелям церкви и мелким землевладельцам: от них выбирался один уполномоченный на каждый полный ценз.

Всего, при понижении избирательного ценза и включении в списки по Указу 11 декабря 1905 г. новых категорий населения, численность избирателей выросла на 10–15% [10].

Как видим, в первую избирательную кампанию составление списков избирателей проходило в два этапа: начало первого этапа определяется изданием «Положения» от 6 августа, а второго –

¹ По постановлению Московской губернской комиссии от 1 февраля 1906 г., требование достижения 25-летнего возраста для рабочих, избирающих уполномоченного, не распространялось.

² Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА г. Москвы). Ф. 1229. Оп. 1. Д. 2.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 161. Оп. 1. Д. 11.

вступлением в силу Указа 11 декабря 1905 г. Важность составления списков очевидна вследствие многоступенчатости думских выборов. Согласно законодательству, они составлялись по курИАльному принципу, т.е. определялись списки лиц, имеющих право участия в выборах на съездах уездных землевладельцев, городских избирателей и предварительных съездах.

Списки составлялись (и хранились) уездной земской и городской управами соответственно. В списки вносились все лица, имевшие право участвовать в выборах. Кроме того, внесению в списки подлежали лица, проявившие желание участвовать в выборах по доверенности жен или родителей. Заявление о желании участвовать в выборах подавалось заинтересованным лицом в уездную комиссию, которая рассматривала этот вопрос на заседании и выносила постановление с последующим уведомлением избирателя.

Так как избиратели вносились в списки по местонахождению ценза, а не по месту жительства, если лицо владело несколькими цензами в уезде и в городе, то оно вносилось в список по каждому из съездов. Если же лицо имело право участвовать в выборах в нескольких избирательных участках, то оно должно указать, по какому именно участку его вносить в список (иначе его вносили список по месту жительства). Помимо этого, по постановлению Московской губернской комиссии от 5 января 1906 г.¹, в списки по месту жительства вносились лица, которые уплачивали государству налог либо получали содержание по службе.

В списках указывались фамилия, имя, отчество и ценз избирателя, а

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 161. Оп. 1. Д. 43.

также дополнительно указывалось вероисповедание (православие, магометанство, лютеранство), возраст. Графы «Примечания» использовали, если избиратель участвовал по доверенности либо лишился избирательного права. По ст. 57 «Положения...» необходимые сведения о личных данных избирателя должны были предоставляться должностными лицами (местными податными инспекторами и казенными палатами).

Первоначально составленные списки должны были, согласно «Положению...», публиковаться «за 6 недель до выборов в местных ведомостях» [14, с. 67]. Для Московской губернии таковыми являлись «Московские губернские ведомости». Эта газета выходила дважды в неделю, и в № 81 за 1905 г. (как «Приложения» к официальной части газеты) были опубликованы списки лиц, имеющих право участия в городских избирательных съездах по гг. Клину, Волоколамску, Сергиеву Посаду, Можайску и Серпухову. Списки продолжали публиковаться в № 82 (по Богородскому уезду) и № 83–85 – по остальным уездам Московской губернии (см. табл. 1).

Данные списки вывешивались на всеобщее обозрение в помещениях земских и городских управ. Примерные сроки составления списков и выставления их в соответствующих учреждениях были определены протоколами Московской губернской комиссии: не позднее 13 февраля 1906 г. – составление и опубликование списков по городам и уездам Московской губернии, с 13 февраля по 7 марта – их исправление, с 7 по 14 марта – назначение избирательных съездов. В течение следующих 10 дней необходимо

было рассмотреть выборное производство и опубликовать уже списки выборщиков, а губернские избирательные собрания назначить на 24–28 марта в зависимости от окончания выборов на местах¹. Так, списки по Богородскому уезду были выставлены в земской управе 1 февраля 1906 г.², а выборный процесс начался 3 марта с созыва предварительного съезда мелких землевладельцев, т.е. ранее обозначенного шестинедельного срока, что не противоречило закону (ст. 52, п. 8 «Положения...»). Первые съезды городских избирателей были назначены на 11 марта³.

Жалобы на неправильность составления списков принимались уездными комиссиями в указанный в законе срок (ст. 68 «Положений...»), что, впрочем, имело для законодателя лишь формальное значение, т.к. пропущенный «по неосведомленности избирателя» срок не служил поводом для отклонения комиссией его жалобы или заявления (ст. 52, п.12 «Положений...»). Но на практике подавляющее большинство заявлений о невнесении в списки отклонялись ввиду истечения указанного срока. Согласно «Положению...», заявления должны были подаваться заинтересованными лицами, однако в Богородском уезде комиссия приняла 20 октября 1905 г. Постановление о разрешении подачи жалоб на неправильность составления списков всеми (!) правоспособными лицами⁴. Отметим следующую тенденцию – заявления или жалобы подавались преимущественно мещанами, а также

дворянами, редко – крестьянами. Это объясняется, прежде всего, неправильной (вследствие малограмотности) трактовкой крестьянами текста «Положения...», их слабой осведомленностью о вывешенных в уездных городах «Списках», а также спорностью некоторых пунктов «Положения...» о перечне лиц, имеющих право участия в городских и уездных избирательных съездах.

Списки рабочих, участвующих в выборах, вывешивались по предприятиям «за подписью подлежащего должностного лица фабричного или горного надзора, а в железнодорожных мастерских – начальника мастерской» [14, с. 72]. В «Московских губернских ведомостях» публиковался лишь список промышленных заведений. В итоге, от 284 официально зарегистрированных предприятий было избрано 300 человек (см. табл. 2). Наибольшее количество уполномоченных от рабочей курии учтено в Московском уезде – 122, Богородском – 65 рабочих. Это объясняется высокой концентрацией промышленных предприятий в данных уездах (для сравнения – Можайский уезд не дал ни одного уполномоченного)⁵.

Что касается крестьянской курии, то в неё было избрано 332 уполномоченных от 13 уездов Московской губернии⁶. Наибольшее количество избранных учтено по Бронницкому уезду – 38 человек, 34 и 32 уполномоченных – по Богородскому, Коломенскому и Московскому уездам соответственно, в остальных уездах таковых учтено от 16 до 26 (что связано с упомянутой выше квотой).

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 161. Оп. 1. Д. 43.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 2.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 1.

⁴ Там же.

⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 161. Оп. 1. Д. 8.

⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 161. Оп. 1. Д. 78.

Но не стоит забывать, что часть крестьян участвовала в предварительных съездах мелких землевладельцев и избиралась на последних в качестве уполномоченных. Наибольшее количество мелких землевладельцев приходилось на Московский [12] и Дмитровский¹ уезды – соответственно 3143 и 1076 чел. Столь же высокие (в сравнении с другими уездами) показатели – соответственно 111 и 106 – были здесь и по количеству священнослужителей, которые принимали участие в предварительных съездах землевладельцев. Если рассматривать общее количество крупных землевладельцев по всем уездам, то их количество было приблизительно одинаковым (за исключением Коломенского уезда, где имелись лишь два крупных имения). Интересно, что соотношение мелких землевладельцев к крупным во всех уездах было разным: в Московском, Рузском, Дмитровском уездах оно составляло 1/10, 1/12 и 1/19 соответственно. Обратная ситуация наблюдалась в Верейском, Можайском и Подольском уездах – количество мелких землевладельцев не превышало количество крупных более чем в 2 раза. И здесь свою роль сыграли представители крестьянства, которым было разрешено участвовать в предварительных съездах мелких землевладельцев.

Любопытная тенденция наблюдалась в городах. В окраинных уездах доля избирателей по городам составляла, как правило, менее 20% населения. Например, в Серпухове, Клину, Можайске, Коломне и Верее процент избирателей варьировался от 7 до 17. В Рузском, Богородском, Дмитровском и Звенигородском уездах этот процент был гораздо выше – от 28 до 44.

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 1331. Оп. 1. Д. 5.

Исключением являлся Сергиев Посад, где лишь 5% избирателей участвовало в городском съезде избирателей при численности населения в 25 тыс. человек [13, с. 13]. На наш взгляд, феномен снижения процента избирателей в вышеуказанных городах вызван значительным притоком мигрантов из подмосковных деревень, либо из городов Центральной России в столичную губернию. Эти «новые горожане», закрепившись в городах прибытия, могли не соответствовать критериям «избирателя», перечисленным в «Положении», и потому не получали возможность участвовать в выборах по городам, лишившись и потенциального права избирать по своей курии вследствие отъезда из мест постоянного проживания.

Таким образом, составление списков избирателей являлось важной частью многоступенчатых выборов в I Государственную думу. В Московской губернии количество избирателей в уездах варьировалось в зависимости от их размеров, а также специфики социально-экономической жизни населения (развития промышленности, сельского хозяйства, торговли). В данном случае преобладал Московский уезд, как наиболее развитый в промышленном отношении, хотя и не самый крупный (2393 кв. версты). Что касается своевременности и порядка составления избирательных списков, то уездным по делам о выборах в Государственную Думу комиссиям удалось соблюсти все требования законодательства и не допустить серьезных нарушений, хотя комиссии были вынуждены спешно дополнять такие списки, исполняя требования Указа 11 декабря 1905 г. Все это позволило первой в истории избирательной кампании в Московской губернии завершиться успешно.

Таблица 1

**Количество избирателей по уездам Московской губернии
в I Государственную думу***

Уезды	Городские избиратели		Уездные избиратели			Уполномоченные от	
	Основной список	Дополнительный список**	Мелкие землевладельцы	Крупные землевладельцы	Священнослужители	Крестьян	Рабочих
Богородский	328 – Богородск; 180 – Павловский Посад	3599 – Богородск; 936 – Павловский Посад	377	71	53	34	65
Верейский		646	84	43	38	16	6
Дмитровский		1277	1076/163	58	106	26	15
Звенигородский		1050	514	61	69	14	7
Клинский	104		246	79	18	30	11
Коломенский	386	2797	784	2	–	32	12
Можайский	67	642	110	47	39	18	–
Московский	79	1160	3143	313	111	32	122
Подольский		874***	151	63	81	22	13
Серпуховский		2037	нет сведений			28	22
Рузский		635	827	70	48	20	2

* Сост. по источ.: ЦГА г. Москвы. Ф. 161. Оп. 1. Д. 11; Ф. 1230. Оп. 1. Д. 4, 12, 17; Ф. 1231. Оп. 1. Д. 4, 5; Ф. 1232. Оп. 1. Д. 3, 16, 17; Ф. 1235. Оп. 1. Д. 27; Ф. 1237. Оп. 1. Д. 7; Ф. 1238. Оп. 1. Д. 10, 13; Ф. 1239. Оп. 1. Д. 20, 22 (сведения по Бронницкому и Волоколамскому уездам в ЦГА г. Москвы /ф. 1229-1239/ отсутствуют); Московские губернские ведомости. 1906. № 81–85.

** Список избирателей, составленный после опубликования избирательного закона 11 декабря 1905 г.

*** Количество записок, поданных избирателями на городском съезде.

Таблица 2

**Представительство рабочей и крестьянской курий в выборах
в I Государственную думу по Московской губернии***

Уезды	Количество предприятий	Количество уполномоченных от рабочих	Количество волостей	Количество уполномоченных от крестьян
Богородский	65	65	17	34
Бронницкий	12	14	19	38
Верейский	5	6	8	16
Волоколамский	4	4	11	22
Дмитровский	15	15	13	26
Звенигородский	7	7	8	14
Клинский	11	11	10	20
Коломенский	13	19	16	32
Можайский	–	–	9	18
Московский	117	122	16	32
Подольский	13	13	11	22
Рузский	2	2	10	20
Серпуховской	20	22	14	28

* Сост. по источ.: ЦГА г. Москвы. Ф. 161. Оп. 1. Д. 8, ЦГА г. Москвы. Ф. 161. Оп. 1. Д. 78.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аникеев А.С. [и др.] Очерки по истории выборов и избирательного права / Под ред. Н.А. Богодаровой, Ю.А. Веденева. М.: Калуга: Изд. фонд «Символ», 1997. 388 с.
2. Боровиковский А.Л. Законы 6 августа. Практические замечания судьи. СПб.: Тип. Суворина, 1905. 98 с.
3. Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи: воспоминания современников. Материалы и документы / Под ред. д.ю.н. А.В. Иванченко. М.: Рос. центр обучения избирательным технологиям при ЦИК РФ, 2008. 680 с.
4. Езерский Н. Государственная дума первого созыва. Пенза : Тип.-лит. Е.М. Грушецкой, 1907. 201 с.
5. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.
6. Иванов Б.Ю., Комзолова А.А., Ряховская И.С. Государственная Дума Российской империи 1906-1917: Энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 736 с.
7. Каминка А.И., Набоков В.Д. Вторая Государственная дума. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1907. 318 с.
8. Калинычев Ф.И. Государственная дума в России. М.: Госюриздат, 1957. 645 с.
9. Кирьянов И.К. Пермские депутаты Государственной думы. Пермь: Графика, 2006. 80 с.
10. Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты, 1906-1917 гг. Пермь: Изд. Перм. ун-та, 1995. 168 с.
11. Лоскутов С.А. Государственные думы и октябристы Урала (1905-1917). Челябинск: Изд-во Челяб. ун-та, 1997. 90 с.
12. Московские губернские ведомости. 1906. № 83.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Под ред. Н.А. Троицкого. Вып. 2. Население городов по переписи 28-го января 1897 года. СПб.: Центр. Стат. комитет М-ва вн. дел, 1897. 42 с.
14. Положение о выборах в Государственную думу: с разъяснениями Правительствующего сената и Министерства внутренних дел, прил. Циркуляр и инструкций Министерства внутренних дел и циркуляров министерства юстиции. СПб.: М-во воен. дел, 1907. 228 с.
15. Сидельников С.М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М.: МГУ, 1962. 200 с.
16. Слепков А. Классовые противоречия в I Государственной думе. Пг.: Прибой. Ком. ун-т им. Г. Зиновьева, 1923. 147 с.
17. Смирнов А.В. Как прошли выборы во 2-ю Государственную думу. СПб.: Общественная польза, 1907. 294 с.
18. Снарский А.Т. Об участии народа в управлении государством. Исторический очерк. СПб.: Тип-я А.С. Суворина, 1906. 232 с.
19. Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М.: Росспэн, 1996. 240 с.
20. Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией. М. М.: Наука, 1983. 326 с.
21. Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции. М.: Наука, 1987. 157 с.

REFERENCES

1. Anikeev A.S. [i dr.] Ocherki po istorii vyborov i izbiratel'nogo prava [[and others] Essays on the History of Elections and Electoral Law]. Kaluga, izd. fond «Simvol», 1997. 388 p.
2. Borovikovskii A.L. Zakony 6 avgusta. Prakticheskie zamechaniya sud'i. [The Laws of August, 6. Practical Observations of a Judge.]. SPb, Tip. Suvorina, 1905. 98 p.
3. Vybory v I-IV Gosudarstvennye Dumy Rossiiskoi imperii: vospominaniya sovremennikov. Materialy i dokumenty [Election in the I-IV State Duma of the Russian Empire: the Memoirs of Contemporaries. Materials and Documents]. M., Ros. tsentr obucheniya izbiratel'nym tekhnologiyam pri TSIK RF, 2008. 680 p.
4. Ezerskii N. Gosudarstvennaya Duma pervogo sozyva. [The State Duma of the First Convocation.]. Penza, Tip.-lit. E.M. Grushetskoi, 1907. 201 p.
5. Eroshkin N.P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolyutsionnoi Rossii [The History of State Institutions of Pre-Revolutionary Russia]. M., Vysshaya shkola, 1968. 368 p.
6. Ivanov B.YU., Komzolova A.A., Ryakhovskaya I.S. Gosudarstvennaya Duma Rossiiskoi imperii 1906-1917: Entsiklopediya [The State Duma of the Russian Empire, 1906-1917: Encyclopedia]. M., Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2008. 736 p.
7. Kaminka A.I., Nabokov V.D. Vtoraya Gosudarstvennaya Duma. [The Second State Duma.]. SPb, Tip. t-va «Obshchestvennaya pol'za», 1907. 318 p.
8. Kalinychev F.I. Gosudarstvennaya Duma v Rossii [The State Duma in Russia]. M., Gosyurizdat, 1957. 645 p.
9. Kir'yanov I.K. Permskie deputaty Gosudarstvennoi Dumy [The Perm Deputies of the State Duma]. Perm, Grafika, 2006. 80 p.
10. Kir'yanov I.K., Luk'yanov M.N. Parlament samodержавnoi Rossii: Gosudarstvennaya Duma i ee deputaty, 1906-1917 gg. [The Parliament of Autocratic Russia: State Duma and its Deputies, 1906-1917]. Perm, Izd. Perm. un-ta, 1995. 168 p.
11. Loskutov S.A. Gosudarstvennye Dumy i oktyabristy Urala (1905-1917). [The State Duma, the Urals Octobrists (1905-1917).]. Chelyabinsk, Izd-vo CHelyab. un-ta, 1997. 90 p.
12. Moskovskie gubernskie vedomosti [Moscow Provincial Gazette]. 1906. no. 83.
13. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda. [The First General Census of the Russian Empire in 1897.]. No. 2: urban Population according to the census of 28 January 1897. SPb, TSentr. Stat. komitet M-va vn. del, 1897. 42 p.
14. Polozhenie o vyborah v Gosudarstvennuyu Dumu: s raz'yasneniyami Pravitel'stvuyushchego senata i Ministerstva vnutrennikh del, pril. Tsirkulyarov i instruktsii Ministerstva vnutrennikh del i tsirkulyarov ministerstva yustitsii. [The Statute on Elections to the State Duma: with Explanations of the Senate and the Ministry of Internal Affairs, ADJ. Circulars and Instructions of the Ministry of Internal Affairs and Circulars of the Ministry of Justice. SPb.: M-Military]. SPb, M-vo vnutr. del, 1907. 228 p.
15. Sidel'nikov S.M. Obrazovanie i deyatelnost' pervoi Gosudarstvennoi Dumy [The Formation and Operation of the First State Duma]. M., MGU, 1962. 200 p.
16. Slepkov A. Klassovye protivorechiya v I Gosudarstvennoi Dume. [Class Contradictions in the First State Duma.]. Pg. Priboi. Kom. un-t im. G. Zinov'eva, 1923. 147 p.
17. Smirnov A.V. Kak proshli vybory vo 2-yu Gosudarstvennuyu Dumu [The Way the Elections to the 2nd State Duma Took Place]. SPb., Obshchestvennaya pol'za, 1907. 294 p.
18. Snarskii A.T. Ob uchastii naroda v upravlenii gosudarstvom. Istoricheskii ocherk. [On the Participation of People in Government. Historical sketch.]. SPb, Tip. A.S. Suvorina, 1906. 232 p.
19. Tyutyukin S.V., Shelokhaev V.V. Marksisty i russkaya revolyutsiya [Marxists and the Russian revolution]. M., Rosspen, 1996. 240 p.

20. Shelokhaev V.V. Kadety glavnaya partiya liberal'noi burzhuazii v bor'be s revolyutsiei. [The Kadets – the Main Party of the Liberal Bourgeoisie in the Struggle against Revolution.]. М., Nauka, 1983. 326 p.
21. Shelokhaev V.V. Partiya oktyabristov v period pervoi rossiiskoi revolyutsii [The Party of Octoberists during the First Russian Revolution]. М., Nauka, 1987. 157 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Порошкова Тамара Малхазиевна – аспирант Государственного социально-гуманитарного университета (г. Коломна Московской области), учитель истории и обществознания МОУ «СОШ №25» (г. Воскресенск Московской области);
e-mail: poroshkova.tamara@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Poroshkova Tamara M. – Graduate Student of the State Social-Humanitarian University, Kolomna, Moscow Region, Teacher of History and Social Science, MOU "SOSH №25", Voskresensk, Moscow Region;
e-mail: poroshkova.tamara@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Порошкова Т.М. Порядок составления избирательных списков в I Государственную думу (по материалам Московской губернии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 1. С. 60–70.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-60-70

CORRECT REFERENCE

T. Poroshkova. The procedure for drawing up electoral lists in the I State Duma (on materials of Moscow province) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences, 2017, no 1, pp. 60–70.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-60-70

УДК 94(970) 1954-1955

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-71-81

Н.С. ХРУЩЁВ И ПЕРЕХОД К МАССОВОМУ ЖИЛИЩНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Горлов В.Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается практическое решение важнейшей социальной проблемы в послевоенное время – ликвидация острейшего жилищного кризиса в советской стране. В статье рассматриваются причины перехода от сталинского ампира к функционализму. Автор рассматривает переход от перенаселенных коммуналок, барачков, подвалов к отдельным квартирам на одну семью. В статье рассматривается заслуга Н.С. Хрущева к переходу к массовому жилищному строительству. Автор рассматривает позитивные стороны этого перехода.

Ключевые слова: Советский Союз в 50–60-е гг. XX в., Москва, типовое проектирование (в строительстве), индустриальное домостроение, массовое жилищное строительство.

N.S. KHRUSHCHEV AND THE TRANSITION TO MASS HOUSING CONSTRUCTION IN THE SOVIET UNION

V. Gorlov

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article deals with the practical solution of important social problems in the post-war period – the elimination of the acute housing crisis in the Soviet Union. The article discusses the causes of the transition from Stalinist Empire to functionalism. The author examines the transition from overcrowded communal, barracks, and cellars to the individual apartments for one family. The article discusses N.S. Khrushchev's merit to the transition to mass housing construction. The author considers the positive aspects of this transition.

Key words: the Soviet Union in the 50–60s, typical design, industrial housing, mass housing construction.

Послевоенные темпы жилищного строительства не могли даже в малой степени утолить нужду в жилье, которую испытывали советские люди. Даже в столице строилось всего 125000 кв.м. жилья в год [1]. Лишь счастливые граждане проживали в отдельных квартирах: ученые, писатели, известные артисты, начальники, населявшие высотки и сталинские дома с лепниной в окрестностях улицы Горького. Ордера на отдельные квартиры получали также знатные рабочие – стахановцы, ударники труда. Был острейший жилищный кризис и поэтому

даже самые лучшие связи и социальный статус не давали возможности получить отдельную квартиру. Правительственные чиновники тонули в просьбах и жалобах советских граждан на отсутствие подходящего жилья.

Отдельная квартира после войны была для многих граждан настолько недостижимой мечтой, что переполненная коммуналка была не самым худшим вариантом, так как многие москвичи жили в деревянных бараках без всяких удобств, которые топили дровами или углём. Условия жизни в таких бараках иначе как унижительными назвать было нельзя. В те послевоенные годы для обеспечения всех нуждающихся благоустроенным жильем требовалась революция в жилищном строительстве.

В 1956 г. на одного москвича приходилось 5,1 кв.м. жилой площади¹. В разных районах Москвы средняя обеспеченность жилой площадью была ещё ниже. Например, в Октябрьском районе столицы приходилось 4,6 кв.м². В этом районе Москвы насчитывалось 900 строений, находившихся в ветхом состоянии и более 400 – в аварийном³, в которых проживали десятки тысяч человек. Здесь надо добавить, что для выполнения планов реконструкции Москвы необходимо было сносить отдельные здания с предоставлением жителям этих зданий благоустроенных квартир. Например, когда шло строительство стадиона в Лужниках, пришлось переселить около 10 тысяч москвичей⁴. Таким образом, в столи-

це советской страны потребность в жилье была исключительно велика. Миллионы советских граждан жили в крайне стесненных условиях.

Сложные экономические условия на протяжении многих лет, исторические потрясения мирового масштаба не позволяли советским властям в массовом масштабе заняться жилищным строительством, и только со второй половины пятидесятых годов широко развернулась работа по ликвидации нехватки жилищ. Массовое жилищное строительство становится подлинно государственным общенародным делом.

На XIX съезде партии в числе приоритетных задач пятилетки было названо снижение стоимости строительства не менее чем на 20 проц. и развитие нового для того времени индустриального домостроения [5, с. 70].

Через неделю после похорон И.В. Сталина на заседании 4-й сессии Верховного Совета СССР 15 марта 1953 г. в своем первом официальном докладе новый председатель правительства Г.М. Маленков призывал расширить жилищное строительство [14, с. 19]. В советское время жилищная политика часто оказывалась средством, которое помогало властям заручиться поддержкой граждан. После XIX съезда началась подготовка к массовому жилищному строительству индустриальными методами.

В послевоенное время очень остро перед строительной индустрией стоял вопрос закрепления кадров. Текучесть рабочей силы в строительстве была очень большой. На втором Всесоюзном совещании по строительству было отмечено, что со строек ежегодно уходило, в основном в промышленность,

¹Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее – ЦАОПИМ). Ф. 4. Оп. 99. Д. 4. Л. 77.

²ЦАОПИМ. Ф. 78. Оп. 32. Д. 1. Л. 100.

³ЦАОПИМ. Ф. 78. Оп. 31. Д. 7. Л. 165.

⁴ЦАОПИМ. Ф. 78. Оп. 31. Д. 1. Л. 114.

около 700 тысяч рабочих [2, с. 249]. Причинами текучести были неудовлетворительные жилищные условия. До 1951 года московские строители проживали во временных бараках¹. Если раньше в основном на стройках работали строители-сезонники (полурабочие-полукрестьяне), то в 50-е годы стройки имели постоянные кадры строительных рабочих. Чтобы закрепить кадры строителей, в столице для них за 1951–52 гг. построили более 120 пятиэтажных домов². Строительство домов для строителей осуществлялось на западе Москвы, а также в районе пос. Солнцево (на землях колхоза «Заветы Ильича»)³.

Решение жилищной проблемы в послевоенные годы становилось по своему характеру задачей политического значения. Социализм в СССР испытывался на способность в исторически короткие сроки возродить огромную страну из руин и превратить довоенный жилищный фонд.

Огромная заслуга в разворачивании массового жилищного строительства в советской стране принадлежит Н.С. Хрущёву. В качестве первого секретаря МК, а затем ЦК КПСС он лично контролировал ход жилищного строительства, постоянно проводил специальные оперативные совещания с участием министров строительства и промышленности стройматериалов. Гришин В.В. (первый секретарь МК КПСС в 1967–1985 гг.) так вспоминал деятельность Н.С. Хрущёва: «Он очень часто бывал в проектных институтах, на стройках, всегда находил новые интересные решения и затем стремился

полезные опыт и предложения осуществить на практике» [3, с. 147].

В начале 50-х гг. Н.С. Хрущёв, будучи первым секретарем МК ВКП(б), был очень инициативным и активным руководителем. При Н.С. Хрущёве начались поиски создания наиболее дешевого жилья. Н.С. Хрущёв организовал выставку строительных конструкций и строительных материалов прямо во дворе обкома и горкома КПСС и приглашал на эту выставку министров, руководителей райкомов, райсоветов [1]. Таким образом, наглядно демонстрировали всем руководителям возникающие идеи и приглашали к обсуждению.

В аппарате горкома КПСС Н.С. Хрущёв создал отдел строительства и строительных материалов, поставив во главе этого отдела Н.П. Дудорова, работавшего ранее в Министерстве промышленности строительных материалов. Работавший с 1952 г. в МК КПСС вместе с Н.П. Дудоровым Н.А. Рожков (позднее секретарь МК КПСС, ведающий вопросами строительства) характеризовал его как напористого и квалифицированного специалиста, который много сделал для создания московской строительной индустрии. 14 сентября 1950 г. Н.П. Дудоров на имя Н.С. Хрущёва направил записку «О перестройке строительства в стране и о возможности внедрения новых экономических строительных материалов и конструкций и необходимой для этого индустриальной базе». Данная записка была разослана членам Политбюро, союзным ведомствам и она получила одобрение ЦК КПСС [7, с. 299].

В пятидесятые годы наступило время, очень благоприятное для самых смелых изобретений, проектов, нова-

¹ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 91. Д. 6. Л. 136.

² ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 9. Л. 208.

³ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 144. Д. 1. Л. 44–48.

ций. Н.С. Хрущёв был инициатором поиска новых технологий, которые дали бы возможность строить круглый год, быстро и дешево. Н.С. Хрущёв предполагал поставить жилищное строительство на конвейер. Но для этого необходимо было такой конвейер создать и запустить. Для этого в Москве и Подмоскowie в начале 50-х гг. сверхударными темпами строились по типовым проектам два очень крупных завода железобетонных изделий: один на Шелепихе, в районе Красной Пресни, другой – в Люберцах. Основную часть строителей завербовали по оргнабору в городах и селах Московской области, разместив в бараках по 6–8 человек в комнатах [6].

В 1954 г. на встрече с избирателями Н.С. Хрущёв пообещал каждой семье квартиру¹. Как известно, Г.М. Маленков, будучи главой государства, обещал в 2–3 года поднять жизненный уровень. Естественно, Н.С. Хрущёв от его обещаний не мог отставать и начал экономические реформы. Н.С. Хрущёв любил всё делать глобально и ждал очень быстрых результатов. Он сумел почувствовать значительность идеи, созревшей в обществе и превратить эту идею в конкретную задачу управления – развернуть строительство жилья.

Десталинизация в СССР под предлогом борьбы с «украшательством» уничтожила сталинский ампи́р, восстановив в правах функционализм. В советском обществе стал преобладать технократический тип мышления. Функции прежней художественной цензуры выполняли строительные нормы и правила, увязанные с реальной экономикой и реальными чело-

веческими потребностями. Нормирование и унификация строительных материалов, соблюдение норм распределения жилой площади, планировочных норм, норм плотности застройки позволяли все самые важные концептуальные проблемы решать автоматически. Проводились всесторонние исследования, экспериментальные разработки в вопросах архитектурно-планировочных решений конструкций домов, строительных материалов и изделий, вопросах организации и экономики жилищного строительства. Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1954 г. «О развитии производства сборных железобетонных конструкций и деталей для строительства» предусматривало создание в СССР 400 заводов и полигонов сборного железобетона. На XI городской конференции КПСС в январе 1954 г. отмечалось, что руководители мало применяли внедрение железобетона в сооружении зданий². Н.С. Хрущёв открыл шлюзы потока бетона на Москву, коренным образом изменив эту отрасль промышленности строительных материалов. В 1963 г. созданные в Москве 28 специализированных крупных заводов сборного железобетона произвели 3,5 млн. куб.м. изделий – почти в 10 раз больше, чем в 1953 г. [10, с. 3]. Таким образом, переход к типовым домам, собираемым относительно небольшими бригадами, к индустриализации домостроительного производства был исторически неизбежен. При Н.С. Хрущеве этот переход был совершен. Десятки миллионов советских людей впервые ощутили прелесть отдельной квартиры, не обращая внимания на очевидные недостатки домов

¹ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 91. Д. 7. Л. 209.

² ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 90. Д. 1. Л. 27–30.

первого поколения массового жилищного строительства.

Обычно довольно существенные изменения в социальной политике происходили в нашей стране в кризисных ситуациях, делающих необходимым пересмотр отношений между государством и личностью. Подобного рода кризисом в СССР стал XX съезд КПСС в феврале 1956 г. Н.С. Хрущёв на этом съезде резко критиковал Сталина за ужасные условия жизни, навязанные и советским гражданам, и призвал осуществить серьезные реформы в сфере социальной политики. На XX съезде КПСС Н.С. Хрущёв объявил о намерении обеспечить каждую советскую семью квартирой на протяжении ближайших трёх пятилеток [13, с. 13].

Традиционный метод возведения домов из кирпича во многом тормозил темпы строительства. Н.С. Хрущёв считал, что кирпичным строительством с его темпами мы добьемся малого. В начале 50-х гг. в столице кирпичный пятиэтажный дом возводили за два года. Строительство велось по-сезонно, так как зимой строительство прекращали из-за низкого качества построенного зимой. Н.С. Хрущёв понимал, что нужно использовать другой, более быстрый способ постройки, он считал, что кирпич прошлого должен уступить место железобетонным панелям и крупным бетонным блокам – строительному материалу будущего, обеспечивающему внедрение индустриальных методов строительства. На Всесоюзном совещании по строительству в декабре 1954 г. он говорил: «Неправильно то, что в развитии промышленности строительных материалов у нас делался упор на строительстве кирпичных заводов, когда нам

нужно всячески развивать цементную промышленность. В наше время, при наличии бетона, электрических моторов, подъемных кранов и других механизмов, нельзя работать по старинке» [2, с. 385]. Капитальные вложения в промышленность строительных материалов и строительную индустрию на основе решений XX съезда партии резко возросли. 6 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв, выступая на Всесоюзном совещании по строительству, говорил: «Теперь мы имеем новое решение, которое дало нам возможность строить значительно дешевле и быстрее, чем из кирпича. Нужно смелее внедрять новое, а не привязывать себя к кирпичным заводам» [12, с. 5].

Не считаясь с мнением авторитетных специалистов, Н.С. Хрущёв сделал ставку на сборный железобетон. И действительно, при Н.С. Хрущёве Москва деревянная и каменная стала железобетонной. Кирпич не позволял быстро решить исторической важности социальную задачу – переселить миллионы советских граждан из коммунальных квартир, из ветхих зданий в отдельные квартиры. Это было под силу железобетону, точнее, сборному железобетону. В 1960 г. решением бюро горкома партии и исполкома Моссовета строительство кирпичных домов было запрещено¹. В годы семилетки эта отрасль перестала развиваться. Впоследствии пришлось констатировать, что серьезное отставание производства кирпича сложилось «из-за неправильных, субъективных установок на свертывание производства кирпича без учета реальных возможностей и экономической целесообразности» [9].

¹ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 111. Д. 8. Л. 216.

Несмотря на это, был сделан гигантский шаг вперед в развитии промышленности строительных материалов. При Н.С. Хрущёве Советский Союз вышел на первое место в мире по производству сборных железобетонных конструкций и деталей, цемента, шифера, оконного стекла, стеновых и других материалов. Можно смело утверждать, что за десятилетие правления Н.С. Хрущёва промышленность строительных материалов, как крупная отрасль современной тяжелой индустрии, родилась заново и сыграла исключительно большую роль в развитии жилищного строительства в стране. Развитие сборного железобетона, тепло- и звукоизоляционных материалов, рост строительной техники создали самые благоприятные условия для организации промышленного домостроения. Именно железобетон оказался наиболее выгодным для массового поточного индустриального строительства материалов.

Для развития индустриализации строительства требовалось устранить серьезные недостатки в работе проектных организаций. Составлением проектов для жилищного строительства в Москве занималось 360 проектных организаций¹, которые вели «штучное» проектирование жилых домов, что тормозило строительство, повышало его стоимость и не способствовало переводу строительства на более высокий технический уровень.

В 1952–55 гг. последовательно внедрялись элементы типизации в жилищно-гражданское строительство. Было создано Главное архитектурно-планировочное управление, которое объединило организации, разраба-

тывающие проекты жилых домов для Москвы, что значительно расширило область применения типовых проектов. Стали создаваться типовые секции, типовые дома. После 1955 г. начался массовый переход на строительство жилых домов по типовым проектам. В июле 1958 г. вышло Постановление Совмина СССР «О расширении применения типовых проектов в строительстве» [11, с. 335–340], которое поставило задачу сокращения количества типовых проектов. Например, в Москве жилые пятиэтажные дома должны были строиться всего лишь по восьми типовым проектам на базе одной типовой секции [15, с. 19].

При Н.С. Хрущёве совершался настоящий переворот в жилищном строительстве: вместо сооружения кирпичных домов по индивидуальным проектам стали разрабатываться экономичные типовые проекты, предусматривающие максимальное применение прогрессивных сборных конструкций и деталей заводского изготовления. Другими словами, Н.С. Хрущёв поставил задачу – поставить жилье на поток, «печь» квартиры для новоселов как блины, чтобы переселить советских людей из коммунальных в отдельные квартиры. Принцип Н.С. Хрущёва «семье – квартиру» получил одобрение, научное обоснование, а со второй половины 1950-х гг. – и широкое практическое осуществление. Изменение жилищной политики при Н.С. Хрущёве происходило именно в такой последовательности – жилищный проект государства, обслуживание этого проекта социальными науками и его реализация.

Н.С. Хрущёв произвел настоящую революцию в градостроительстве,

¹ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 91. Д. 21. Л. 193.

превратив советского архитектора в инженера, чертёжника. Архитекторы перестали заниматься индивидуальным проектированием, делая типовые дома, привязывая их к местности. Напор Н.С. Хрущёва, надо отдать ему должное, возымел действие. Около 98 проц. жилых домов столицы в 1963 г. возводилось по типовым проектам, в 1954 г. по типовым проектам строили только 18 проц. домов [8]. В январе 1956 г. начальник Главмосстроя В.Ф. Промыслов на XII городской партийной конференции заявил: «Мы строили дома по индивидуальным проектам, теперь такой ошибки делать не будем»¹. Практические мероприятия МГК КПСС и Исполкома Моссовета в 1954–1956 гг. обеспечили коренную организационно-техническую перестройку строительной индустрии столицы, начиная с системы строительного проектирования. Неудивительно, что именно Москва, имевшая необходимое оборудование и сырьё и нуждавшаяся в расширении жилищного фонда, стала научным центром индустриализации строительства.

Член Президиума ЦК КПСС Е.А. Фурцева, выступая на пленуме МГК КПСС в январе 1957 г., рассказывала, что ЦК КПСС и СМ СССР всесторонне изучили вопрос перехода к строительству малометражных квартир. Во Францию и другие европейские страны отправились архитекторы и строители, чтобы познакомиться с практикой строительства в этих государствах и единодушно пришли к выводу, надо строить малометражные дома для посемейного заселения, так как именно они давали крупную экономию, необходимую для быстрого улуч-

шения жилищных условий советских граждан. В 1955 г. для ознакомления с зарубежным опытом делегация специалистов в области жилищного строительства во главе с Н.П. Дудоровым (он к тому времени стал заведующим отделом строительства ЦК КПСС) в течение двух месяцев находилась во Франции, Англии, Италии, Голландии, Австрии, посетив 32 города [7, с. 300].

В середине 50-х гг. именно опыт Франции взяли за основу при создании системы массового индустриального домостроения в нашей стране. Первые комплексы крупнопанельных жилых домов в советских городах были почти неотличимы от кварталов в пригородах Парижа. У нас эти незатейливые дома упростили до крайности. Звукоизоляция и теплоизоляция стен были явно недостаточны, а расчетный срок эксплуатации домов – 25 лет был более чем достаточный, так как через 20 лет советские люди должны были жить при коммунизме. Однако во Франции и в других европейских странах этот период существовал относительно недолго. В СССР тенденции типизации, стандартизации, экономичности, индустриальных методов жилищного строительства стали чуть ли не единственным методом строительства квартир массового количества и были вскоре канонизированы, что определило впоследствии отставание архитектурного процесса. Этому способствовал диктат инерционного строительного комплекса, ориентированного на массовое типовое полносборное строительство.

В 1955–1956 гг. Госстрой и Союз архитекторов СССР организовали Всесоюзный конкурс на лучшие типовые проекты для массового жилищного

¹ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 102. Д. 1. Л. 147.

строительства. Всестороннему обсуждению подверглись макеты квартир, которые были созданы на основе лучших проектных решений. В результате этого конкурса появились типовые проекты крупнопанельных жилых домов. Исполком Моссовета в сентябре 1957 г. утвердил обязательную для всех организаций номенклатуру типовых проектов жилых домов, на основе которых были разработаны новые каталоги сборных железобетонных конструкций для индустриального домостроения.

С высокой трибуны XXII съезда КПСС советскому народу торжественно пообещали, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Однако поколение победителей проживало в ветхих бараках и переполненных коммуналках. Н.С. Хрущев предполагал коммунизм встречать через двадцать лет в пятиэтажках. Теперь приходилось считаться с минимальными требованиями благосостояния народных масс, нельзя было отказывать советским людям в удовлетворении его элементарных потребностей ради провозглашения первенства тяжелой промышленности.

В советской стране распространился типовой пятиэтажный дом-коробка без подвала, чердака, с маленькими коридорами и кухнями, совмещенными санузлами и смежными комнатами, с высотой потолков всего 2,5 метра. Архитектурно-художественный облик этих пятиэтажек был очень беден, однако они позволили решить важнейшую социально-политическую задачу – обеспечить массовый переход от комнатного заселения коммунальных квартир к предоставлению большинства семей отдельных квартир.

В Москве осваивалось заводское производство целых блок-квартир с полной внутренней отделкой их на заводах. На июльском 1959 года Пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущёв с восторгом говорил, что «...через год-полтора мы будем жилые дома собирать так же, как производим сборку машин» [4, с. 471]. Строительство пятиэтажек приобрело массовый характер и превратилось в настоящий индустриальный конвейер. Архитектурный процесс предельно был упрощен. Только в Москве было построено более 11 тысяч пятиэтажных домов. Концепция необходимости решения в первую очередь социальных задач с помощью тотальной экономии и максимальной типизации, а не создание полноценной во всех отношениях архитектуры, привело к тому, что в практическом творческом процессе декоративизм сменился техницизмом. В то время такой подход позволил решить поставленные задачи, но механизма обратной связи в систему крупнопанельного индустриального домостроения заложено не было. Заводы не были приспособлены к переходу к гибкой технологии, к новым потребительским качествам домов, к тому же такое положение осложнялось централизацией типового проектирования.

Трудно преувеличить роль Н.С. Хрущёва в развитии советского жилищного строительства в 1950–60-х гг. Пятиэтажки стали памятником культуры своего времени. В повседневный быт советских граждан стало входить то, что было неслыханным при И.В. Сталине, – отдельная квартира на семью. Н.С. Хрущёв произвёл революцию в умах, в этом его заслуга огромна и бесспорна, наступил перелом в психологии, при нём впервые жить

единой коммуной стало не пределом человеческих мечтаний, и каждая советская семья имела право на свою отдельную, личную жизнь.

Острота жилищного вопроса в советском государстве заметно уменьшилась. Пятиэтажки выполнили поставленные задачи: обеспечили дешевизну жилых строений и 25-летний срок эксплуатации. Даже перевыполнили – они простояли уже шестьдесят лет. Поэтому нельзя отрицать успехи, достигнутые в рамках советской модели жилищных отношений. Хрущевские пятиэтажки стали спасением для миллионов советских граждан, живших в подвалах, бараках, перенаселенных коммуналках. Если бы их

не построили, не одно десятилетие миллионы наших граждан жили бы в подвалах. Пятиэтажки стали не только своеобразным памятником архитектуры, но и ещё символом «оттепели». При всех минусах пятиэтажек мы обязаны признать, что для тех условиях реализация такой строительной программы позволила добиться значительного продвижения в решении жилищной проблемы. Они помогли разрядить острейший квартирный кризис, который невозможно было бы решить, если бы сооружали каждое здание по индивидуальному проекту. Время показало, что это было совершенно правильным шагом, прогрессивным решением для того времени.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Вечерняя Москва. 2003. 1 апр.
2. Всесоюзное совещание по строительству (30 ноября – 7 декабря 1954 г.): сокращенный стенографический отчет. М.: Госстройиздат, 1955. 432 с.
3. Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков и А.Н. Косыгина. М.: АСПОЛ, 1996. 336 с.
4. Пленум Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза, 24 – 29 июня 1959 года: стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1959. 831 с.
5. Маленков Г.М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1952. 85 с.
6. Московская правда. 2003. 25 марта.
7. Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных» наркомов. М.: Версты, 1995. 416 с.
8. Правда. 1963. 28 дек.
9. Правда. 1965. 14 янв.
10. Современные конструкции и методы жилищного строительства // Строительство и архитектура Москвы. 1964. № 4. С. 3.
11. Справочник партийного работника. Вып. 2. М.: Госполитиздат, 1959. 839 с.
12. Ставка на сборный железобетон // Архитектура и строительство Москвы. 1958. № 6. С. 5.
13. Хотчинский С. Пути реализации строительной программы // Архитектура и строительство Москвы. 1957. № 2. С. 1–13.
14. Четвертая сессия Верховного Совета СССР: 15 марта 1953. М.: Правда, 1953. 28 с.
15. Этмекджиян А.А. Снижение стоимости жилищного строительства в Москве (Из опыта работы Главмосстроя). М.: Госстройиздат, 1957. 64 с.

REFERENCES

1. Vechernyaya Moskva, 2003, 1 Apr.
2. Vsesoyuznoe soveshchanie po stroitel'stvu (30 noyabrya–7 dekabrya 1954 g.): sokrashchenyi stenograficheskiy otchet [All-Union Meeting on Construction (30 November–7 December 1954): an Abridged Transcript]. M., Gosstroizdat, 1955. 432 p.
3. Grishin V.V. Ot Khrushcheva do Gorbacheva. Politicheskie portrety pyati gensekov i A.N. Kosygina [From Khrushchev to Gorbachev. Political Portraits of the Five General Secretaries and A. N. Kosygin]. M., ASPOL, 1996. 336 p.
4. Plenum Tsentral'nogo Komiteta Kommunisticheskoi Partii Sovetskogo Soyuzu, 24 iyunya 1959 goda: stenograficheskiy otchet. [The Plenum of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 24 June 1959: Verbatim Report.]. M., Gospolitizdat, 1959. 831 p.
5. Malenkov G.M. Otchetnyi doklad XIX s"ezdu partii o rabote TSK VKP(b) [Report to the Nineteenth Party Congress on the Work of the Central Committee of the CPSU(b)]. M., Gospolitizdat, 1952. 85 p.
6. Moskovskaya pravda, 2003, 25 Mar.
7. Nekrasov V.F. Trinadtsat' «zheleznykh» narkomov [Thirteen "Iron" Commissars]. M., Versty, 1995. 416 p.
8. Pravda, 1963, 28 Dec.
9. Pravda, 1965, 14 Jan.
10. Sovremennye konstruksii i metody zhilishchnogo stroitel'stva [Modern Designs and Methods of Housing Construction] // Stroitel'stvo i arkhitektura Moskvy. 1964. no. 4. pp. 3.
11. Spravochnik partiinogo rabotnika. [Handbook of a Party Worker]. Issue 2. M., Gospolitizdat, 1959. 839 p.
12. Stavka na sbornyi zhelezobeton [To Count on Precast Concrete] // Arkhitektura i stroitel'stvo Moskvy. 1958. no. 6. pp. 5.
13. Khotchinskii S. Puti realizatsii stroitel'noi programmy [The Way of Implementation of Construction Programs] // Arkhitektura i stroitel'stvo Moskvy. 1957. no. 2. pp. 1-13.
14. Chetvertaya sessiya Verkhovnogo Soveta SSSR: 15 marta 1953 [The Fourth Session of the Supreme Soviet of the USSR on March 15, 1953]. M., Pravda, 1953. 28 p.
15. Etmekdzhiyan A.A. Snizhenie stoimosti zhilishchnogo stroitel'stva v Moskve (Iz opyta raboty Glavmosstroya) [Reducing the Cost of Housing Construction in Moscow (From Glavmosstroy Experience)]. M., Gosstroizdat, 1957. 64 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета;

e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir N. – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of the History of Russia and Moscow Region, Moscow Region State University;

e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Горлов В.Н. Н.С. Хрущёв и переход к массовому жилищному строительству в Советском Союзе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 1. С. 71–81.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-71-81

CORRECT REFERENCE

V. Gorlov. N.S. Khrushchev and the transition to mass housing construction in the Soviet Union // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 1, pp. 71–81.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-71-81

РАЗДЕЛ II

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.8

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-82-92

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ ЕС «ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО» В ОТНОШЕНИИ МОЛДОВЫ

Лавренов С.Я., Хабалов А.Т.

*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье раскрыты причины, обусловившие появление программы «Восточное партнерство» в отношении ряда постсоветских стран, её сильные и слабые стороны. Авторы выделяют изначально уязвимые стороны Программы, связанные, прежде всего, с игнорированием интересов России при попытке вовлечения постсоветских республик в сферу своего влияния. Проанализированы особенности реализации Программы в отношении Молдовы, активизировавшиеся после прихода к власти в Кишиневе проевропейской коалиции политических партий в 2009 г., раскрыт характер взаимоотношений Брюсселя и Молдовы в рамках «Восточного партнерства», показано основное содержание Соглашения об ассоциации Молдовы и ЕС, подписанного в июне 2014 г., а также непосредственные последствия его реализации в Молдове, усугубившие системный кризис, возникший в ходе реализации официальным Кишиневым евроинтеграционного курса.

Ключевые слова: программа «Восточное партнерство», Соглашение об ассоциации с ЕС, зона всеобъемлющей и глубокой торговли, Молдова.

REALIZATION OF THE EU PROGRAM 'EASTERN PARTNERSHIP' CONCERNING THE REPUBLIC OF MOLDOVA

S. Lavrenov, A. Khabalov

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article reveals the reasons that led to the emergence of the «Eastern partnership» in respect of several post-Soviet countries, analyzing its strengths and weaknesses. The authors identify initial vulnerabilities of the Program which are connected, first of all, with ignoring Russia's interests while trying to involve former Soviet republics in its sphere of influence. The

article analyses the peculiarities of the Program implementation in Moldova, since coming to power in Kishinev Pro-European coalition of political parties in 2009; revealed the nature of the relations between Brussels and Moldova in the framework of «Eastern partnership», shows the main content of the Agreement on Association between Moldova and the EU signed in June 2014, as well as the immediate effects of its implementation in Moldova, which aggravated the systemic crisis that emerged during the implementation by the official Kishinev of the pro-European integration course.

Key words: Eastern partnership Program, Agreement on Association with the EU, zone of all-round and deep trade, Moldova.

Целью статьи является рассмотрение особенностей становления и реализации программы «Восточное партнерство» в отношении Молдовы, её специфики по сравнению с предыдущими европейскими инициативами в отношении постсоветских республик; промежуточных итогов имплементации Соглашения об ассоциации с ЕС, которые привели к нарастанию кризисных явлений в ключевых сферах жизнедеятельности республики.

Формирование программы «Восточное партнерство»

Особенностью программы «Восточное партнерство» является то, что она, с учетом просчетов Европейской политики соседства (ЕПС), изначально задумывалась как многосторонняя программа, опирающаяся на солидную институциональную основу. Низкая эффективность Европейской политики соседства, в первую очередь, как раз и обуславливалась размытостью институциональных основ, слабо адаптированных к специфике стран-соседей.

Ослабляла ЕПС также и то, что эта политика реализовывалась одновременно сразу на нескольких направлениях: восточном и южном (средиземноморском). На южном направлении она оказалась более плодотворной благодаря большей продуманности, что

позволило ей, в дальнейшем, трансформироваться в полноценную международную организацию Союз для Средиземноморья¹. Что касается восточного направления, то здесь успехи ЕПС выглядели значительно скромнее. В частности, здесь так и не произошло ожидаемой «демократизации» (по западным стандартам) постсоветского пространства – в этом субрегионе, вместо предполагаемого, возникли псевдodemократические (Украина, Армения), авторитарные (Белоруссия, Грузия, Азербайджан) политические режимы, а в Молдове к власти пришла, пусть и мутировавшая в политическом отношении, партия коммунистов (2000–2008 гг.) В целом, большинство «восточных соседей», заключившие с Европейским Союзом индивидуальные «Планы действий» в рамках ЕПС, не добились ни верховенства закона в политико-правовой жизни, ни утверждения европейских (пусть декларативных) принципов в государственном управлении. В ходе реализации ЕПС не удалось также разрешить ни один из «замороженных» конфликтов

¹ Союз для Средиземноморья – международная организация, объединяющая страны Средиземноморья и страны, входящие в Европейский Союз, существует с 2008 г. Отношения входящих в союз стран развиваются в рамках так называемого Евро-Средиземноморского партнерства.

(Приднестровье, Нагорный Карабах, Абхазия). Несмотря на это, Брюссель не отказался от стремления к интеграции постсоветских республик.

Инициативная роль в запуске новой инициативы принадлежала Польше и Швеции (а также стоявших за ними прибалтийских республик) заинтересованных в том, чтобы за счет реализации Программы усилить свои позиции в Восточной Европе и на Южном Кавказе и, тем самым, повысить свою значимость в рамках ЕС. Запуск программы «Восточное партнерство» был ускорен российско-грузинским конфликтом (август 2008 г.), продемонстрировавшим нежелание России впредь оставаться в роли стороннего наблюдателя безостановочного расширения ЕС и НАТО в восточном направлении. Брюссель был также, в немалой степени, встревожен масштабами экспансии российского бизнеса в постсоветские республики, что закрепляло их в сфере влияния Москвы.

В отличие от ЕПС, политика Восточного партнерства (ВП) в ходе своей реализации предполагала заключение со странами-участниками Соглашения об ассоциации (взамен ранее заключенных Соглашений о партнерстве и сотрудничестве, СПС). В рамках Соглашений об ассоциации предусматривалось создание зоны свободной торговли (*Deep and Comprehensive Free Trade Areas*), обнуление пошлин в двусторонней торговле, сближение стандартов и техрегламентов торговой продукции. В перспективе не исключалось образование «Экономического сообщества Европейского соседства» (*European Neighbourhood Community*).

Сближение ЕС с шестью странами-членами Восточного партнерства

(Украина, Молдова, Беларусь, Грузия, Азербайджан и Армения) планировалось осуществлять на основе так называемых «тематических платформ», к которым были отнесены: демократия; эффективное управление и стабильность; экономическая интеграция и гармонизация национальных и европейского законодательств; энергетическая безопасность; контакты в гуманитарной сфере. Их реализация предполагала значительно более солидное финансовое обеспечение, по сравнению с ЕПС.

Для промежуточной оценки хода реализации Программы предусматривалось проведение раз в два года саммитов глав государств Восточного партнерства (прошли: 7 мая 2009 г. в Праге; 9–10 мая 2011 г. в Будапеште; 22–23 ноября 2013 г. в Вильнюсе; 24–25 мая 2015 г. в Риге), встреч министров иностранных дел стран-членов ВП и стран-членов Европейского Союза с ежегодной периодичностью. Новацией программы Восточного партнерства, по сравнению с ЕПС, стало создание Парламентской ассамблеи Восточного партнерства (*EURO-NEST Parliamentary Assembly*), главной целью которой является гармонизация правовой системы стран-участниц с европейской правовой базой, что должно было привязать страны-партнеры к ЕС. Решению этой задачи должен был также способствовать создаваемый Форум гражданского общества, под эгидой которого должны были объединиться влиятельные неправительственные организации стран ЕС и их партнеров по Восточному партнерству с целью формирования позитивного проевропейского общественного мнения в странах-участницах [5]. Этой же цели

должны были служить долговременные образовательные программы для молодежи из стран-участниц ВП (программа «Эразмус», исследовательские гранты, проведение семинаров, стажировок и конкурсов и др.). Столь солидная институциональная основа, по замыслу, должна была, в конечном итоге, привести не только к экономической, но и политической интеграции участвующих стран с Европейским Союзом.

Программа «Восточное партнерство», однако, изначально содержала немало уязвимых мест. Политика Европейского Союза в отношении «восточных соседей» основывалась на необоснованном убеждении, что все страны-участницы стремятся к скорейшему вступлению в Евросоюз, и, соответственно, будут готовы выполнить любые условия, выдвинутые ЕС, тогда как, на самом деле, степень притягательности Европейского Союза существенно различалась применительно к конкретным государствам. Объективно ослабляло программу «Восточное партнерство» также то, что она реализовывалась одновременно с другими широкомасштабными проектами – Черноморским форумом (Черноморская синергия, май 2007 г.), Союзом для Средиземноморья (2008 г.) и Северным измерением, что неизбежно приводило не только к распылению сил и средств, но и порождало соперничество между инициаторами этих программ внутри ЕС.

В подобном контексте новая «восточная политика» Европейского Союза могла рассчитывать на успех лишь в том случае, если бы были преодолены противоречия между ведущими странами ЕС (Германией, Францией и Италией) относительно приоритетов ев-

ропейской внешней политики. Этого, однако добиться не удалось, что стало очевидным уже на учредительном саммите Восточного партнерства, состоявшегося в Праге 7 мая 2009 г., где из крупных игроков ЕС присутствовала лишь Германия. Берлину страны-инициаторы «Восточного партнерства» (Польша, Швеция и примкнувшие к ним прибалтийские республики) отводили роль локомотива в реализации новой программы. Обосновывалось это не только доминирующим положением Германии в ЕС, но и «особыми», на тот момент, отношениями Германии и России, что, казалось, могло бы способствовать нейтрализации предполагаемой негативной реакции со стороны последней. Что касается Польши, то она намеревалась осуществлять своего рода «опекунство» над наиболее важными и одновременно «проблемными» участниками Программы, Украиной и Беларусью. Схожую функцию относительно Молдовы намеревалась возложить на себя Румыния.

Реализация программы «Восточное партнерство»

Реализация программы ВП началась в неблагоприятной для ЕС обстановке, обусловленной нарастанием кризисных явлений в мировой экономике. Как следствие, с самого начала не удалось выделить для проекта намеченного финансирования, что не лучшим образом сказалось на репутационном имидже программы. Благодаря этому тематика, связанная с данной программой, практически отсутствовала в повестке дня Совета Европейского Союза даже во время председательства Стокгольма (вторая половина 2009 г.).

Относительный прогресс в реализации Программы наметился лишь в 2011 г., когда в Совете ЕС поочередно председательствовали Венгрия и Польша, однако он натолкнулся на усилившую оппозицию со стороны России. Несмотря на попытки ЕС убедить последнюю в отсутствии антироссийской направленности проекта, Москва, без основания, расценила данную инициативу как попытку окончательно закрепить постсоветские республики в сфере влияния Евросоюза, игнорируя при этом как её политические так и торгово-экономические интересы.

Обструкционистская позиция России, концептуальная противоречивость и недостаточное финансирование стали причиной того, что программа «Восточное партнерство» стала пробуксовывать. Пришедший к власти на Украине в феврале 2010 г. В. Янукович, поддерживая в своей публичной риторике европейские «ценности», в политической практике акцентировал внимание на то, что Украина должна получить значительно большие дивиденды от участия в программе. Вопрос перед ЕС ставился о масштабной финансово-экономической помощи и гарантиях вступления Украины в Евросоюз [6].

Армения воздерживалась от декларирования своей приверженности евроинтеграционному курсу, рассчитывая при этом на то, что участие в программе поможет ей диверсифицировать внешнеэкономические контакты, а также добиться визовой либерализации с ЕС. Что касается Азербайджана, то он продолжал придерживаться принципа «разновекторной» внешней политики. Осознавая заинтересованность Евросоюза в

энергоресурсах Азербайджана, Баку рассчитывал во взаимоотношениях с ЕС на дополнительные инвестиции и визовую либерализацию [7].

Еще более сдержанную позицию в отношении новой инициативы ЕС заняла Беларусь. Минск был заинтересован, прежде всего, в том, чтобы через участие в программе прорвать внешнеполитическую изоляцию со стороны Европейского Союза. Кроме того, участие в ВП являлось серьезным аргументом в переговорном процессе с Москвой. Однако этим планам мешало то, что между Беларусью и ЕС отсутствовало базовое Соглашение о партнерстве и сотрудничестве [6]. В свою очередь, Грузия, несмотря на более чем активную риторическую поддержку ВП, была разочарована тем, что ЕС не смог, в должной мере, как представлялось Тбилиси, поддержать её переговорную позицию в ходе российского-грузинского конфликта 2008 г. [7].

Роль и место Молдовы в обновленной «восточной» политике ЕС

Лишь правительство Молдовы, представленное сформированным после парламентских выборов 2009 г. «Альянсом за европейскую интеграцию», несмотря на предостережения оппозиционных политических партий и экспертного сообщества, демонстративно придерживалось евроинтеграционного курса, вводя в заблуждение молдавское общество заявлениями о том, что программа ВП является необходимым шагом на пути к членству страны в ЕС. Неукоснительная лояльность официального Кишинева, заинтересованного в европейских грантах

и кредитах, стала интерпретироваться евроструктурами в качестве «истории успеха» ВП применительно к Молдове [8]. Необходимо отметить, что «Альянс за европейскую интеграцию» пришел к власти при весьма сомнительных обстоятельствах, в результате массовых беспорядков, произошедших в Кишиневе 7 апреля 2009 г., после того как проевропейские партии поставили под сомнение прозрачность прошедших выборов в молдавский парламент, в результате которых, по предварительным результатам, победила партия коммунистов. Последовавшие протестные акции молодежи, благодаря тому, что протестующие активно пользовались для координации своих действий социальными сетями и службами мгновенного обмена сообщениями, получили наименование «твиттерной» революции – как очередной разновидности «цветной» революции. После того, как, с помощью правоохранительных органов, беспорядки были прекращены, был проведен пересчет голосов, подтвердивший, что победу одержала партия коммунистов, получившая 60 мандатов в молдавском парламенте. Однако для избрания президента Молдавии требовалось три пятых депутатских голосов (61 из 101). Две попытки избрать президента, вследствие бойкота голосования, ни к чему не привели. Как следствие, парламент был распущен и были назначены новые парламентские выборы, состоявшиеся 29 июля 2009 г. По итогам выборов, партия коммунистов, утратив большинство в парламенте, была вынуждена перейти в оппозицию. В Молдове был создан Альянс «За европейскую интеграцию» (АЕИ), в составе четырех партий: (Либераль-

но-демократической, Либеральной, Демократической и альянса «Наша Молдова»), сформировавших проевропейское правительство.

Если в период правления партии коммунистов Молдова не имела последовательного внешнеполитического курса, балансируя между ЕС и СНГ, то с приходом к власти проевропейской коалиции дрейф Молдовы в сторону ЕС резко ускорился. Необходимо отметить, что для этого ранее были сформированы институциональные предпосылки. В 2004 г. между ЕС и Республикой Молдова было подписано базовое Соглашение о партнерстве и сотрудничестве. Принятый затем План действий Европейский Союз – Республика Молдова, рассчитанный на три года, представлял собой своеобразную «дорожную карту» европеизации Молдовы. Главными его целями провозглашались: продвижение общих («европейских») ценностей и осуществление соответствующих политических, экономических и институциональных реформ; установление более тесных отношений между РМ и ЕС в области политики и безопасности, трансграничное сотрудничество в разрешении Приднестровского конфликта; сближение национального законодательства, применяемых правовых норм и стандартов с европейскими.

Во многом План действий носил односторонний характер, содержащий обязательства прежде всего для Молдовы. Брюссель, в качестве встречного обязательства, возложил на себя расширение финансовой поддержки и предоставление Молдове автономных торговых преференций (АТП) с 2007 г., в рамках которых были введены льготные квоты на поставку молдавской

продукции, не облагаемой таможенными пошлинами, на европейские рынки. Тревожным сигналом для Кишинева стало то, что Молдова систематически не смогла выбирать выделенные квоты. В частности, в 2012 г. пшеницы было поставлено в пределах 50% выделенной квоты, сахара – 82%, и даже известные молдавские виноделы сумели поставить в ЕС только 90% от предоставленного объема алкогольной продукции [1, с. 3]. В первую очередь, это было обусловлено несоответствием молдавской товарной продукции техрегламентам и фитосанитарным нормам, принятым в ЕС. В этих условиях около 30% ВВП Молдовы по-прежнему составляли денежные переводы из-за рубежа, преимущественно из Российской Федерации, где трудились примерно 500–700 тыс. из 1 млн трудовых мигрантов – граждан Молдовы. В 2012 г., в частности, переводы из-за рубежа выросли на 3,5%, по сравнению с 2011 г. [1, с. 4]. Социально-экономическая обстановка в стране постепенно ухудшалась. Согласно результатам социологического опроса, проведенного с 12 по 16 марта 2013 г. Институтом маркетинга и опросов IMAS по заказу телеканала Publika, 86% граждан считали, что страна движется в неверном направлении [2, с. 65]. Если в годы правления партии коммунистов (2001–2008 гг.), в той или иной степени идею европейской интеграции поддерживали около 70% населения, то в настоящее время таковых наберется едва ли 40–45%. И это при том, что Молдова из числа стран-участниц являлась самым крупным бенефициаром средств, выделенных на программу «Восточное партнерство».

Несмотря на то, что евроинтегра-

ционная идея, казалось, должна была цементировать действующую власть, среди проевропейской правящей коалиции, погрязшей в коррупционных схемах и распределении государственных должностей, единство отсутствовало. 5 марта 2013 г., после того, как молдавский парламент вынес вотум недоверия правительству, возглавляемому Вл. Филатом (лидер Либерально-демократической партии), в Молдове разразился острый политический кризис [2, с. 62]. Евроинтеграционные устремления Молдовы, широко разрекламированные Брюсселем в качестве «истории успеха», оказались под угрозой. Временным выходом из положения стало формирование технического правительства (на основе воссозданного Альянса за европейскую интеграцию) во главе с министром иностранных дел Ю. Лянкэ, назначенного в ноябре 2013 г. с главной целью – парафировать Соглашение об ассоциации с ЕС, что и произошло в ноябре 2013 г.

На сегодняшний день официальное разъяснение относительно того, что представляет собой ассоциация с ЕС как договорно-правовой механизм отсутствует. Содержание соответствующего договора в каждом случае имеет свою специфику, продиктованную, прежде всего, интересами Евросоюза. Безусловно, понятие «ассоциация» означает более тесную связь страны с Евросоюзом, чем «партнерство» или «сотрудничество», предполагает фактическое вовлечение государства-неофита в политико-экономическую орбиту Европы – в данном случае, подчиненность молдавского правительства наднациональным органам, Совету ассоциации ЕС и Комитету по

ассоциации с ЕС, решения которого обязательны для государств-участников Соглашения. По сути дела, это означает не что иное, как «мягкую» форму ограничения суверенитета Молдовы.

Бизнес-сообщество Молдовы не скрывало своей обеспокоенности изначально неравноправными условиями подписанного Соглашения об ассоциации. Так, глава ассоциации сельхозпроизводителей Uniagroprotect Александр Слусарь подчеркивал, что в странах Евросоюза государственные субсидии для сельскохозяйственной отрасли составляют 250 евро на гектар, тогда как в Молдове этот показатель равен всего лишь 18 евро [4].

В подобных условиях либерализация рынка Молдовы должна была привести не просто к ужесточению конкуренции, но к «конкурентному шоку», особенно в агропромышленном секторе – разорению и ухудшению финансового положения сельхозпредприятий в наиболее уязвимых секторах (производство мяса, сахара, молочной и плодоовощной продукции). Закреплению подобной тенденции способствовала либерализация торговли с Турцией, соглашение о создании зоны свободной торговли с которой Молдова заключила одновременно с либерализацией рынка с ЕС.

Неутешительные итоги

Крайне неблагоприятным последствием подписания Соглашения об ассоциации для Молдовы стали ожидаемые защитные меры со стороны стран Таможенного союза, прежде всего Российской Федерации, которая в июле-августе 2014 г., накануне имплементации с 1 сентября Соглаше-

ния об ассоциации, ввела ограничения на ввоз из Молдовы некоторых видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Это решение обуславливалось высокой вероятностью использования молдавскими экспортерами различных схем реэкспорта в РФ европейских товаров (под видом реэкспорта из других стран). Если бы этот вопрос был решен предварительно, скорее всего, Москва не стала бы вводить столь жесткие ограничения на ввоз товаров из Молдовы. Однако двусторонние переговоры по этим вопросам не проводились из-за нежелания правящего режима Молдовы (под давлением евроструктур) идти на какие-либо переговоры с Москвой. С 21 июля 2014 г. из-за нарушений фитосанитарных требований Россельхознадзор ввел временные ограничения на ввоз из РМ фруктов (яблок, груш, айвы, сливы, вишни, черешни и др.), чуть позже – консервированной плодоовощной продукции. Как следствие, в течение 2014 и 2015 гг. молдавский экспорт в Российскую Федерацию снизился примерно на треть по сравнению с периодом, предшествовавшим подписанию Соглашения.

При этом потери, понесенные Молдовой в результате сокращения экспорта в РФ, не были компенсированы, как декларировалось Кишиневым, за счет увеличения экспортного потока в страны Евросоюза. Торговые потери на Востоке оказались намного больше иллюзорных приобретений на Западе. Фактически это означало фиаско проевропейской политики Кишинева. Некоторые из неутешительных итогов деятельности за шесть лет правления проевропейского политического режима представлены в таблице [3].

Таблица

**Сравнительные макроэкономические показатели Молдовы
в годы правления проевропейской коалиции**

Показатели	ноябрь 2009 г.	ноябрь 2015 г.
ВВП	5 439 млрд. долл	2 млрд 644 млн долл (1-й квартал 2015 г.)
Курс лея	11. 05 лея за 1 долл США	20.02 лея за 1 долл США
Внешний долг	796 млн долл	1 млрд. 83 млн долл (1-й квартал 2015 г.)
Инфляция	0,4%	13,2%
Безработица	6,4%	8,5%

Главная причина того, почему Молдова не получила широко разрекламированных преференций от зоны свободной торговли с ЕС, обусловливается неготовностью Молдовы к равноценной торговле на рынках стран ЕС, далеко не полным соответствием товарного экспорта требованиям, предъявляемым к европейской системе технического регламентирования, стандартизации и сертификации. Немалую роль сыграло то, что зона свободной торговли с ЕС существенно отличается от зоны свободной торговли, функционирующей в рамках СНГ. Режим свободной торговли, применяемый в СНГ, носит стандартный характер и ограничивается рамками таможенных пошлин. Что касается углубленной и всеобъемлющей зоны

свободной торговли, то здесь торговый режим регулируется не только пошлинами, но и предполагает существенные внутренние реформы. Страна-подписант в обязательном порядке должна гармонизировать свою правовую систему (причем не только в сфере регулирования экономических, но, в определенной степени, и политических отношений) с нормами ЕС. Это лишний раз, подтверждает, что Соглашение об ассоциации Молдовы с ЕС диктовалось, прежде всего, геополитическими соображениями, обусловленными стремлением вывести эту бывшую постсоветскую республику из сферы влияния России при сложившихся благоприятных, как казалось Брюсселю, условиях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Блиц-Информ // Молдово-Приднестровский регион: информационно-аналитический мониторинг. 2013. № 1–2 (11–12). С. 2–16.
2. Как изменилась Молдова с 2009 года [Электронный ресурс] // Actualitati.md [сайт]. URL: <http://actualitati.md/ru/kak-izmenilas-moldova-s-2009-goda> (дата обращения: 28.01.2017).
3. Лавренов С. Политический кризис в Молдове // Молдово-Приднестровский регион: информационно-аналитический мониторинг. 2013. №1–2 (11–12). С. 62–65.
4. Эксперты: Открытие молдавского рынка для ЕС вызовет «конкурентный шок» [Электронный ресурс] // Новый день [сайт]. URL: <http://newdaynews.ru/kishinev/465773.html> (дата обращения: 28.01.2017).
5. Boonstra J., Shapovalova N. The EU's Eastern Partnership: One year backwards [Электронный ресурс] // Fundación para las Relaciones Internacionales y el Diálogo Exterior

- (FRIDE) [сайт] [17.05.2010]. URL: <http://www.fride.org/publication/764/the-eu's-eastern-partnership:-one-year-backwards> (дата обращения: 14.02.2017 г.)
6. The future of the Eastern Partnership: Challenges and Opportunities [Электронный ресурс] // Fundación para las Relaciones Internacionales y el Diálogo Exterior (FRIDE) [сайт]. [24.02.2010]. URL: <http://www.fride.org/publication/726/the-future-of-the-eastern-partnership:-challenges-and-opportunities> (дата обращения: 17.02.2017 г.)
 7. Mikhelidze N. Eastern Partnership and conflicts in the South Caucasus: old wine in new skins? [Электронный ресурс] // Istituto Affari Internazionali [сайт]. URL: <http://www.iai.it/sites/default/files/iai0923.pdf> (дата обращения: 03.02.2017 г.)
 8. Longhurst K., Nies S. Recasting relations with the Neighbours – Prospects for the Eastern Partnership [Электронный ресурс] // IFRI [сайт]. URL: http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/Europe_Visions_4.pdf (дата обращения: 09.02.2017 г.)

REFERENCES

1. Blits-Inform [Blitz-Inform] // Moldovo-Pridnestrovskii region: informatsionno-analiticheskii monitoring, 2013, no. 1–2 (11–12), pp. 2–16.
2. Kak izmenilas' Moldova s 2009 goda [Elektronnyi resurs] [How has Moldova in 2009 [Electronic Source]] Actualitati.md [sait]. [Actualitati.md [website]]. URL: <http://actualitati.md/ru/kak-izmenilas-moldova-s-2009-goda> (request date 28.01.2017).
3. Lavrenov S. Politicheskii krizis v Moldove [The Political Crisis in Moldova] // Moldovo-Pridnestrovskii Region: informatsionno-analiticheskii monitoring, 2013, no. 1–2 (11–12), pp. 62–65.
4. Eksperty: Otkrytie moldavskogo rynka dlya ES vyzovet «konkurentnyi shok» [Elektronnyi resurs] [Experts: the Opening of the Moldovan Market for the EU will Cause "Competitive Shock" [Electronic Source]] Novyi den' [sait]. [New day [website]]. URL: <http://newdaynews.ru/kishinev/465773.html> (request date 28.01.2017).
5. Boonstra J., Shapovalova N. The EU's Eastern Partnership: One year backwards [Elektronnyi resurs] Fundación para las Relaciones Internacionales y el Diálogo Exterior (FRIDE) [website] [17.05.2010].]. URL: <http://www.fride.org/publication/764/the-eu's-eastern-partnership:-one-year-backwards> (request date 14.02.2017).
6. The future of the Eastern Partnership: Challenges and Opportunities [Elektronnyi resurs] [Fundación para las Relaciones Internacionales y el Diálogo Exterior (FRIDE) [website]. [24.02.2010]]. URL: <http://www.fride.org/publication/726/the-future-of-the-eastern-partnership:-challenges-and-opportunities> (request date 17.02.2017).
7. Mikhelidze N. Eastern Partnership and conflicts in the South Caucasus: old wine in new skins? [Elektronnyi resurs] Istituto Affari Internazionali [sait]. [Istituto Affari Internazionali [website].]. - URL: <http://www.iai.it/sites/default/files/iai0923.pdf> (request date 03.02. 2017)
8. Longhurst K., Nies S. Recasting relations with the Neighbours – Prospects for the Eastern Partnership [Elektronnyi resurs] IFRI [sait]. [IFRI [website]]. URL: http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/Europe_Visions_4.pdf (request date (date accessed: 03.02. 2017)).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лавренюв Сергей Яковлевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: lavrs2009@yandex.ru

Хабалов Алан Теймуразович – соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: habalov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lavrenov Sergey Ya. – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Chair of Political Sciences and Law, Moscow Region State University;
e-mail: lavrs2009@yandex.ru

Khabalov Alan T. – Seeker for Candidate Degree, the Chair of Political Sciences and Law, Moscow Region State University;
e-mail: habalov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Лавренов С.Я., Хабалов А.Т. Реализация программы ес «восточное партнерство» в отношении Молдовы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 1. С. 82–92.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-82-92

CORRECT REFERENCE

S. Lavrenov, A. Khabalov. Realization of the eu program ‘Eastern partnership’ concerning the Republic of Moldova // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 1, pp. 82–92.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-82-92

УДК 324

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-93-100

ТЕНДЕНЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ

Хуррамов Х.Х.

Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая 13, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье рассматривается тенденция конституционных изменений с момента обретения независимости Кыргызстана. Анализируются поправки, касающиеся распределения властных полномочий между парламентом и президентом со времени первого президента Кыргызстана А. Акаева. Рассматриваются конституционные реформы, проведенные вторым президентом К. Бакиевым. Делается анализ последней Конституции, принятой в 2010 г., а также нового проекта Конституции, который будет рассмотрен на референдуме в декабре 2016 г., с точки зрения баланса сил между парламентом и президентом. Исследуется их влияние на политический режим.

Ключевые слова: Конституция, Кыргызстан, конституционная реформа, президент, парламент, оппозиция, политический режим.

THE TENDENCY OF CONSTITUTIONAL CHANGES IN KYRGYZSTAN AND ITS IMPACT ON THE POLITICAL REGIME

Kh. Khurramov

People's Friendship University of Russia

Russian Federation, Moscow, Miklukho-Maklaya St. 13, 117198

Abstract. This article scrutinizes the trend of constitutional changes which started when Kyrgyzstan got its Independence. This article also analyzes the amendments concerning the distribution of power between the parliament and the president since the period of the first President of Kyrgyzstan Askar Akayev. The constitutional reforms carried out by the second President, Kurmanbek Bakiyev, are also studied. The last Constitution adopted in 2010 is analyzed, as well as the new draft of the Constitution, which was considered in a referendum in December 2016 in terms of balance of power between the parliament and the president. Their influence on the political regime is also analyzed .

Key words: Constitution, Kyrgyzstan, constitutional reform, president, parliament, opposition, political regime.

Политическое развитие Кыргызстана уникально для Центральной Азии, эта страна постоянно экспериментирует с конституционным устройством и бросает вызов политической неподвижности и авторитаризму в регионе. За короткий

постсоветский период она сменила три республики – режимы А. Акаева, К. Бакиева и установила парламентско-президентскую форму правления. В истории постсоветского Кыргызстана было представлено до семи различных вариантов конституционного устройства [6, с. 53].

После принятия в 2010 г. последней Конституции в Кыргызстане правящая элита, закрепившая парламентско-президентскую форму правления, по прошествии шести лет заговорила о ее несовершенстве и поставила на повестку дня очередную – восьмую по счету конституционную реформу. Однако на этот раз мнение части правящей элиты оказывается в противоречии с позицией членов «временного правительства», куда в свое время входил и нынешний президент Кыргызстана А. Атамбаев и которое было сформировано после свержения экс-президента Республики К. Бакиева в апреле 2010 г.

Противники немедленной реформы ссылаются на мораторий на внесение изменений в Конституцию, принятую в 2010 г. на последнем референдуме, и считают недопустимым его нарушение до 2020 г., в соответствии с установленными сроками. Команда президента А. Атамбаева, в свою очередь, настаивает на срочном усовершенствовании конституции и проведении референдума уже в декабре 2016 г.

Прежде чем перейти к оценке нового проекта конституции и балансу ветвей власти в Кыргызстане, рассмотрим всю тенденцию конституционной реформы в республике за постсоветский период и ее влияние на консолидацию политического режима в разные исторические периоды.

Начало процесса

Первые конституционные изменения в суверенном Кыргызстане проходили в мае 1993 г. и закрепили в конституции президентско-парламентскую модель, схожую с российской моделью.

Новая Конституция, принятая в 1993 г., наряду с расширением полномочий президента, создала серьезные инструменты для парламента с целью сдерживания президентской власти. Такой баланс сил в переходном периоде в значительной степени ограничивал политику президента и неизбежно приводил к конфликту, в частности, связанному с вопросами экономических реформ.

Однако впоследствии, при президенте А. Акаеве, в процессе консолидации политического режима, Конституция была подвергнута существенным изменениям, которые главным образом касались распределения полномочий между президентом и парламентом в пользу первого.

Подобные реформы проводились в 1994, 1996, 1998, 2003 гг. и регламентировали отношения между президентом и парламентом, создавая для президента механизм влияния на законодательный орган. Такой механизм строился путем создания двухпалатного парламента, увеличением числа депутатов, которые работали сессионно, происходило изменение избирательной системы под предпочтения президента и т.д. Однако каждый раз реформы встречали значительное сопротивление со стороны оппозиции. Ведь наряду с изменением баланса ветвей власти реформы позволяли президенту баллотироваться, согласно новой Конституции, заново.

После известных «Аксыйских событий» 2002 г. и новых политических противоречий между президентом и оппозицией, первый был вынужден делегировать часть своих полномочий парламенту и закрепить это в проекте новой конституции, которая была принята на референдуме 2003 г. [3, с. 345].

Новая Конституция также позволяла президенту назначать референдум, отправлять в отставку правительства, распускать парламент, а также баллотироваться на четвертый срок, т.к. новый срок можно было начать с новой Конституции [2].

Проведение референдума еще больше усилило противоречия между президентом и оппозицией. В адрес президента все больше слышались обвинения в узурпации власти. После проведения парламентских выборов в феврале 2005 г., по результатам которых оппозиционные партии не прошли в парламент, в стране начался очередной политический кризис, результатом которого стало свержение режима А. Акаева.

Повторная консолидация

Вопрос конституционной реформы вновь встал на повестку дня после прихода к власти главной оппозиционной фигуры – К. Бакиева.

Новая политическая элита поставила перед собой первостепенную задачу внести изменения и дополнения в конституцию. С этой целью был создан Конституционный совет с участием представителей гражданского общества для обсуждения новых поправок. Обсуждался вопрос о восстановлении первоначальной численности парламента с 75 до 105 депутатов и избрания

2/3 его состава на пропорциональной основе [10, с. 113].

Принятая в конечном счете новая редакция Конституции 2007 г. опять стала предметом перманентного конфликта между президентом и либеральной оппозицией [6, с. 45].

В соответствии с новой редакцией Конституции президент вернул себе право формировать правительство по представлению премьер-министра и распускать парламент в ответ на вынесение вотума недоверия правительству. Повторное вынесение вотума недоверия требовало обязательного принятия решения либо об отставке правительства, либо о роспуске парламента. Таким образом, президентский компонент в новой Конституции по сравнению с поправками 2005–2007 гг. был значительно усилен. Тем самым К. Бакиев вернул себе почти все значимые президентские полномочия: право роспуска парламента в ответ на вынесение вотума недоверия правительству, право не согласиться с решением парламента о вотуме недоверия, право отставки правительства по своему усмотрению без участия парламента [1, с. 163].

Конструкция, выстроенная К. Бакиевым, в том числе путем конституционной реформы, оказалась крайне уязвимой именно потому, что все политические институты (партии, парламента, правительство, выборы, губернаторы) были полностью лишены субъектности. В результате, когда заявленная президентом программа модернизации экономики и повышения уровня жизни граждан обернулась трехкратным повышением тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства, население возложило ответ-

ственность за это исключительно на президента, его сына и их ближайшее окружение. Поскольку все легальные институты несанкционированного политического участия были блокированы правящей элитой, произошел очередной неконституционный захват власти путем переворота [1, с. 170].

Парламентская перезагрузка

После свержения власти временное правительство вместо возврата к Конституции 1993 г. решило предложить собственную конституцию (седьмую по счету), провозгласившую в Кыргызстане парламентскую форму правления. Референдум по принятию Конституции 2010 г. проходил в обстановке непрекращающегося насилия на юге Республики, в условиях чрезвычайного положения [9, с. 126].

Было сформировано Конституционное совещание с целью изменить действующую Конституцию страны и существующую форму правления (с президентской на парламентскую); в связи с этим на 27 июня 2010 г. был назначен общенациональный референдум [5, с. 140].

Конституция, вопреки многочисленным заявлениям о переходе к парламентаризму, закрепила не монистическую, а дуалистическую форму правления, в которой верховенство власти народа было представлено и обеспечено «всенародно избираемыми Жогорку Кенешем и Президентом». По сравнению с предшествующей конституцией, принятые изменения были не столь принципиальны – они ограничивались известным перераспределением власти между президентом и парламентом в пользу последнего (формирование ответственного

правительства), однако в целом это не выходило за рамки смешанной формы правления. Более того, осуществление перераспределения выглядело непоследовательным, поскольку глава государства сохранял контроль над силовым блоком и, следовательно, принцип парламентской ответственности правительства был реализован крайне противоречиво, закладывая возможные конфликты по этой линии в будущем [6, с.116].

Кроме того, согласно конституции, победившей партии, проходившей по 5% порогу, предоставлялось не более 65 мест в парламенте. Депутаты должны были объединяться во фракции, формируя тем самым парламентское большинство и оппозицию в законодательном органе. Таким образом, Конституция заложила такую основу режима, при котором крайне сложно было формировать единое парламентское большинство на межфракционной основе, а также эффективно формировать правительство. Именно по этой причине после 2010 г. в Кыргызстане разваливались шесть коалиций парламентского большинства и семь правительств в результате политических противоречий между партиями.

Фактически неограниченные полномочия парламента – от назначений на государственные посты до определения внутренней и внешней политики, также создавали почву для конфликта между им и президентом по ключевым вопросам внутренней и внешней политики. Однако, несмотря на существующие противоречия, конституционный механизм продолжает функционировать, сдерживая баланс как между регионами, так и между главными политическими акторами.

Повторная реформа

На данном этапе реформирования предлагается внести порядка 30 изменений и дополнений в конституцию Кыргызстана. Лоббистами этих поправок является президент А. Атамбаев и его команда. Инициатива мотивируется усовершенствованием конституции, ликвидацией противоречий в ней, а также переходом на новую стадию развития парламентаризма.

Однако необходимо отметить, что, согласно действующей Конституции, А. Атамбаев не сможет баллотироваться на следующих выборах президента. Представляется, что главной мотивацией изменений является сохранение за президентской командой доступа к административным и финансовым ресурсам, а также обеспечение гарантий президенту от возможного уголовного преследования.

Новая конституционная реформа, главным образом, предполагает усиление позиций премьер-министра за счет ослабления влияния парламента и судебной власти. Согласно новым изменениям премьер-министр имеет право назначать и увольнять министров без одобрения президента и местных советов. Такой механизм вступает в силу в случае задержки подписания соответствующего указа со стороны президента более чем на пять дней [8]. Также уменьшается роль института конституционного надзора, который впредь принимает окончательное решение двумя третями голосов после трех месяцев. Такая поправка на практике позволяет влиять на решение данного органа, тем более, когда глава ГКНБ (Государственный комитет национальной безопасности) и министерство обороны назначаются и снимаются с

должности исключительно указом президента. Силовой блок, таким образом, фактически выходит из подчинения премьер-министра.

Кроме того, новый проект Конституции выстраивает механизм, который позволяет депутатам одновременно быть и членами правительства [8]. Конституция усложняет процессы распада коалиций большинства. Если сейчас для выхода партии из коалиции достаточно заявления лидера партии, то в новой версии потребуется две трети голосов членов фракции, причем каждый депутат должен написать отдельное заявление [7]. Такая мера позволит в будущем создавать более стабильные коалиции, следовательно, и стабильное правительство.

Отличительной особенностью кыргызской Конституции в отличие от соседних республик было то, что она воплощала в себе так называемую модель «новой демократии» – по подобию Польши, Чехии и Венгрии, где предпочтение отдается правам и свободам человека. Так, в области модернизации прав и свобод человека Кыргызстан обогнал всех соседей по региону [4, с. 38]. Однако согласно новому проекту, приоритет прав общества и государства стоит над правами человека, тем самым, трансформируя существующую модель в «восточноазиатскую».

Таким образом, конституционные изменения в постсоветском Кыргызстане происходили по линии взаимоотношений парламента и президента. Попытки укрепления президентской власти через лишения парламента фактической субъектности два раза приводили к разрушению политического режима.

Очевидно, что на этот раз планируется сохранить относительный баланс

между президентом и парламентом с перевесом в сторону первого.

Несмотря на значительное сопротивление со стороны влиятельных кругов и, в первую очередь, бывших соратников президента А. Атамбаева в лице Р. Отунбаевой и О. Текебаева, 11 декабря 2016 г. был проведен референдум.

Согласно результатам, более 79,6% избирателей поддержали новые изменения, 15% – проголосовали против, 5% бюллетеней были признаны недействительными.

Таким образом, новая конституционная реформа в Кыргызстане обрела легитимность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борисов Н.А Курманбек Бакиев как политический преемник Аскара Акаева: провал проекта консолидации политического режима в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. Т. 13. Вып. 3. 2010. С. 159–171.
2. Закон Кыргызской Республики «О новой редакции Конституции Кыргызской Республики» от 18 февраля 2003 года №40, принятый референдумом 2 февраля 2003 года. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1164> (дата обращения: 05.11.2016).
3. Искакова Г. Выборы и демократия в Кыргызстане: конституционный дизайн президентско-парламентских отношений. Бишкек: Бийиктик, 2003. С. 342–348.
4. Курманов З.К Трансформация законодательной власти в Кыргызстане в условиях глобализации // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Т. 13. 2013. № 4. С. 39–39.
5. Мирсайитов И. Новые политические реалии Кыргызской Республики // Центральная Азия и Кавказ. Т. 14. Вып. 1. 2011. С. 139–148.
6. Медушевский А. // Политические режимы Средней Азии: конституционные реформы в рамках авторитарной модернизации // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. №4 (89). С. 5–28.
7. Михайлов Г. Киргизия станет еще более парламентской // НГ электронный ресурс. 2016. URL: http://www.ng.ru/cis/2016-11-02/7_6850_kirgizia.html (дата обращения: 05.11.2016).
8. Проект новой Конституции Кыргызстана: Сравниваем с прежней // Фергана электронный ресурс: 2016. URL: <http://www.fergananews.com/articles/9045> (дата обращения: 05.11.2016).
9. Токтосунова Э.С. Динамика политических процессов в Кыргызстане в условиях системной трансформации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 161. С. 126–131.
10. Эсенбаев А.Э. Особенности развития политического процесса Кыргызстана после «Революции тюльпанов» (2005–2010 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. №6. С. 111–115.

REFERENCES

1. Borisov N.A Kurmanbek Bakiev kak politicheskii preemnik Askara Akaeva: proval proekt konsolidatsii politicheskogo rezhima v Kyrgyzstan [Borisov N. and Khurmanbek Bakiyev as Askar Akayev's Political Successor: the Failure to Consolidate the Political Regime in Kyrgyzstan] // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. Vol. 13, no. 3, 2010, pp. 159–171.
2. Zakon Kyrgyzskoi Respubliki «O novoi redaktsii Konstitutsii Kyrgyzskoi Respubliki» ot 18 fevralya 2003 goda №40, prinyaty referendumom 2 fevralya 2003 goda. [The Law of the Kyrgyz Republic "On New Edition of the Constitution of the Kyrgyz Republic" of 18 February

- 2003 No. 40, adopted by referendum on 2 February 2003]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1164> (request date 05.11.2016).
3. Iskakova G. Vybory i demokratiya v Kyrgyzstane: konstitutsionnyi dizain prezidentsko-parlamentskikh otnoshenii [Elections and Democracy in Kyrgyzstan: Constitutional Design of Presidential-Parliamentary Relations] Bishkek, Biiiktik, 2003, pp. 342–348.
 4. Kurmanov Z.K Transformatsiya zakonodatel'noi vlasti v Kyrgyzstane v usloviyakh globalizatsii [Kurmanov Z. Transformation of the Legislative Power in Kyrgyzstan in the Context of Globalization] // Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta. Vol. 13, 2013, no. 4, pp. 39–39.
 5. Mirsaiitov I. Novye politicheskie realii Kyrgyzskoi Respubliki [The New Political Realities of the Kyrgyz Republic] // T'Sentral'naya Aziya i Kavkaz. T. 14, no. 1, 2011, pp. 139–148.
 6. Medushevskii A. // Politicheskie rezhimy Srednei Azii: konstitutsionnye reformy v ramkakh avtoritarnoi modernizatsii [// Political Regimes of Central Asia: Constitutional Reform in the Framework of the Authoritarian Modernization] // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2012, no. 4 (89), pp. 5–28.
 7. Mikhailov G. Kirgiziya stanet eshche bolee parlamentskoi [Kyrgyzstan will Become Even More Parliamentary] NG elektronnyi resurs. 2016. [NG electronic Source. 2016]. URL: http://www.ng.ru/cis/2016-11-02/7_6850_kirgizia.html (request date 05.11.2016).
 8. Proekt novoi Konstitutsii Kyrgyzstana: Sravnivaem s prezhnei [The Draft of the New Constitution of Kyrgyzstan: in Comparison with the Previous One] Fergana elektronnyi resurs: 2016. [Fergana Electronic Source: 2016]. URL: <http://www.fergananews.com/articles/9045> (request date 05.11.2016).
 9. Toktosunova E.S. Dinamika politicheskikh protsessov v Kyrgyzstane v usloviyakh sistemnoi transformatsii [Toktosunova E. The Dynamics of Political Processes in Kyrgyzstan in the Context of Systemic Transformation] // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena, 2013, no. 161, pp. 126–131.
 10. Esenbaev A.E. Osobennosti razvitiya politicheskogo protsessa Kyrgyzstana posle «Revolutsii tyul'panov» (2005–2010 gg.) [Asanbaev A. e Peculiarities of the Political Process Development in Kyrgyzstan after the "Tulip Revolution" (2005–2010)] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, no. 6, pp. 111–115.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хуррамов Хурсанд Хуррамович – аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (г. Москва);
e-mail: khurs77@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khurramov Khursand Kh. – Graduate Student of the Department of Political Analysis and Management Studies, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow;
e-mail: khurs77@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Хуррамов Х.Х. Тенденция конституционных изменений в Кыргызстане и их влияние на политический режим // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 1. С. 93–100.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-93-100

CORRECT REFERENCE

Kh. Khurramov. The tendency of constitutional changes in Kyrgyzstan and its impact on the political regime // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 1, pp. 93–100.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-93-100

УДК 323

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-101-110

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Багдасарян В.Э.¹, Ларионов А.Э.¹, Орлов И.Б.², Федорченко С.Н.¹

¹ Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

² Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая статья посвящена актуальному политико-правовому анализу реализации федеральной Стратегии государственной национальной политики в плановых мероприятиях Московской области в настоящее время. В качестве безусловно положительного момента отмечается преобладание проективной составляющей над запретительными и репрессивными мерами. Путём обращения к нормативным актам делается вывод о соответствии региональной политики общероссийским тенденциям, о наличии как позитивных, так и проблемных явлений в сфере практических мероприятий национальной политики и противодействия экстремизму, о необходимости дальнейшей системной работы в этом направлении.

Ключевые слова: национальная политика, противодействие экстремизму, Московская область, мигранты, этническая идентичность.

REGIONAL PECULIARITIES OF THE REALIZATION OF STATE NATIONAL POLICY STRATEGY: ON THE EXAMPLE OF MOSCOW REGION

V. Bagdasaryan¹, A. Larionov¹, I. Orlov², S. Fedorchenko¹

¹ Moscow Region State University

10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

² National Research University – Higher School of Economics

20, Myasnitckaya str., Moscow, 101000, the Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the topical political and legal analysis of the implementation of the Federal Strategy of state national policy in the planned events in Moscow region at the present time. It is stated that the projective component predominance over the prohibitive and repressive measures is definitely positive. By referring to the normative acts, it is concluded that the regional policy corresponds with the Federal trends, besides, there are both positive and problematic phenomena in the field of practical actions and national policies to counter extremism. There is also the need for further systematic work in this direction.

© Багдасарян В.Э., Ларионов А.Э., Орлов И.Б., Федорченко С.Н., 2017.

¹ Работа выполнена в рамках внутриуниверситетского научного гранта МГОУ «Проблемы миграции, межэтнических и межрелигиозных отношений в Московской области: методика профилактики конфликтов».

Key words: national policy, the fight against extremism, the Moscow region, migrants, ethnic identity.

Этнокультурную ситуацию на пост-советском пространстве за минувшие четверть века отличают высокий динамизм, вариативность и многоплановость. Непростая социально-экономическая обстановка в большинстве республик бывшего СССР, ослабление государственного регулирования социальной сферы, падение жизненного уровня и криминализация целых регионов привели к массовым миграционным потокам. Они приобрели достаточно типичную направленность, повторяющуюся в большинстве регионов и в национальных республиках: из сельской местности – в райцентры; из малых городов – в региональные и республиканские столицы; из национальных республик – в мегаполисы Российской Федерации; из регионов России – в Москву и Подмоскovie.

Это последнее звено является вполне логичным завершением всей цепочки, поскольку Московский регион отличается максимальной концентрацией капиталов, спроса на рабочую силу, как квалифицированную, так и неквалифицированную, как следствие – возможностями трудоустройства при сравнительно более высоких, чем в других регионах, заработках. Поскольку нет оснований предполагать, что данный макроэкономический диспаритет регионального развития изменится в обозримом будущем, постольку можно спрогнозировать сохранение тенденции усиленного в сравнении с прочими российскими регионами притока значительных масс мигрантов в Москву и Московскую область [2; 3].

Однако внутри самой отмеченной тенденции следует указать на существенные структурные перемены. Если первоначальные миграции отличались устойчиво сезонным характером, когда подавляющее большинство представителей Кавказа и Средней Азии пребывали на территории региона в тёплое время года, на зиму уезжая на историческую родину, то в последние 5–7 лет отмечается устойчивая склонность к круглогодичному проживанию, к полной или частичной натурализации в Московской области. Последнее выражается, в частности, в перевозе сюда мигрантами членов своих семей, включая нередко пожилых родителей, определении своих детей в школы подмосковных сёл и городов, приобретении автомобилей, покупке и/или строительстве жилья либо его длительной, практически круглогодичной аренде. Результатом стало складывание национальных диаспор и землячеств, стремящихся к статусной легитимации, признании их правосубъектности как выразителей национальных прав и интересов своих членов. Имеются негативные следствия данного процесса. К ним относится формирование латентного этнокультурного конфликта между мигрантами и коренным населением региона. У этого конфликта имеются как экономические, так и духовные предпосылки. Из экономических следует указать вытеснение местных уроженцев из целого ряда профессий или т.н. «профессиональное замещение»; к духовным предпосылкам относится различие нормативно-ценностных

установок представителей православной и мусульманской цивилизаций. Существенную роль играет «этническое лицо» преступности, когда некоторые виды преступлений оказываются преимущественно представлены теми или иными национальностями – что порождает стереотип негативно-го восприятия мигрантов коренными жителями региона.

Необходимо учитывать длительные исторические традиции межнационального общения в Московской области, о чём говорят и современные исследователи [1]. Этот фактор может рассматриваться как позитивный.

Катализатором потенциальной напряжённости в сфере этноконфессиональных отношений служит специфика демографической ситуации в Московской области и в стране в целом. Её можно обозначить понятием «демографического замещения». В условиях пониженного репродуктивного потенциала русского народа некоторые высокопоставленные политики априорно, без рассмотрения иных вариантов, утверждают, что иной альтернативы решения демографической проблемы, кроме как привлечение мигрантов, нет. При этом фактически игнорируется вопрос о том, что за истекшие четверть века никаких реально действенных, а не рекламационных мер по исправлению демографической ситуации не предпринималось. Более того, общий генеральный курс социальной политики после 1991 г. способствует депопуляции народа. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: государство одной рукой создаёт «проблему-кентавра»: депопуляция+миграция, а другой – стремится сформировать некие стра-

тегические меры по национальной политике и профилактике экстремизма в обществе.

Тем не менее неправильно было бы отрицать значимость и позитивный эффект вырабатываемых и реализуемых мер по профилактике экстремизма и вражды на этно-конфессиональной почве, по повышению конструктивных форм межнациональных отношений в Московской области. Базовыми документами федерального уровня, на основе которых строятся национальная политика и политика противодействия экстремизму в этно-конфессиональных отношениях, являются Указ Президента РФ № 1666 от 19 декабря 2012 г. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» и «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г. за № Пр-2753).

Стратегия намечена к реализации в среднесрочной перспективе: 10-12 лет. Это допускает возможность внесения необходимых корректировок по мере учёта актуального опыта. Стратегии можно определить как концептуальные документы, содержащие в себе теоретико-методологические моменты, которые можно определить как своеобразную идеологию построения национальных отношений в России – в условиях конституционного вето на идеологию (ст.13 Конституции РФ). Принципиальную важность имеют следующие пункты Стратегии государственной национальной политики (далее – Г.Н.П.):

«11. Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого

исторически выступал русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию, на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов. Современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру.

12. Многообразии национального (этнического) состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, сохранение и развитие традиций проживающих на ее территории народов являются общим достоянием российской нации, служат фактором укрепления российской государственности, определяют состояние и позитивный вектор дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации».

Эти положения дополняются и подтверждаются идеями из п. 2 Стратегии противодействия экстремизму, задачей которой указано: «укрепления гражданского единства, достижения межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия, сохранения этнокультурного многообразия народов Российской Федерации,

формирования в обществе обстановки нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей».

Цитированные пункты демонстрируют нам диалектический подход к выстраиванию системы национальных отношений в России, в котором сочетаются признание структурирующая роль русского народа в общероссийском культурном пространстве и его же государствообразующая роль в построении пространства политического. В то же время фиксирован полиэтнический состав Российской цивилизации как константа её исторического бытия и, в значительной степени – залог её устойчивости. Логичным было бы ожидать, что документы по нисходящей вертикали государственной власти также отразят в себе подобную диалектику этнокультурного и этнополитического строительства России.

Кроме того, два данных документа имеют концептуальное значение в том смысле, что в своей совокупности позволяют определить общий принцип выстраивания государственной национальной политики, не исключая регионального уровня её разработки и реализации. Этот принцип заключается в сочетании запретительно-санкционного регулирования с конструктивным социальным проектированием. Запреты на экстремистскую деятельность, предусмотренные наказания за нарушения действующего законодательства – это не более, чем самозащита общества и государства. Однако необходимо формирование позитивной тенденции социального строительства с расчётом на перспективу. Только в этом случае борьба с экстремизмом имеет шансы на системный успех. И,

следует отметить, данная взаимосвязь вполне осознаётся разработчиками нормативно-правовых актов и заложенных в них конкретных практических мер – как на федеральном, так и на региональном уровне.

Для проверки данной гипотезы обратимся к нормативно-правовым актам Подмосковья. На региональном уровне Стратегия действительно породила ряд практических шагов, нашедших своё выражение в постановлениях Правительства Московской области (см. табл.) и законах Московской областной думы.

Простой анализ принятых нормативных актов областного значения в области реализации национальной политики и противодействия экстремизму позволяют констатировать достаточно высокую нормотворческую активность в данном направлении. Только за период 2014-2016 гг. было принято не менее шести Постановлений и Распоряжений регионального уровня, посвящённых данной проблематике. Ниже приводится в хронологическом порядке таблица, отражающая процесс нормотворчества в этом направлении.

Анализ содержания приведённых в таблице документов позволяет выявить закономерности регионального осуществления федеральной Стратегии государственной национальной политики. Во-первых, хронологический ряд нормативных актов, принятых Правительством Московской области только за три года: 2014-2016 гг., позволяет сделать вывод о том, что внимание областных властей к проблеме не ослабевает, но поддерживается примерно на одинаковом уровне. Следовательно, правомерно говорить

о системной политике национально-го строительства и противодействия экстремизму в Московском регионе. Во-вторых, сопоставляя документы, относящиеся к разному времени, можно отметить наличие отработанного сценария, который воспроизводится с некоторыми добавлениями. Это свидетельствует о наличии устойчивого позитивного опыта в реализации Стратегии.

Для конкретизации обратимся к наиболее позднему документу – Распоряжению Правительства Московской области от 29 июня 2016 г. №115-РП «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016-2018 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на территории Московской области». Прежде всего, следует обратить внимание на высокую степень специализации направлений и проблем, подлежащих решению. В общей сложности в Распоряжении выделено 12 направлений, на которые запланированы 63 мероприятия. При этом из общего количества 48 мероприятий намечены как ежегодные, что при периодической раскладке даёт среднюю частоту – 4 в месяц! Фактически почти еженедельно должно осуществляться хотя бы одно мероприятие областного уровня в области национальной политики и противодействия экстремизму. Если добавить к этому 3 ежеквартальных мероприятия из 4, долженствующих осуществляться не реже одного раза в полугодие, то суммарная интенсивность практической деятельности по направлению реализации федеральной Стратегии национальной политики выглядит весьма и весьма впечатляюще.

Таблица

Нормотворчество Правительства Московской области по исследуемой теме

№ п/п	Статус нормативного акта	Наименование нормативного акта
1.	Постановление Правительства Московской области от 14 августа 2014 г. №648/31	Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2014-2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на территории Московской области
2.	Постановление Правительства Московской области от 26 августа 2014г. №681/31	Об утверждении порядка отбора общественно полезных программ национально-культурных автономий в Московской области, определения объёма и предоставления в 2014 году за счёт средств бюджета Московской области субсидий (грантов) на финансирование отдельных общественно полезных программ национально-культурных автономий в Московской области
3.	Постановление Правительства Московской области от 26 декабря 2014г. №1159/52	Об утверждении результатов конкурсного отбора общественно полезных программ национально-культурных автономий в Московской области в 2014 году
4.	Постановление Правительства Московской области от 21 сентября 2015г. № 839/34	Об утверждении результатов конкурсного отбора некоммерческих организаций, не являющихся государственными (муниципальными) учреждениями, на предоставление субсидий за счёт средств бюджета Московской области на реализацию проектов в сфере культуры на территории Московской области в 2015 году
5.	Постановление Правительства Московской области от 12 января 2016г. №3/1	Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2015-2016 годах Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года на территории Московской области
6.	Распоряжение Правительства Московской области от 29 июня 2016г. №115-РП	Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016-2018 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на территории Московской области

Среди намеченных к проведению мероприятий 12 из 63 (19%) содержат в своих наименованиях специфические термины «межнациональные/ межконфессиональные конфликты», «ксенофобия», «экстремизм», «вражда». Сам по себе такой процент подтверждает ранее высказанное мнение

о том, что борьба с экстремизмом может рассматривать ее не как самоцель, но как средство, причём отнюдь не основное, но вспомогательное, по созданию благоприятных условий для позитивного структурирования общества, его консолидации ради дальнейшего совместного конструктивного

развития. Среди собственно анти-экстремистских мероприятий значатся следующие: проведение обучающих семинаров для представителей СМИ (№ 55), создание роликов анти-экстремистской направленности (№ 54), освещение в СМИ деятельности НКО в сфере противодействия экстремизму и национальной вражде (№ 53), мониторинг СМИ о состоянии национальных конфликтов и предупреждения национальных конфликтов в регионе (№ 52), освещение в СМИ семинаров и совещаний с работниками учреждений культуры по предупреждению национальных конфликтов (№ 49), проведение совещаний Экспертного совета по выработке решений в сфере противодействия экстремизму и терроризму (№ 48). Далее предусмотрено оказание финансовой помощи национально-культурным автономиям в Московской области для... воспитания нетерпимости к проявлениям ксенофобии и экстремизма (№ 18), проведение круглых столов по проблемам экстремизма и национальной вражды (№ 14), совершенствование системы мониторинга национальных конфликтов (№ 11), проведение совещаний с руководителями и представителями местных органов самоуправления по вопросам предупреждения межнациональных конфликтов (№ 2).

Как видим, среди перечисленных мер непосредственного противодействия экстремизму основное место принадлежит действиям в сфере информационного пространства, формированию ментальных установок анти-экстремистского характера. Другая их часть касается повышения профессиональной компетенции руководителей органов местного самоуправления,

что, опять-таки, выливается в информационный вектор. Поскольку в данном случае невозможно выработать строгие критерии измерения результатов и оценки их эффективности (поскольку речь идёт о принципиально не поддающихся измерению категориях коллективной ментальности), постольку вопрос о конечной эффективности данных мер, их адекватности реалиям межнациональных отношений в Московской области остаётся открытым. Расстановка фактических приоритетов в формировании регионального уровня Стратегии видна из диаграммы (см. рис.), составленной на основе распределения числа мероприятий (от 1 до 12) по рубрикам согласно Распоряжению Правительства Московской области №115-РП.

Кроме общего распределения количества запланированных мероприятий по направлениям, немаловажное значение имеет соотношение мероприятий кабинетных, сводящихся к обороту информации в заранее определённом и, неизбежно, достаточно узком круге лиц (не исключая из этого перечня различных круглых столов и конференций, которые, в любом случае, не могут иметь большого публичного резонанса). Из 63 запланированных мероприятий к массовым могут быть отнесены 19 – различные фестивали, юбилейные мероприятия, приуроченные к памятным датам истории и культуры общероссийского и подмосковного характера. Если говорить о региональном аспекте национальной политики как совокупности мероприятий, ориентированных на максимальное вовлечение общества в процессы социального конструирования в рамках цивилизационной парадигмы

России, то такое количество, как и соотношение, едва ли может быть признано удовлетворительным. Было бы

гораздо лучше, если бы соотношение публично-массовых и кабинетных мероприятий являлось обратным.

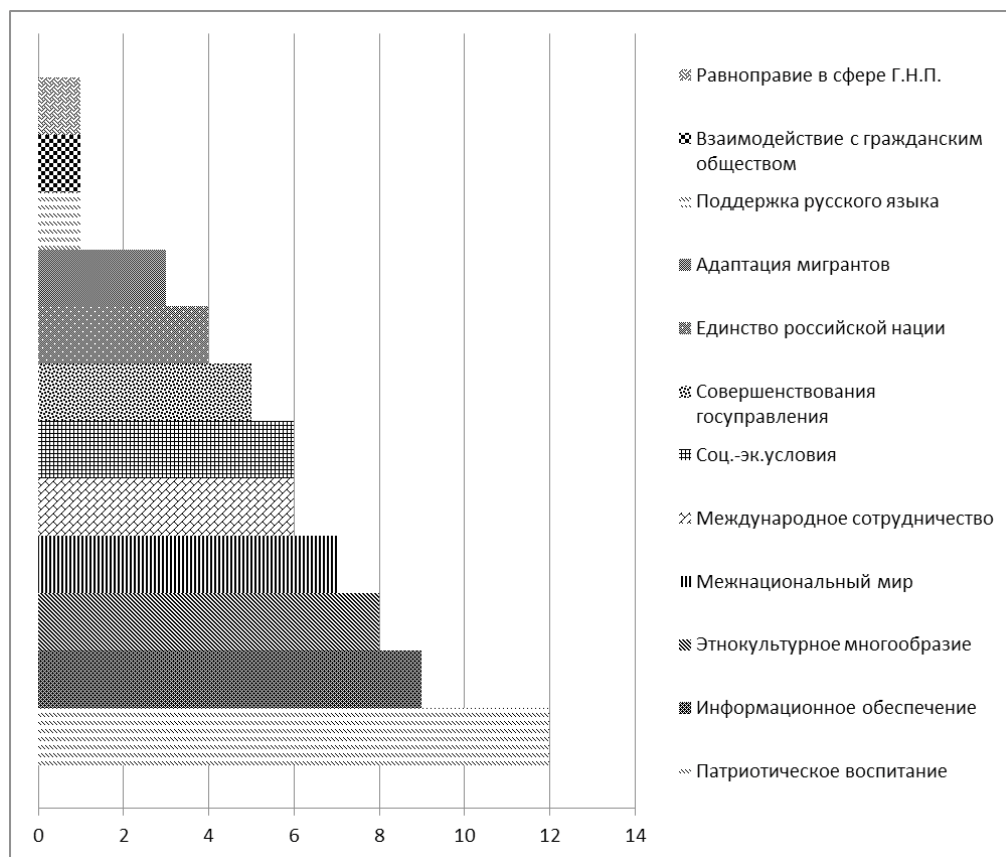

Рис. Приоритеты реализации Стратегии государственной национальной политики РФ в Московской области в 2016-2018 гг.

Таким образом, можно сделать некоторые общие выводы. Налицо системная взаимосвязь между документами федерального и регионального уровня в области национальной политики и противодействия экстремизму на этно-конфессиональной почве. Преимущество между целями, обозначенными в Стратегии государственной национальной политики и Стратегии противодействия экстремизму, с одной стороны, и Постановле-

ниями и Распоряжениями Правительства Московской области – с другой, налицо. Вертикаль власти проявляет свою действенность в конкретном сегменте государственной политики.

В меньшей степени очевидна концептуальная связь между федеральным и региональным проектированием – региональные документы отличаются практическим отсутствием теоретических положений, которые бы анализировали региональную

специфику этно-конфессиональной ситуации в Подмоскowie.

Высказанный в федеральной Стратегии государственной национальной политики важнейший концепт о государствообразующей роли русского народа по существу нивелирован в документах областного уровня. В то время, как грантовое финансирование предусмотрено для национальных автономий и представляющих их организаций в Московской области, среди таких мы не найдём общественных организаций и объединений, которые бы представляли этно-культурные и социальные интересы собственно русского народа. Об этом свидетельствует, в частности Постановление Правительства Московской области от 26 декабря 2014 г. №1159/52 «Об утверждении результатов конкурсного отбора общественно полезных программ национально-культурных автономий в Московской области в 2014 году». 5 грантов в сумме от 365 тыс. рублей до 250 тыс. рублей выделены немецкой, татарской, азербайджанской и

еврейской автономиям в Московской области. Отчасти этот диспарат объясняется отсутствием каких-либо влиятельных общественных организаций с маркированной русской идентичностью – в том числе и потому, что попытки их регистрации в правовом поле Подмоскowie оканчивались неудачно с завуалированными упреками в национализме.

Как безусловно позитивный момент следует оценивать приоритет социально-проективных мероприятий над санкциями – в направлении концептуально сформулированной и обоснованной цели: укрепление общероссийской идентичности в виде сложно поли-этно-культурно-конфессиональной целостности – Российской нации.

Региональные аспекты реализации федеральной стратегии Г.Н.П. отличаются динамизмом, имеют как свои достоинства, так и недостатки и, безусловно, подлежат дальнейшему совершенствованию в интересах как Московского региона, так и страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аманжолова Д.А. История Подмоскowie: этнокультурный потенциал для туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. № 3. С. 53–61.
2. Рязанцев С.В. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса // Валдайские записки. 2016. № 55. С. 2–23.
3. Рязанцев С.В., Хорие Н. Трудовая миграция в лицах: рабочие-мигранты из стран Центральной Азии в Московском регионе. М.: Экономическое образование, 2010. 178 с.

REFERENCES

1. Amanzholova D.A. Istoriya Podmoskov'ya: etnokul'turnyi potentsial dlya turizma [History of the Vicinities of Moscow: Ethno-Cultural Potential of Tourism] // Sovremennye problemy servisa i turizma. [Modern Problems of Services and Tourism] 2008, no. 3, pp. 53–61.
2. Ryazantsev S.V. Trudovaya migratsiya iz T'Sentral'noi Azii v Rossiyu v kontekste ekonomicheskogo krizisa [Labour migration from Central Asia to Russia in the Context of the Economic Crisis] // Valdaiskie zapiski, 2016, no. 55, pp. 2–23.
3. Ryazantsev S.V., Khorie N. Trudovaya migratsiya v litsakh: rabochie-migranty iz stran T'Sentral'noi Azii v Moskovskom regione [Faces of Labour Migration: Migrant Workers from Central Asia in Moscow region]. M., Ekonomicheskoe obrazovanie, 2010. 178 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;

e-mail: vardanb@mail.ru

Ларионов Алексей Эдиславович – кандидат исторических наук, доцент, сотрудник Центра «Стратегия и аналитика» Московского государственного областного университета;

e-mail: allar71@yandex.ru

Орлов Игорь Борисович – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Научного образовательного центра Московского государственного областного университета, профессор Высшей школы экономики;

e-mail: iborlov@mail.ru

Федорченко Сергей Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;

e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Baghdasaryan Vardan E. – Doctor of Historical Sciences, Professor, the Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University;

e-mail: vardanb@mail.ru

Larionov Alexey E. – Associate Professor, PhD in Historical Sciences, Research Assistant of the "Strategy Analytics" Center, Moscow Region State University;

e-mail: allar71@yandex.ru

Orlov Igor B. – Doctor of Historical Sciences, Professor, senior researcher at the Scientific Educational Center of Moscow Region State University, Professor at the Higher School of Economics;

e-mail: iborlov@mail.ru

Fedorchenko Sergey N. – PhD in Political Sciences, Associate Professor, the Department of Political Science and Law, Moscow Region State University;

e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Багдасарян В.Э., Ларионов А.Э., Орлов И.Б., Федорченко С.Н. Региональные особенности реализации стратегии государственной национальной политики: на примере Московской области // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 1. С. 101–110.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-101-110

CORRECT REFERENCE

Bagdasaryan V.E., Larionov A.E., Orlov, I.B., Fedorchenko S.N. Regional peculiarities of the realization of state national policy strategy: on the example of Moscow region // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 1, pp. 101–110.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-101-110

УДК 930 94(47).024

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-111-118

ПРОБЛЕМА МИКРОИСТОРИИ И МНОГОКОНЦЕПТУАЛЬНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПЕДАГОГИКЕ¹

Каримова О.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В современной российской исторической науке появились новые, заимствованные из зарубежной науки методы исторического исследования, роль которых продолжает осмысливаться отечественными учеными. В статье рассматриваются положительные и отрицательные черты новых методологических подходов, их место в отечественной исторической науке, а также проблемы преподавания исторической дисциплины с позиций многоконцептуальности.

Ключевые слова: марксизм, методология, микроистория, парадигма, многоконцептуальность, постмодернизм, прогнозирование.

THE PROBLEM OF MICROHISTORY AND MULTI-CONCEPTUALISM IN DOMESTIC HISTORICAL SCIENCE AND PEDAGOGY

O. Karimova

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. There are new methods borrowed from foreign sciences in modern Russian historical science. Domestic scientists still comprehend the role of these methods. The article deals with the positive and negative features of the new methodological approaches, their place in the national historical science, as well as with the problems of teaching History through the standpoint of multi-conceptualism.

Key words: Marxism, methodology, microhistory, paradigm, multi-conceptualism, post-modernism, prognostication.

Рассуждая о возможностях гносеологии истории, можно заметить, что на данном этапе развития исторической науки комплексный, междисциплинарный

© Каримова О.А., 2017.

¹ Статья отражает точку зрения автора и является приглашением к научной дискуссии о методологии и методике преподавания отечественной истории.

и системный подходы получили широкое распространение в методологической практике исторического исследования. Это не есть возвращение к методологическому прошлому науки, не есть отказ от отраслевой системы исторического исследования, что было бы, по сути, возвращением к чистой философии, как «родительнице» научных дисциплин, но есть интеграция исторических дисциплин вокруг конкретного объекта исследования. Безусловно, использование такого рода подхода к историческим исследованиям – задача повышенной сложности, и учёный должен иметь представление о методологических возможностях в работе, и для этого прибегать к соответствующим трудам историков, историографов, философов, что позволяет расширить его кругозор, наиболее полно отразить проблему исследования и даже вдохновить на разработку новых идей за счёт трансформации его собственной точки зрения в ходе работы. Однако последнее утверждение вступает в силу только в том случае, если учёный зашёл в тупик в своих творческих поисках; если же изначально исследователь руководствовался эвристическими методами, то расширение историографической базы способствует систематизации, упорядочиванию его знаний, впрочем, не мешая порыву его научной мысли терминологическим массивом, так как историческая наука, будучи гуманитарной, более восприимчива к новшествам, менее инертна, чем естественные дисциплины. «Кроме того, в историческом исследовании отсутствует аксиоматическая теория, понимаемая как совокупность аксиом и следующих из них дедуктивных выводов» [9, с. 16].

Но у данной медали есть и обратная сторона. Перечисленные подходы невозможно в достаточной мере использовать при рассмотрении глобального явления, иначе работа будет слишком обширной, неподъёмной, исследователь затеряется в используемых методах. Соответственно, такого рода подход используется только в микроистории, а последнее направление, при всем богатстве его возможностей, порождает плюрализм мнений при взгляде на общую историческую картину. Даже когда исследователи микроистории делают упор на тот факт, что рассматривают только некую часть исторического процесса или события, и у них самих, и у читателей неизбежно срабатывает триггер «от частного к общему». Если в отечественной исторической науке данное явление еще не проявилось в полную силу и может вызвать сомнение у российского ученого, то в зарубежной исследователи говорят о полном изменении парадигмы, о чём упоминается в начале статьи Г.И. Зверевой «Рецепция микроисторического подхода к изучению прошлого в «новой философии истории», в которой автор исследовала дискуссии Ф. Анкерсмита и Г. Иггерса вокруг «историцизма» в журнале «History and theory» [3, с. 47]. Такова сущность мышления человека – распространять свой эмпирический опыт на весь окружающий мир. В итоге рождаются, например, «новые» взгляды на советское прошлое; весьма уважаемые дипломированные историки, вглядываясь в подробности «некомфортной серой жизни» народа в СССР или гонении на диссидентов и «инакомыслящих», забывают или умалчивают о порожденном советской системой эталоне порядочного человека, товари-

ща, о режиме, при всех его бесчисленное количество раз в литературе раскрытых минусах, предоставлявшем не только бесплатные жильё, медицину и, осмелюсь заметить, лучшее в мире образование, но и цель, высочайшее стремление к прекрасному будущему в образе коммунизма.

Микроистория, рассматривающая подробности исторических процессов и явлений в отрыве от общей картины, не способна к созданию парадигмы, так как мир в целом не рассматривается как набор невзаимосвязанных частей, ибо для взгляда исследователя теряется его эмергентность, что, соответственно, ведет к потере прогностической функции истории и, осмелюсь предположить, дискредитирует историю как науку. Такая, спорная на первый взгляд, точка зрения берет свои корни из понимания особенностей постсоветской историографии и наличия большого количества популярных работ об истории, написанных не историками. И данные работы проникнуты нигилистическим постмодернизмом. Отход отечественной гуманитарной науки от ленинско-марксистской парадигмы привел, по сути, к идеологической и, соответственно, методологической «пустоте», заполняемой всей пестротой западных и междисциплинарных подходов, попытками использовать новые (а чаще устаревшие) методологические разработки других гуманитарных наук – и нередко с плачевным результатом [8, с. 79–81]. Как следствие, начали подниматься вопросы: кому и зачем нужна история, является ли история наукой [10, с. 196] [4, с. 85], или же это разновидность литературы! В первое время после распада СССР из-за обилия ненаучных попу-

лярных работ, получивших широкое распространение благодаря PR, сенсационности материала, направленного на «шокирование» читателей, было порождено изобилие всевозможных исторических мифов, не имеющих отношения к академическим исследованиям. На фоне данной информационной «истерии» голос отечественной исторической науки стал малозаметен, что усугублялось растерянностью, в которой наука оказалась при отходе от марксистско-ленинского методологического подхода. Многие последователи западного постмодернизма сами же породили большое количество ненаучных околоисторических работ, после чего заявили, что история – не наука.

Возвращаясь к проблеме микроистории, стоит подчеркнуть, что последняя жизнеспособна исключительно в рамках макроистории, хотя, безусловно, расширяет методологическую базу и способствует более объективному взгляду на историческое прошлое благодаря более подробному взгляду на частности. А также следует отметить, что сами «микроисторики» негативно относятся к попыткам отнести их к постмодернистам и вступают в острую полемику с последними из-за принципиально различающихся взглядов на историческое знание [10, с. 199].

Осмелимся утверждать, что в целом перенятые с Запада исторические методы не способны заменить выработанный за советский период научный метод, однако, они находят своё применение в российской науке, проходя трансформацию через традиционные отечественные исторические ценности. Не способны из-за отсутствия в них прогностической функции [2, с. 9–34] и отрицания объективности.

В своей работе «Прогнозирование истории: теория и методология» А.В. Гонгота указывает на плодотворность и широкие перспективы марксистского подхода, где обстоятельно доказывает его возможности прогнозирования [2, с. 39–50]. Не следует забывать, что в корне марксистско-ленинского научного подхода лежит основательная концепция единого закономерного мирового процесса, которая является центральной в философии и, более того, выступает в качестве основания классификации наук. И весьма справедливо пишет профессор Л.А. Мусаелян, отмечая, что эвристический потенциал данной концепции ещё не осознан [6, с. 210]. Вполне вероятно, что спустя годы поисков подходов и методов к историческим исследованиям будет выработано единое богатое и обширное направление, в корне которого будет сохраняться всё тот же марксистский «стержень», так как российское методологическое историческое (и не только историческое) знание есть результат всего научного опыта, накопленного именно за последний век. Российская наука есть результат деятельности трудов российских учёных, которые, в свою очередь, являются носителями русского менталитета, а в нем причудливо сочетаются перенятые зарубежные новшества и приверженность традиции, даже если последняя всячески пытается быть отринутой.

В целом же появление новой исторической парадигмы (о целесообразности которой можно бесконечно спорить с постмодернистами) возможно исключительно при наличии единой государственной идеологии. Можно постоянно говорить о необходимости

свободы в научном творчестве, однако, ни одна самая передовая теория не заменит «перста» государственного деятеля, указывающего направление в будущее. Постсоветская эпоха оставила учёных фактически без ориентира, и микроистория – это бегство в рассмотрение конкретного объекта, без иной оценки, кроме личной, без связи с единым историческим течением, ибо история превратилась в набор разрозненных фрагментов. Историк – не политик, он не укажет путь вперед, однако историк может предоставить опору на богатый опыт и подготовить будущего деятеля, который сам определит вектор развития государства. Это точка зрения россиянина, который вырос в постсоветское время, впитал прошедшие через российскую специфику западные демократические ценности и тем не менее пришёл к выводу, что без опоры на опыт исторического прошлого, без «имперскости» сознания отечественное государство невозможно. Российский народ идёт собственным путём и не обязан никого копировать, что не мешает ему перенимать опыт зарубежных стран. Но ему предстоит сделать свой выбор самостоятельно. На фоне проявленной в виде продолжающегося развёртывание пакета экономических санкций консолидации западных стран против исторического выбора России в возвращении полуострова Крым, верится, что таким выбором будет политическое, мировоззренческое единство нашего народа – из желания большей независимости от стран Запада – и на основе любви к Родине и ее многовековой истории.

На данный момент в нашем Отечестве пока еще не сформировалась некая явная общая цель и закономерным яв-

ляется поиск новых гносеологических путей и связанное с этим «бегство» в микроисторию. Это не представляло бы опасность, если бы не проникало в рабочие учебные программы общего образования, в школьные учебники, являющиеся источником познания человеком отечественной истории на базовом уровне. Готовы ли экспериментаторы, освобождающие разумы от «идеологических оков», взять на себя ответственность за формирование мировоззрения у юных неокрепших умов?

Преподавание многоконцептуальности в вузах, как предлагал профессор Борис Васильевич Личман, который и ввел данный термин в практику [5], является делом и перспективным, и крайне полезным, т.к. вырабатывает в молодых ученых гибкость мышления и создает пространство для новых творческих научных открытий. Однако перенос сложного теоретического осмысления истории как плюрализма концепций в сознание школьника (данная тенденция на данный момент прослеживается), а не студента гуманитарного вуза, не принесёт положительных результатов. В лучшем случае в его памяти сохранится позитивистское представление об истории и полное отсутствие понимания ее смысла. В худшем случае он не почерпнет решительно ничего и забудет весь материал – и не через год, а к следующему учебному занятию. Позиция «вы имеете право думать, что хотите, но должны уважать чужое мнение» попросту не интересна и не несёт для ребенка смысловой нагрузки, с тем же успехом можно не говорить ничего, т.к. он всё равно спросит «а что правильно?» или захочет узнать точку зрения своего

педагога, потому что ему необходим готовый ориентир. Мировоззрение ребенка требует оценки исторического события педагогом, потому что любая оценка несёт с собой то, что может заинтересовать ребёнка – эмоцию. Преподавание многоконцептуальности при эмоциональной подаче каждой теории приведёт к полной дезориентации школьников. Об этом упоминал в интервью «Парламентской газете» Владимир Мединский, на тот момент еще депутат Государственной думы, член Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России: «Должно быть два школьных учебника истории России. Один – стандартный, второй – для классов с гуманитарным уклоном. Нельзя в голове пятиклассника породить исторический плюрализм. По одному учебнику его учат, что взятие Казани войском Ивана Грозного – это выдающийся факт в истории нашего государства, а по другому – что это акт геноцида татарского народа. Сейчас в России существует около 200 учебников истории, из них 35 по истории России – официально рекомендованы для школьников...» [7]. С момента публикации интервью прошло пять лет, и на данный момент с целью решить назревшую проблему эклектики в преподавании истории в школах внедряется историко-культурный стандарт. Однако одним из четырёх основополагающих принципов стандарта является выработка «сознательного, оценочного отношения к истории» [1] у школьников, что в итоге приводит к проблеме многоконцептуальности.

Возможность выбирать любое мировоззрение необходимо для развития

свободной личности, но важно понимать, что до определённого возраста личности не нужна полная свобода, ей нужен ориентир, к которому личность бы шла – либо который бы она отрицала.

И здесь необходимо учитывать психологические особенности детей в разном возрасте. 10-13-летний ребенок не готов к формированию своего собственного мнения, не готов к оцениванию исторического выбора народов, роли личности в истории, если его не подталкивать в нужном направлении. Юным максималистам 14-17 лет необходима система, с которой они могли бы бороться, потому что это обусловлено психологией их возраста. (В этом возрасте дети чаще всего солидарны с историческим выбором революционеров.) Если предоставить подростку полностью свободный выбор идеологии, исторического взгляда – в силу противоречия он не выберет ничего, лишь бы только не согласиться с предложением системы (в лице учителя).

Поэтому проблема многоконцептуальности в преподавании приводит к прямо противоположному результату – порождает поколение «Молчаливых». Но не потому, что им «не должно свое суждение иметь», а так как дети вообще теряют желание иметь собственное мнение (их лишили возможности за него побороться) и не хотят думать о мире в целом, что опасно, так как первое осмысление мира приходит в подростковый период, в период противоречий, желания борьбы с «системой» или ухода от нее в иные, более «интересные» миры.

В качестве подведения итогов стоит отметить следующие основные моменты. Комплексный, междисциплинар-

ный и системный подходы расширили методологические возможности отечественной исторической науки, и целесообразно использовать их в рамках микроистории, получившей на данный момент достаточно широкое распространение. Однако микроистория не способна в силу своей специфики заменить марксистско-ленинскую парадигму. Так же не могут ее заменить западные постмодернистские подходы, не имеющие прогностической функции – и не видящие в последней целесообразности. Однако они, безусловно, расширяют методологическую базу отечественной исторической науки.

Появление новой исторической парадигмы возможно исключительно при наличии единой идеологии в государстве, формирование которой зависит напрямую от легитимной власти. Отсутствие единой идеологии в государстве и, как следствие, исторической парадигмы в отечественной науке, ведут к многоконцептуальности, плюрализму в исторических подходах, которые, в свою очередь, внедряются в учебные программы по исторической дисциплине основного общего образования. В конечном итоге данные процессы приводят к порождению нового поколения, весьма разнородного по мировоззрению (что не плохо, если исходить из принципов демократии), однако, незаинтересованного в изучении истории своей страны и с недостаточным привитым чувством патриотизма. С другой стороны, данные негативные тенденции могут и должны быть преодолены в условиях современной политической ситуации, характеризующейся нарастающей конфронтацией между Россией и странами Запада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акульшин П.В., Гребенкин И.Н. Историко-культурный стандарт: концепция, рекомендации, содержание // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2013. №4 (41). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-kulturnyy-standart-kontseptsiya-rekomendatsii-soderzhanie> (дата обращения: 12.08.2016).
2. Гонгота А.В. Прогнозирование истории: теория и методология. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. 224 с.
3. Зверева Г.И. Рецепция микроисторического подхода к изучению прошлого в «новой философии истории» // Дискурс, 1998. № 7. С. 47–54.
4. Кульпин Э.С. Является ли история наукой? // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 85–116.
5. Личман Б.В. Толерантная история России. (Многоконцептуальность). Екатеринбург: Изд-во Уральского института экономики, управления и права. 2008. 158 с.
6. Мусаелян Л.А. Концепция единого закономерного мирового процесса и научная теория исторического процесса: методологические основания // Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. трудов (по материалам Междунар. науч. конф., Пермь, 10–11 апреля 2008 г.): в 2 т. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. С. 208–221.
7. Мединский В.Р. – Редичкина Ксения. Исторический плюрализм далёк от самой истории [Электронный ресурс] // «Парламентская газета» [Официальный сайт] 28.10.2011 г. URL: <http://old.pnp.ru/newspaper/20111028/7526.html> (дата обращения 09.04.2016 г.).
8. Савельева И.М., Полетаев А.В. История в системе социального знания // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 50–84.
9. Хвостова К.В., Финн В.К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 1997. 256 с.
10. Шарькин Б. В. Микро и макро // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 196–201.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Akul'shin P.V., Grebenkin I.N. Istoriko-kul'turnyi standart: kontseptsiya, rekomendatsii, sodержanie [Historical-Cultural Standard: Concepts, Recommendations, Content] Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina. 2013. № 4 (41). [Bulletin of Ryazan State University, named after S.A. Yesenin. 2013. No. 4 (41).]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-kulturnyy-standart-kontseptsiya-rekomendatsii-soderzhanie> (request date 12.08.2016).
2. Gonggota A.V. Prognozirovanie istorii: teoriya i metodologiya. M.: Gumanitar. izd [Forecasting History: Theory and Methodology. M.: Humanit. Pub. House]. center VLADOS, 2007. 224 p.
3. Zvereva G.I. Retseptsiya mikroistoricheskogo podkhoda k izucheniyu proshlogo v «novoii filosofii istorii» [Reception of Micro-Historical Approach to the Study of the Past in the "New Philosophy of History"] // Diskurs, 1998, no. 7, pp. 47–54.
4. Kul'pin E.S. Yavlyaetsya li istoriya naukoj? [Is History a Science?] Sposoby postizheniya proshlogo: Metodologiya i teoriya istoricheskoi nauki [Ways of Understanding the Past: Methodology and Theory of Historical Science]. M., «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2011. pp. 85–116.
5. Lichman B.V. Tolerantnaya istoriya Rossii. (Mnogokontseptual'nost') [Tolerant History of Russia. (Multi-conceptualism)]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 2008. 158 p.

6. Musaelyan L.A. Kontseptsiya edinogo zakonomernogo mirovogo protsessa i nauchnaya teoriya istoricheskogo protsessa: metodologicheskie osnovaniya [The Concept of a Unified Natural World and the Scientific Theory of Historical Process: Methodological Bases] *Novye idei v filosofii: mezhvuz. sb.nauch.trudov (po materialam Mezhdunar. nauch. konf., Perm', 10-11 aprelya 2008 g.): v 2 t./ Perm. gos. un-t [New Ideas in Philosophy: Inter-University Collect. of Works (Proceedings of the international Scientific Conf. Perm, April 10–11, 2008): 2 t/ Perm. GOS. UN-t]. Perm, 2008. pp. 208–221.*
7. Medinskii V.R. – Redichkina Kseniya. Istoricheskii plyuralizm dalek ot samoi istorii [Elektronnyi resurs] [Redichkina Xenia. Historic Pluralism is Far from History Itself. [Electronic Source]] «Parlamentskaya gazeta» [Ofits. sait] 28.10.2011 g. ["The Parliamentary Newspaper" [Official. Website] 28.10.2011]. URL: <http://old.pnp.ru/newspaper/20111028/7526.html> (request date 09.04.2016 g).
8. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Istoriya v sisteme sotsial'nogo znaniya [History in the System of Social Knowledge] *Sposoby postizheniya proshlogo: Metodologiya i teoriya istoricheskoi nauki [Ways of Understanding the Past: Methodology and Theory of Historical Science]. M., «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2011. pp. 50–84.*
9. Khvostova K.V., Finn V.K. Problemy istoricheskogo poznaniya v svete sovremennykh mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. M.: Rossiisk. gos. gumanit [Problems of Historical Knowledge in the Light of Modern Interdisciplinary Research. Moscow: Russian State Humanit. University], 1997. 256 p.
10. Sharykin B. V. Mikro i makro [Micro and Macro] // *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki. 2011. no. 2. pp. 196–201.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каримова Ольга Андреевна – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: blcat@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karimova Olga A. – Graduate Student of the Department of Medieval and Modern Russian History, Moscow Region State University;
e-mail: blcat@inbox.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Каримова О.А. Проблема микроистории и многоконцептуальности в отечественной исторической науке и педагогике // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 1. С. 111–118.*
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-111-118

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

O. Karimova. The problem of microhistory and multi-conceptualism in domestic historical science and pedagogy // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences, 2017, no 1, pp. 111–118.*
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-111-118

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**ЖИДЧЕНКО А.В., РЫЖЕНКО В.Г. « ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
ОМСКОГО ГОРОДКА НЕФТЯНИКОВ В 1950–60-е гг.»
ОМСК: ОМГУ ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО, 2015. 482 С.**

Колокольчикова Р.С.

Череповецкий государственный университет

162601, г. Череповец, Советский пр., д. 8, Российская Федерация

REVIEW OF A BOOK:

**A.V. ZHIDCHENKO, V.G. RYZHENKO “HISTORY OF EVERYDAY LIFE IN
AN OMSK TOWN OF OILMEN IN THE 1950–60S” OMSK: OMGU, NAMED
AFTER F.M. DOSTOYEVSKY, 2015. 482 PP.**

R. Kolokolchikova

Cherepovets State University

8, Sovetsky proyezd, Cherepovets, 162601, the Russian Federation

В начале XXI в. г. Омск стал заметным центром научных исследований в области отечественной исторической урбанистики – относительно нового направления российской исторической науки. Это стало возможным благодаря трудам омских ученых – сибиреведов, представителей историко-градоведческой и историко-культурологических школ. Они предложили свою методологию в изучении такого сложного явления, как город, основанную на междисциплинарном подходе, сочетании традиционного исследовательского инструментария историка с исследовательскими методами новейших направлений современной историографии – новой локальной истории, новой социальной истории, истории повседневности; с инструментарием, теоретико-методологическими достижениями по изучению города смежных с историей социогуманитарных дисциплин, прежде всего, социологии, культурологии. Данная методология успешно апробировалась на всероссийских и международных конференциях по изучению города, которые периодически проводились в Омске со второй половины 1980-х гг., а также в монографических исследованиях омских историков урбанистов [1; 2; 3; 4].

В начале XXI в. вокруг омских ученых сформировалось сообщество молодых историков, которые сегодня вместе со своими научными наставниками продолжают новаторские исследования города. Рецензируемая монография, авторами которой являются В.Г. Рыженко – доктор исторических наук, профессор ОмГУ и ее ученик, кандидат исторических наук А.В. Жидченко – пример такого научного сотрудничества [5].

Уже из названия монографии явствует, что работа носит новаторский характер, открывает новое направление в отечественной исторической урбанистике. Авторы монографии изучают повседневную жизнь не просто города Омска, а

«омского городка Нефтяников», то есть «города в городе». Такое определение объекта исследования отражает своеобразную «атомарность», присущую крупным отечественным городам, к которым относится Омск второй половины XX – начала XXI вв. Концептуальная новизна исследования заключается в доказательстве, что административно-территориальная единица г. Омска – «городок Нефтяников», в отличие от самого г. Омска и его других административно-территориальных единиц (районов), развивался по модели советских моногородов, их индустриальному типу. Монографических исследований, посвященных изучению «города в городе», в отечественной исторической науке до сих пор не имелось.

Авторы монографии убедительно доказали, что «городок Нефтяников», как этот район Омска называли омичи, а также сами жители городка, носившего официальное название Сталинский, а потом – Советский район, с самого начала своей истории не походил ни на один из районов г. Омска, представляя собой «город в городе». Характерно, что старожилы городка, на воспоминания которых опираются авторы монографии, реконструируя повседневность этого района Омска, не называют себя в своих воспоминаниях омичами.

Непохожесть этого района Омска на другие городские районы определялась тем, что градообразующей основой для него стало строительство близ Омска первенца сибирской нефтехимии, крупнейшего по тем временам предприятия богатейшей отрасли экономики – ОНПЗ (Омский нефтеперерабатывающий завод). Это предпри-

ятие осуществляло застройку городка «с чистого листа», при заинтересованном, активном участии руководства ОНПЗ. Заинтересованность, надо полагать, мотивировалась во многом тем, что руководители ОНПЗ, в том числе и его первый директор А.М. Малунцев – талантливый организатор производства, инженер-нефтяник, так же, как и рядовые работники НПЗ и строители завода, стали новоселами городка, который открыл для приезжих хорошие условия для проявления профессиональных возможностей, профессионального роста, стал для новоселов родным.

ОНПЗ определил также демографические, социокультурные характеристики населения городка, формировавшегося преимущественно за счет миграции людей трудоспособного возраста из разных районов страны. В основном приезжие – это квалифицированные рабочие, техники, инженеры-строители, химики, нефтяники. Многие из них приезжали из центров нефтехимии – Орска, Краснодара, Баку, Куйбышева, Уфы, а также из Москвы и Ленинграда.

Непохожесть городка Нефтяников на другие районы г. Омска определялась еще и тем, что городок-новостройка с начала 1960-х гг. мыслился «в период строительства коммунизма образцово-показательным районом Омска» (с. 8). Такой статус Нефтяников усиливал внимание партийных органов, министерства, в ведении которого находился ОНПЗ, к решению социальных проблем городка, его благоустройству.

Общественно-политическая значимость района, его генетические, социокультурные особенности, субъ-

ективные факторы в истории городка, позволили Нефтяникам за 20 лет с начала 1950-х гг. пройти путь от неблагоустроенного поселения из бараков, временок до самодостаточного городского района, с благоустроенным жильем, с рациональной, эстетически полноценной средой, комфортной для проживания человека. Как отмечают авторы монографии, в конце 1960-х гг. «для многих, живущих за пределами городка Нефтяников, он казался образцом чистоты, благоустроенности, высокой культуры поведения и быта. Так оценивали его и жители района... В микрорайоне было к концу 1960-х гг. все: свой Дворец культуры, техникум, универмаг, библиотека, ателье, булочная, несколько бань, фотомастерские и т.д. Это позволило жителям Нефтяников не ездить за необходимыми вещами в центр города, весь район полностью себя обеспечивал» (с. 352–355). Автаркия района, которая усилилась в 1970-е гг., укрепляла в сознании омичей и жителей района восприятие Нефтяников как самостоятельного «городка».

Рецензируемая монография состоит из пяти частей. Из первой вводной части, где детально обосновывается выбранная для решения исследовательских задач источниковая база, подробно излагается методика работы с этой группой источников, явствует, что монография написана в традициях школы «Анналов». Авторы сознательно ограничиваются в основном двумя группами источников. Это визуальные источники, прежде всего – фотодокументы, музейные экспонаты, картографические материалы, а также воспоминания горожан – старожилов, проживающих в различных кварталах

и микрорайонах городка, поселившихся в Нефтяниках в 1950–1960-е гг. Основная часть воспоминаний была составлена в виде интервью по вопросам, разработанным авторами монографии, которые опросили более 100 респондентов. На визуальных источниках и воспоминаниях горожан раскрывается основное содержание второй – пятой частей монографии, которые посвящены изучению архитектурно-планировочных особенностей городка, истории его строительства, изучению таких составляющих повседневности, как трудовые будни, быт, праздники, развлечения. В пятой части монографии история повседневности городка Нефтяников рассматривается в контексте семейной и персональной биографии людей, связавших свою жизнь с ОНПЗ.

Авторы монографии изучают историю повседневности городка 1950-х – 1960-х гг. прежде всего как то, что осталось в памяти старожилов. История Памяти убедительно иллюстрируется богатыми фотоматериалами 1950-х – 1960-х гг., когда фотографии, семейные фотоальбомы, фотолетописи трудовых коллективов становятся характерной приметой повседневности советских людей, фотоматериалы в большом количестве откладываются в краеведческих, ведомственных музеях.

Авторы монографии стремятся верифицировать воспоминания и визуальные источники, оценить их аутентичность, правдивость, используя исследовательскую интуицию, исторические знания, краеведческие материалы, периодическую печать того времени, директивные документы ЦК КПСС и СМ СССР, рассматривая сюжеты повседневной жизни омского городка

Нефтяников в неразрывном единстве с общественно-политическим и социально-экономическим контекстом истории региона, истории нашей страны в 1950-е – 1960-е гг.

Попытка реконструкции повседневности на основе воспоминаний и визуальных источников – смелый, новаторский исследовательский прием. Картина получилась образной, яркой, полной живых, порой мельчайших подробностей меняющегося уклада жизни, повседневных практик провинциального советского города-новостройки в 1950-е – 1960-е гг.

Исследование читается как увлекательный исторический роман, правда, с той разницей, что, в отличие от литературного произведения, герои здесь представлены реальными людьми, с их «невывышенными» биографиями, мыслями, чувствами, переживаниями в исторических реалиях 1950-х – 1960-х гг., с характерными для сознания советского человека того времени ментальными признаками: самооценку труда, настрой на преодоление трудностей, коллективизм. Детально восстанавливаемая в книге картина изменений городской среды, повышения ее качества, комфорта, благоустройства, улучшения условий жизни горожан выглядит убедительным гарантом глубинных ценностных ориентиров советского человека.

Однако в адрес авторов исследования можно высказать ряд критических замечаний. Не ясно, например, сталкивались ли в повседневности жители городка с экологическими проблемами. Известно, что нефтеперерабатывающие производства отличаются повышенным негативным воздействием на окружающую природную среду, здоро-

вье человека. В воспоминаниях горожан на эту тему ничего не сообщается. Отсутствует эта тема и в вопросах, предлагаемых респондентам.

Авторы монографии отмечают большую роль заключенных в строительстве градообразующих объектов, жилья и социокультурной инфраструктуры Нефтяников. По некоторым оценкам, здесь трудилось около 27 тыс. заключенных. Об использовании принудительного труда знали все, кто тогда жил в городке-новостройке. Но обсуждать эту тему, тем более публично, было не принято. существовал негласный запрет. В отношении заключенных, как отмечает один из старожилов городка, вольнонаемные испытывали «какой-то непонятный магический страх» (с. 218). Запретность темы, страх «сужали» память, оставляли этот сюжет «за кадром» или запечатлевали его в памяти в виде фантастического ужаса, от которого «стынет кровь» (с. 218–220). Очевидно, что объективно оценить и понять роль заключенных в повседневности городка, опираясь только на память, невозможно. Здесь требуется обращение к традиционным для исторического исследования источникам – архивным материалам.

Представляется, что предложенная в рецензируемой монографии исследовательская модель по реконструкции городской повседневности, соединяющая глобальные и локальные измерения исторических процессов и явлений – вызовет интерес у читателя. Концептуальная новизна в изучении города будет оценена научным сообществом и даст импульс для дальнейшего развития отечественной урбанистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алисов Д.А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX вв. Омск: Омский гос. пед. ун-т, 2001. 200 с.
2. Алисов Д.А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социокультурное развитие (1860-1914 гг.). Омск: Омский гос. ун-т, 2006. 337 с.
3. Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные, социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск: Изд. дом «Наука», 2004. 292 с.
4. Рыженко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект. Омск: Омский гос. ун-т, 2010. 340 с.
5. Жидченко А.В., Рыженко В.Г. История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950–60-е гг. Омск: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2015. 482 с.

REFERENCES

1. Alisov D.A. Kul'tura gorodov Srednego Priirtysh'ya v XIX – nachale XX vv. [The Culture of the Cities of the Middle Irtysh Region in the XIX – Early XX Centuries.]. Omsk, Omskii gos. ped. un-t, 2001. 200 p.
2. Alisov D.A. Administrativnye tsentry Zapadnoi Sibiri: gorodskaya sreda i sotsiokul'turnoe razvitie (1860-1914 gg.). [Administrative Centers of Western Siberia: the Urban Environment and Socio-Cultural Development (1860-1914).]. Omsk, Omskii gos. un-t, 2006. 337 p.
3. Ryzhenko V.G., Nazimova V.Sh., Alisov D.A. Prostranstvo sovetskogo goroda (1920-ee – 1950-e gg.): teoreticheskie predstavleniya, regional'nye, sotsiokul'turnye i istorikokul'turologicheskie kharakteristiki (na materialakh Zapadnoi Sibiri). [The Space of a Soviet City (1920s-1950s): Theoretical Concepts, Regional, Socio-Cultural and Historical-Cultural Characteristics (on Materials of Western Siberia).]. Omsk, Izd. dom «Nauka», 2004. 292 p.
4. Ryzhenko V.G. Obrazy i simvol'y sovetskogo goroda v sovremennykh issledovatel'skikh opytakh: regional'nyi aspekt. [Images and Symbols of a Soviet City in Modern Research Experiments: Regional Perspective]. Omsk, Omskii gos. un-t, 2010. 340 p.
5. Zhidchenko A.V., Ryzhenko V.G. Istoriya povsednevnoy zhizni omskogo gorodka Neftyanikov v 1950–60-e gg. [History of everyday life in an Omsk town of oilmen in the 1950–60s]. Omsk: OmGU im. F.M. Dostoyevskogo. 2015. 482 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колокольчикова Римма Станиславовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета;
e-mail: retinovka@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kolokolchikova Rimma S. – Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy, Cherepovets State University;
e-mail: retinovka@mail.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
2017. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор О.О. Волобуев
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор Н.Л. Борисова
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 8,25, усл. п.л. 7,75.
Подписано в печать 28.02.2017. Выход в свет: 13.03.2017. Заказ № 2017/02-07
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А